

№ 379.44(с)71(с126М)
084 0-88

ОТЧЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
РУССКОГО МУЗЕЯ

за 1923 и 1924 г.г.

ЛЕНИНГРАД

1925

379.44(с)71(с126М)
В-88

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

ОТЧЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ

за 1923 и 1924 г.г.

ПРОВЕРЕНО 16 ОКТ 2009

1768

БИБЛИОТЕКА
И. М. ~~1768~~
Инв. № ~~1768~~

*Проверено
1768*

ЛЕНИНГРАД

1925

БИБЛИОТЕКА
Инв. № ~~1768~~ 2283

Напечатано по определению Совета Русского Музея.

Ученый Секретарь *Н. Черепнин.*

16 мая 1925 г.

I.

Отчет Государственного Русского Музея за 1922 год заканчивался указанием, что «ближайшими задачами Музея, в плане его работ на 1923 год, являются: 1) открытие полностью Этнографического Отдела, 2) открытие для обозрения части собраний Историко-бытового Отдела и 3) расширение выставочных помещений Художественного Отдела и дальнейшее его устройство».

Осуществление этих задач явилось предметом особого внимания Совета Музея. Из других рассматривавшихся в Совете Музея вопросов надлежит отметить вопросы о программе предполагавшегося, в связи с реконструкцией б. Музея Академии Художеств, Музея русской архитектуры, как Отделения Художественного Отдела Русского Музея, о передаче в Московские музеи художественных произведений из собраний Художественного Отдела Русского Музея, о пополнении Ленинградских музеев из Московских собраний, о передаче в научное ведение Русского Музея особняков Шереметевского и Шуваловского и Летнего дворца, об экспедициях Этнографического Отдела, об учреждении этнографических станций при Русском Музее, об отдельных предметах и коллекциях, находящихся в Музее на хранении, о коллекциях Кустарного Музея и Музея б. Озаровского, о передаче предметов из Русского Музея для временного хранения и изучения в другие музеи Ленинграда, о передаче предметов из Художественного Отдела Русского Музея в провинциальные музеи, о плане работ Отделов Музея, об участии Русского Музея в Музейной Конференции, об изданиях Музея, о мерах по ликвидации последствий наводнения и др.

За отчетный период состоялось два открытых заседания Совета Музея— 3 июня 1923 г. и 31 мая 1924 г. На первом Ученым Секретарем Н. П. Черепниным было сделано сообщение о деятельности Музея за 1922 год и Заведующим Этнографическим Отделом С. И. Руденко сообщение о задачах и собраниях Отдела; на втором— Ученым Секретарем Н. П. Черепниным сделано сообщение о деятельности Музея за 1923 год и Хранителем М. В. Фармаковским произнесена речь: «Следы культа природы в быте русского города».

В течение 1923 года Совет Государственного Русского Музея состоял из следующих лиц: Председатель Совета Директор Музея Н. П. Сычев, члены Совета по избранию: профессор Д. В. Айналов, академик В. В. Бартольд, А. Н. Бенуа, академик Н. Я. Марр академик С. Ф. Ольденбург, академик С. Ф. Платонов, профессор М. Д. Приселков, С. Н. Тройницкий, С. П. Яремич. Члены Совета по должности: Заведующие Отделами, Ученый Секретарь, Хранители, Помощники Хранителей, Библиотекарь.

В декабре 1923 года из состава Совета выбыл профессор Д. В. Айналов.

В 1924 году в состав Совета были вновь избраны: профессор А. И. Заозерский, академик Н. П. Лихачев, Н. Э. Радлов и назначен, распоряжением Заведующего Ленинградским Отделом Главнауки, П. А. Мансуров.

II.

Состав Совета Художественного Отдела в 1923 году был следующий Председатель Совета—Заведующий Художественным Отделом, Хранитель Отделения нового русского искусства П. И. Нерадовский; Члены Совета по избранию: проф. Д. В. Айналов, А. Н. Бенуа, Н. Е. Лансере и С. П. Яремич; Члены Совета по должности: Директор Музея, Хранитель Отделения древне-русского искусства Н. П. Сычев, Председатель Комитета изучения древне-русской живописи академик С. Ф. Платонов, Хранитель Отделения рисунков и гравюр В. В. Воинов, Заведующий Реставрационной мастерской Н. А. Околович, Ученый Секретарь Музея Н. П. Черепнин; Помощники Хранителей: А. П. Иванов, А. П. Смирнов, исп. об. Библиотекаря Б. Г. Крыжановский и Ассистенты: К. Е. Костенко, Е. А. Лютер и Е. К. Мроз. Секретарь Совета Н. А. Пыпин. В декабре 1923 года выбыли из состава Совета проф. Д. В. Айналов и Б. Г. Крыжановский.

В течение 1924 года были избраны в число членов Совета академик Н. П. Лихачев и Н. Э. Радлов и назначен, распоряжением Заведующего Ленинградским Отделением Главнауки, П. А. Мансуров.

Совет Художественного Отдела руководил всей научной и технической деятельностью Отдела.

Наиболее сложным являлся вопрос о б. Музее Академии Художеств. 13-го ноября 1922 года, Совет по делам музеев постановил передать б. Музей Академии Художеств в его полном составе, кроме произведений иностранных художников, в ведение Русского Музея, вместе со штатом личного состава и помещением, и поручил Русскому Музею представить проект организации и использования собраний Академии Художеств в связи с программой Художественного Отдела.

Для детальной разработки этого плана Совет Художественного Отдела избрал Комиссию под председательством Н. П. Сычева в составе: А. Н. Бенуа, В. В. Воинова, Л. А. Ильина, Н. Е. Лансере, П. И. Нерадовского, К. К. Ро-

манова, А. П. Удаленкова, С. П. Яремича, с приглашением в нее представителей Правления Академии Художеств.

Весною 1923 года Совет Художественного Отдела принял разработанную Комиссией, согласно заданию Совета по делам музеев, программу.

Предполагалось, что 6. Музей Академии становится частью Картинной Галереи Русского Музея, ее Отделением в здании Академии Художеств; при этом некоторые из картин, скульптурных произведений, акварелей, рисунков и других предметов поступают из Академии на постоянную выставку в Русский Музей, а часть художественных произведений из собраний Художественного Отдела Русского Музея, в свою очередь, перемещается в здание Академии. Распределение предметов производится по следующему принципу: Галерея Русского Музея должна представить историческое развитие нового русского искусства в его целом; а ее Отделение в здании Академии Художеств—развитие искусства, поскольку оно связано с историей Академии Художеств.

Взамен намечавшихся в 1922 году Советом Художественного Отдела архитектурных секций при Отделениях древнего и нового русского искусства, имевших целью собирать преимущественно архивные материалы, теперь представлялось целесообразным и возможным устройство особого, состоящего в ведении Русского Музея, Музея архитектуры, на правах Отделения Художественного Отдела. В состав коллекций Музея архитектуры должны были войти: модели, проекты архитектурных сооружений, чертежи, архитектурные детали, материалы по обмерам и описаниям памятников русского зодчества, коллекции работ русских архитекторов-пенсионеров Академии Художеств и архивные материалы.

В состав коллекции по истории Академии Художеств — программы конкурентов и работы пенсионеров-живописцев, копии с знаменитых произведений живописи, исполненные пенсионерами Академии, и другие произведения живописи, характеризующие деятельность Академии Художеств. Музей слепков должен был остаться при Академии Художеств, в качестве собрания вспомогательного характера и заключать в себе отливки и копии с выдающихся произведений скульптуры.

Предположения эти, однако, осуществлены не были. Совет по делам музеев признал желательным создание особого мирового Музея архитектуры, куда должны войти и материалы, относящиеся к русским архитектурным сооружениям и русским архитекторам. Проект этот, до настоящего времени не выполнен. Музей слепков распоряжением Ленинградского Отделения Главнауки был передан в ведение Государственного Эрмитажа, а мысль о создании Музея истории Академии Художеств оставлена.

24-го и 31-го мая 1923 г. состоялись открытые заседания Совета Художественного Отдела; на первом профессором Московского Университета А. И. Некрасовым был прочитан доклад об источнике первой русской гравюры; на втором проф. Московского Университета А. А. Сидоровым —

доклад о Д. Г. Левицком, в связи с состоявшейся в Москве выставкой его произведений.

В 1924 году было 5 открытых заседаний Совета Художественного Отдела. 4-го и 9-го апреля и 15-го мая состоялись заседания, посвященные «Выставке русской литографии за последние 25 лет». На этих заседаниях были заслушаны: на первом—доклад В. В. Воинова на тему: «Литография и книга», на втором—доклады: В. Н. Левитского: «Ранние годы И. Я. Билибина и русской графики» и К. Е. Костенко: «Цветная и раскрашенная литография»; на третьем—доклад В. В. Воинова: «Фактурные особенности современной литографии».

25-го ноября состоялось объединенное заседание Совета Художественного Отдела и Совета Государственного Эрмитажа, посвященное памяти Д. А. Ровинского, по случаю столетней годовщины со дня его рождения. На этом заседании были заслушаны доклады: А. Ф. Кони—«Воспоминания о Ровинском», Г. С. Верейского—«Ровинский, как исследователь и собиратель Рембрандта», В. В. Воинова—«Значение Ровинского, как исследователя русской гравюры», Н. П. Сычева—«Ровинский и древне-русское искусство».

16-го декабря состоялось открытое заседание Совета Художественного Отдела, на котором заслушен доклад В. С. Кривенко: «Воспоминания о П. Соколове». Доклад был сделан в связи с исполнившимся 25-летием со дня смерти художника, важное значение которого в истории русской живописи наглядно выяснилось в годы революции, когда многие выдающиеся его произведения, находившиеся прежде в частных собраниях, были переданы в Государственные хранилища. В зале, где происходило заседание, была устроена выставка акварелей П. Соколова.

Вопросы, относящиеся к деятельности каждого из Отделений Художественного Отдела, обсуждались в совещаниях Отделений, в состав которых входил весь научный персонал Отделения.

Вопросы, относящиеся к реставрации памятников древне-русской живописи, рассматривались в Комитете изучения древне-русской живописи.

III.

В 1923 г. кроме инвентаризации, классификации и хранения памятников в число работ Отделения древне-русского искусства входили: 1) подготовка к изданию научного каталога, 2) изучение русского искусства XVI—XVII ст., пересмотр, в связи с этим, собраний Отделения и организация выставки произведений искусства «Строгановской школы», как одного из важнейших художественных явлений эпохи. В связи с подготовкой к изданию научного каталога Отделения сотрудниками его были исполнены научные описания икон византийских и греко-итальянских.

В целях изучения русского искусства XVI—XVII ст. был организован семинарий по изучению художественных течений эпохи Ивана Гроз-

ного, под руководством Хранителя Отделения Н. П. Сычева. В семинарии были прочитаны доклады Н. П. Сычевым—«Фресковая роспись Свяжского монастыря», А. П. Смирновым—«Фрески Супрасльского монастыря», Ю. А. Лебедевой—«К вопросу о росписи Супрасльского Монастыря», М. К. Каргером—«Очерк историографии строгановского иконописания», Н. В. Малицким—Композиция: «Ты еси иерей во век по чину Мельхиседекову» и П. К. Симони—«Спасский мост в Москве и торговля на нем в старину произведениями искусства». В результате работ семинария явилась составленная его участниками библиография по вопросам искусства указанной эпохи.

На выставке произведений искусства «Строгановской школы» были представлены памятники из собраний Отделения, а также из Строгановского дворца-музея, музея при Художественно-Археологическом Отделении ФОН'А Ленинградского Государственного Университета, Музея Общества Поощрения Художеств, Музея Города и Управления Детскосельских дворцов-музеев.

Особо приглашенными специалистами лингвистами и палеографами (акад. В. Н. Перетц, проф. В. В. Майков и проф. В. В. Виноградов) был произведен анализ надписей на затыльных сторонах икон. А. П. Смирновым произведено изучение памятников строгановского иконописания в Московском Историческом Музее, Кремлевской Реставрационной Мастерской, в палатах старообрядческого Преображенского московского кладбища, на Рогожском кладбище, в старообрядческой церкви Успения у Покровской заставы, во 2-м Пролетарском Музее, в Музее Троице-Сергиевой Лавры, в соборе Саввы-Сторожевского монастыря в Звенигороде и ряде других государственных и частных хранилищ.

Выставка открылась 30-го декабря 1923 года. Она явилась наглядным показателем, что «строгановское искусство» есть историческое звено в процессе перехода от старых византийско-русских художественных традиций к новым реалистическим направлениям древне-русской живописи, звено, чрезвычайно наглядно иллюстрирующее художественные вкусы второй половины XVI и начала XVII столетий¹.

Для подготовляемой выставки древне-русского шитья выполнялись работы по классификации материалов на основании датированных памятников, по собиранию и изучению литературы и составлению описаний.

В 1924 г. Отделением древне-русского искусства велись работы по подготовке к переустройству постоянной выставки и устройству временных выставок древне-русского шитья и прикладного искусства, а также работы по усовершенствованию инвентарей Отделения, для чего проводилась систематическая перерегистрация коллекций, устанавливались постоянные номера предметов и отмечалось в карточном каталоге местонахождение предметов. Производился учет коллекций прикладного искусства, составлялся их каталог и научное описание. Составлялись карточные указа-

¹ Подробнее см. Выставка произведений искусства Строгановской школы. Пгр. 1923.

тели к памятникам резьбы, шитья, финифти, окладов крестов на престольных и в окладах, панагий, венчиков, цат и литья (карточки по литью составлялись В. И. Лесючевским с особыми рисунками с оригиналов).

IV.

Основной задачей Отделения нового русского искусства в течение отчетного периода было продолжение переустройства на новых началах по стоянной выставки Отделения.

Такая работа явилась тем более неотложной, что в 1923 году Художественному Отделу Русского Музея были переданы русские коллекции бывшего Музея Академии Художеств. Включение их в состав собраний Художественного Отдела давало Отделу возможность с полнотой и яркостью представить теперь на постоянной выставке некоторые эпохи и творчество отдельных мастеров. Оказалась наконец осуществимой давно намеченная замена некоторых второстепенных произведений, ранее характеризовавших того или другого мастера, ту или иную эпоху, произведениями действительно значительными по своим высоким качествам или ценнейшими по историческому значению.

Достаточно указать, что коллекция живописи начала XVIII века обогатилась работами петровских пенсионеров; собрание произведений Левицкого — портретом Кокорина, который особенно сильным красочным аккордом дополняет уже имевшийся в Музее цикл творений художника и, вместе с несколькими другими, вновь поступившими его портретами, дает полную картину творчества Левицкого. Собрания живописи пополнились произведениями Шукина, Сильвестра Щедрина, Кипренского, Венецианова и др., а коллекция скульптуры — единственным по полноте и значению собранием произведений русской скульптуры.

Поступление в Художественный Отдел первоклассного музейного материала обязывало к его неотлагательной экспозиции. Осуществлять эту задачу пришлось лишь в том объеме, в каком это допускает место в открытых для посетителей залах постоянной выставки.

В течение второй половины 1923 года и всего 1924 года в Художественном Отделе шли работы по размещению в этих залах наиболее выдающихся произведений живописи и скульптуры из б. Музея Академии Художеств, равно как и вещей, поступивших в Отдел из других учреждений, а также принесенных в дар и приобретенных. Работы эти производились в соответствии с общим планом постоянной выставки.

Развешено вновь до 120 картин. В настоящее время могут считаться вполне законченными, в смысле экспозиции живописи, три зала, посвященные художникам академического направления. Пополненные поступившими из б. Академического Музея картинами Лосенко, Угрюмова, П. И. Соколова, Родчева, Акимова, Егорова, Кипренского, Андрея Иванова,

Александра Иванова, Шебуева, П. Ф. Соколова, Брюллова, Сазонова, а также академическими программами: Ге — «Аэндорская волшебница» и Репина — «Воскрешение дочери Иaira», залы эти дают теперь полное представление о русской академической школе. Точно также законченными являются залы Левицкого и Боровиковского.

Ценные пополнения сделаны в залах: русских художников первой половины XVIII века, иностранцев, работавших в России, Венецианова, Чернецова, Брюллова. В особую группу выделена коллекция портретов деятелей Академии Художеств, размещенная во вновь устроенном зале нижнего этажа.

Значительные работы выполнены по экспозиции скульптуры. Произведена подготовительная работа по отбору для выставки вещей из б. Музея Академии Художеств и из собраний Отдела. Вновь выставлено около 60 вещей, в том числе работы Шубина, Козловского, Фальконэ, Прокофьева и др., и, в соответствии с этим, произведена почти полная перестановка скульптуры в залах. Произведения русских скульпторов расставлялись по тем залам, где развешены картины современных им и родственных по направлению художников. В особую, самостоятельную группу выделено собрание больших скульптурных фигур мастеров конца XVIII и первой половины XIX века; они размещены на верхних площадках главной лестницы и внизу в вестибюле.

В Белоколонном зале представлены Шубин, Земмельгак и Козловский, в зале Левицкого размещены бюсты Шубина; в зале Рокотова — работы Прокофьева; в зале Боровиковского — терракота Мартоса и бронзовые бюсты неизвестного мастера, характерные для первой четверти XIX столетия; в зале Кипренского — произведения Козловского; в зале Венецианова — бюсты работы Воронихина и Соколова и витрины с барельефами Ф. Толстого, а также Уткина, Серякова, Либериha; в залах Чернецова, Брюллова и Федотова — работы Гальберга, Витали и Клодта; в XXXII зале — работы Гальбига и Лаверецкого.

В залах, посвященных академической живописи, представлены: Орловский, Витали, Пименов, Логановский, Гальберг, Каменский, Годабский, Подозеров, и Бок.

В зале иностранцев представлены: Б. Растрели, Жиллэ, Рашетт, Гишар. В смежном с этим залом кабинете выставлены (пока в виде опыта) бронзы работы Фальконэ, Жиллэ, Рашетта, Козловского, Щедрина.

В вестибюле и вокруг лестницы расставлены фигуры и группы работы Шубина, Щедрина, Орловского, Мартоса, Демут-Малиновского, Михайлова, Велионского, Кемберлена, Крылова, Попова, Беляева, Залемана, Баха и Бока.

В нижнем этаже в первых 5 залах размещены произведения скульпторов передвижнического направления — Чижова, Беклемишева, Антокольского, Гинцбурга, а также модель памятника работы Микешина и маленькие бронзовые группы Либериha, Лансере и Позена.

В залах: VI — работы Трубецкого; в VII — скульптурная голова, работы Врубеля, произведения Трубецкого и Обэра; в IX — работы Стелецкого; в XI — Голубкиной и Андреева; в XII — работы Коненкова, Судьбина и Ухтомского и в XIV — работы Матвеева.

Наконец, в новом зале, посвященном собранию портретов деятелей Академии Художеств, размещено 14 бюстов художников, скульпторов, архитекторов и др. деятелей Академии Художеств.

Ценною частью собрания скульптуры является поступившая из б. Музея Академии Художеств коллекция русского медальерного искусства, которая, вместе с ранее имевшимися в Художественном Отделе коллекцией русских медалей и исключительными по своему значению коллекциями оригиналов Ф. Толстого и Уткина, представляет возможность с достаточной полнотой выявить русских мастеров в этой области.

В результате произведенных работ Галерея Государственного Русского Музея дает в настоящее время, параллельно с картиной развития новой русской живописи, картину развития русской скульптуры, хотя далеко еще неполную, намечающую только главные ее этапы.

Необходимо, однако, отметить, что в близком будущем, когда все работы по пополнению экспозиции в уже открытых выставочных залах главного здания будут завершены, — постоянную выставку картин, миниатюр, скульптуры, а также акварелей и рисунков всетаки еще нельзя будет считать приведенной в окончательный, соответствующий разработанному плану вид. О полном устройстве Галереи Художественного Отдела, соответственно плановому заданию, можно будет говорить лишь после того, когда к ней присоединятся и будут использованы для экспозиции новые помещения. При настоящем объеме Галереи, значительная часть входящих в собрания Отдела произведений искусства, имеющих художественную ценность или значение чисто историческое, не может быть выставлена за недостатком места и вследствие неблагоприятных условий освещения в большинстве зал нижнего этажа.

Отделением нового-русского искусства в 1923 г. закончено описание композиций картин и продолжались работы по обмерам и описанию скульптурных произведений.

Шли работы по подготовке к выставке произведений Рокотова и собирание для нее экспонатов. Для выставки доставлено: 3 портрета из Гатчинского дворца, в том числе известные портреты Екатерины II в профиль и Павла Петровича мальчиком; из Государственного Эрмитажа около 20 произведений Рокотова и его школы, хорошо показывающие различные фазы манеры художника; портрет Петра III, бывший прежде в Английском дворце в Петергофе; 2 портрета из Шереметевского особняка; портрет Екатерины II — из Академии Наук, ряд портретов Рокотовского круга из особняка Шуваловых, Музейного Фонда и от частных лиц. Вместе с произведениями Рокотова и его школы, выставленными в залах художе-

ственного Отдела и поступившими из б. Музея Академии Художеств, для выставки собрано до 80 экспонатов.

В течение отчетного периода Отделением велись работы по приему, разборке и регистрации коллекций, поступивших на хранение, а также по отбору их в Государственном Музейном Фонде и др. хранилищах, по проверке, систематизации и пополнению карточного каталога картин, миниатюр и скульптурных произведений и по размещению в резервных помещениях коллекций, не использованных для постоянной выставки.

V.

Отделением рисунков и гравюр в 1923 г. начато составление систематического, предметного указателя собрания гравюр. В этом каталоге предусмотрены: 1) распределение гравюр по технике, с выделением рисовальщиков, авто-граверов, монограммистов и пр., 2) распределение по сюжетам, изображенным на гравюрах, с образованием ряда групп, разделяющихся, в свою очередь, на подотделы. В связи с этой работой выполнен просмотр всего наличного материала гравюр, внесены исправления в атрибуции и произведен ряд определений неизвестных листов. Параллельно с этой работой составлялись списки литографий и ксилографий, хранящихся в Художественном Отделе Русского Музея и выполнялись работы по разборке и систематизации коллекций рисунков, гравюр и литографий.

В 1923 г. Отделением рисунков и гравюр осуществлена выставка: «Русская литография за последние 25 лет».

С развитием и усовершенствованием фото-механических способов печати, литография и гравюра, как средства для воспроизведения картин и рисунков, отодвинулись на второй план. Литографское искусство стало падать и вырождаться и одно время почти было заброшено. Честь возрождения литографии принадлежит художникам, группировавшимся вокруг журнала «Мир Искусства».

Выставка с исчерпывающей полнотой представила развитие художественной литографии со времени ее возрождения, особенно расцвет ее за революционные годы, когда художники, занимающиеся литографией, расширили и углубили свою задачу. Расширили—в смысле содержания, в которое входит и жанр, и пейзаж и портрет,—углубили в отношении совершенствования самой техники и изощрения ее форм.

На выставке были представлены работы Л. С. Бакста, А. Н. Бенуа, К. Богаевского, О. Э. Браза, В. И. Быстренина, А. М. Васнецова, В. А. Ватагина, Г. С. Верейского, Н. Войтинской, Н. Герардова, А. Я. Головина, Н. С. Гончаровой, М. В. Добужинского, Д. Н. Кардовского, В. М. Конашевича, П. В. Кузнецова, Н. И. Кульбина, Б. М. Кустодиева, Е. Е. Лансере, М. Ф. Ларионова, Ф. А. Малявина, П. И. Нерадовского, А. П. Остроумовой-Лебедевой, А. О. Па-

стернака, И. Е. Репина, Н. К. Рериха, В. А. Серова, В. Д. Фалилеева, Н. И. Фешина, П. А. Шиллинговского, М. В. Якунчиковой.

Полноте и успеху выставки оказали ценное содействие, путем предоставления экспонатов, Государственное Издательство, в лице заведывающего Ленгизом И. И. Ионова, Ф. Ф. Нотгафт, Б. Г. Крыжановский, В. Д. Фалилеев, Л. И. Жевержеев; художники:—А. П. Остроумова-Лебедева, Д. И. Митрохин, Г. С. Верейский, В. М. Конашевич, В. Н. Левитский, А. В. Каплан и многие другие. Г. С. Верейским при содействии Полиграфического Отделения Академии Художеств (П. А. Шиллинговского и Н. В. Шалыгина) был сделан, в целях показательности процесса, рисунок на камне и оттиск с него¹.

В. В. Воиновым составлен научно-разработанный карточный каталог свыше 500 экспонатов этой выставки и, в связи с выставкой, подготовлен для печати очерк развития русской литографии за последние 25 лет.

В 1924 году Отделением рисунков и гравюр была устроена выставка рисунков, офортов и литографий И. Е. Репина. Она явилась первой частью большой юбилейной выставки произведений Репина и имела целью представить в конкретной форме именно указанную область творчества художника. На выставке удалось собрать богатый, как количественно, так и качественно, материал, охватывающий период художественной деятельности Репина за 55 лет. Около 125 рисунков выявили эволюцию Репина—рисовальщика и дали возможность установить, с полной очевидностью, этапы его технических приемов, то-есть решить проблему, которая до сих пор не ставилась в научно-художественной литературе с надлежащей конкретностью и ясностью. Не меньшую роль, в смысле подведения итогов творческого пути художника, сыграло собрание воедино его офортов и литографий, что вызвало пересмотр уже имевшихся литературных данных по этому вопросу и установление новых положений и исправлений.

VI.

Недостаток средств почти совершенно лишил Музей возможности делать приобретения. Поэтому собрания Художественного Отдела пополнялись главным образом поступлениями в дар и путем передачи из Государственного Музейного Фонда, музейных хранилищ и учреждений.

По Отделению древне-русского искусства в 1923 году поступило: из Государственного Музейного Фонда: 5 предметов из 6. собрания Лемана, 6—из 6. собр. Репниных, 111 — из ризницы Соловецкого монастыря, 33 — Кирилло-Белозерского монастыря, 22 — Александро-Свирского монастыря и 3514 — Александро-Невской Лавры; в дар от Д. А. Золотарева—2 предмета; приобретен 1 предмет. В 1924 г.—из Государственного Музейного

¹ Подробнее см. Русская литография за последние 25 лет. Пгр. 1923.

Фонда 15 предметов; в дар от А. Н. Глухова и от лица, пожелавшего остаться неизвестным, 2 предмета; приобретен 1 предмет.

По Отделению нового русского искусства в 1923 году поступили из б. Музея Академии Художеств 401 картина и 212 скульптурных произведений, 24 предмета художественной обстановки; в дар: от А. И. Аничкова—Джогин: «Пейзаж»; от Э. К. Липгардта—Ционглинский: «Портрет дочери Э. К. Липгардта», Леман: «Портрет жены Э. К. Липгардта» и Синаев-Бернштейн: Бюст Э. А. Липгардта; от Б. М. Модзалевского-Мошин: «Крестьянка из Великих Лук»; от А. А. Рылова—Рылов: «Свежий ветер»; от О. А. Маковской—Забелло: Бюст В. Е. Маковского (гипс) и Андреев: — бюст В. Е. Маковского (окраш. гипс.); от А. П. Боткиной—Гальберг: Бюст Оленина (мрам.), Врубель: Голова Демона (краш. гипс.) и Трубецкой: Бюст С. С. Боткина (гипс.). Приобретена 1 скульптура.

В 1924 году поступили: 1) «Вид р. Тосны» — Тыранова, пейзаж 1827 г., высокого художественного достоинства и характерный для ранней работы художников Венециановского круга. Картина принесена Отделу в дар Комитетом Общества Поощрения Художеств, который в течение 4 лет не переставал таким же путем пополнять собрания Художественного Отдела ценнейшими произведениями русского искусства. 2) «Портрет неизвестной» работы Рокотова, являющийся одним из выдающихся произведений мастера; принесен Отделу в дар И. И. Рыбаковым; 3) «Юбилейный обед», интереснейший эскиз 80-х годов Репина; принесен в дар Исполкомом Выборгского района и 4) принесенные в дар Терликовой, через Государственный Музейный Фонд, из собрания Ковригиных: Ф. Бруни—«Портрет сына художника», Нефф—«Богоматерь», П. Орлов—«Портрет худ. Е. П. Ковригина», Бронников—«Портрет П. Ф. Маркова», Лагорио—«Вид в окрестностях Рима» и «Вид с остр. Искки на Везувий», Г. Чернецов—«Открытие Александровской Колонны», Венецианов—«Слепой старик учит мальчика игре на бандуре», Мартынов—«Вид Гатчины» и «Вид взморья», Тыранов — «Портрет Е. П. Ковригиной» и «Портрет Д. П. Ковригина», Флавицкий — «Суд Соломона», «Нахождения Моисея дочерью фараона» и «Продажа Иосифа братьями», Айвазовский—«Гурзуф» и «Дворец дождей», неизвестного художника XVIII века—«Екатерина II», Ковригин—«Автопортрет», академическая программная работа и «Весталка», Манухин — «Портрет худ. Ковригина» (пастель), Лансере—«Сокольниковый» и «Киргиз» и Лаврецкий — «Голова еврея» (три скульптуры из бронзы). Приобретены 2 скульптурные произведения.

По Отделению рисунков и гравюр в 1923 г. приобретены 3 рисунка, переданы из Государственного Музейного Фонда 1 рисунок, из б. Музея Академии Художеств—139 рисунков и акварелей, 466 медных гравированных досок; поступили в дар рисунки и акварели от А. И. Аничкова, В. Н. Аргутинского-Долгорукова, М. В. Добужинского, Е. С. Кругликовой, А. В. Лебедева, Н. Е. Машковцева, Д. И. Митрохина, Б. Л. Модзалевского, П. Е. Рейнбота, Н. П. Черемнина; гравюры—от О. Г. Алексеевой, В. П.

Белкина, Г. С. Верейского, В. В. Воинова, А. А. Даугеля, М. В. Коврайской, В. М. Конашевича, К. Е. Костенко, И. Львова, Д. И. Митрохина, А. П. Остроумовой-Лебедевой, Н. А. Утина, А. С. Шохор-Троцкого; литографии — от В. Н. Аргутинского-Долгорукова, Г. С. Верейского, В. В. Воинова, Г. С. Габаева, Госиздата, Комитета популяризации художественных изданий, В. М. Конашевича, Е. Е. Лансере, проф. Мартынова, Д. И. Митрохина, неизвестного, П. И. Нерадовского, Ф. Ф. Нотгафта, А. П. Остроумовой-Лебедевой, П. Н. Шеффера, А. С. Шохор-Троцкого; фотомеханические воспроизведения — от Г. П. Блока, Ф. Ф. Бодунгена, Э. Ф. Голлербаха, Госиздата, группы служащих Русского Музея, В. М. Конашевича, Д. И. Митрохина, П. И. Нерадовского, В. К. Охочинского, А. А. Сидорова, И. М. Степанова, С. В. Чехонина; деревянная доска-клише — от А. Даугеля.

В 1924 году внесено в инвентарь и вновь поступило 6232 листа и 294 досок и литографских камней. Из них наиболее ценные поступления: а) переданные ранее из Государственного Музейного Фонда: А. Бенуа — иллюстрации к «Капитанской дочке»; Гампельна — портрет военного; Добужинского — портреты Г. Нарбута и художника Риссанена; В. Замирайло — «Тугарин и Змей Горыныч»; Кустодиева — портрет В. Сапунова, рисунки: Лебедева — Пуни, Тырса; акварели Филонова; иллюстрации М. Шагала; И. Е. Репина — 2 рисунка; собрание Орлова — гравюры и литографии из Эрмитажа (4370 лист.); коллекция Маркса — рисунки, гравюры и литографии Шишкина (527 л.) (из Пушкинского Дома); б) принесенные в дар: от С. П. Боткиной — рисунок Серова: «Портрет Павловой», акварель Сомова: «После дождя»; акварель Е. Д. Поленовой: «Сказка»; от С. П. Яремича — рисунок И. Шишкина: «Развалины Чертова Городища»; от Добужинского — рисунок самого художника: «Летний сад» и автолитографии его же работы; от Г. С. Верейского — автолитографии самого художника; от А. Кравченко — серия гравюр на дереве, работы самого художника; от П. И. Нерадовского — ряд ех libris'ов работы разных русских художников; в) приобретенные: Зеленцов — «Автопортрет» (рис.); Соколов П. — «Рабочий кабинет П. Ф. Соколова» (акв.); Федотов — «Пьяные» (рис.).

В свою очередь по распоряжению Главнауки и ее Ленинградского Отделения, из Художественного Отдела передавались коллекции и отдельные предметы. Так, в 1923 году была передана наследникам В. Е. Маковского часть его коллекции находившейся на хранении в б. Музее Академии Художеств. В 1924 году переданы в Государственную Третьяковскую галерею картины: Айвазовского — «Вид на взморье», Акимова — «Святослав», И. И. Бельского — «Архиерей во время богослужения», Венецианова — «Автопортрет», Кипренского — «Портрет Швальбе», Комяженкова — «Мужской портрет» и «Женский портрет», Лагрене — «Избиение младенцев», Лампи (отец) — «Портрет Завадовского», Левицкого — «Портрет Екатерины II», Лосенко — «Прощание Гектора с Андромахой», Митропольского — «Портрет Вяземского», и «Портрет Вяземской», Перезинотти — «Пейзаж с развалинами», Петрова — «Пейзаж», Родчевз — «Св. Севастьян», Рылова —

«Зеленый шум», П. И. Соколова—«Дедал и Икар», Сорокина—«Развал», Торелли—«Коронование Екатерины II», Шибанова—«Портрет Потемкина», Сильв. Шедрина—«Вид с Петровского острова на Тучкову набережную», Щукина—«Павел I».

Подготовлены к передаче в Третьяковскую галерею произведения скульптуры: Гордеева: «Прометей», гипс; Каменского: «Ф. А. Бруни», гипс. бюст, и «Вдова», бронза; Козловского: «Пастушок», бронза; Орловского: «Парис», мрамор; Пименова: «Фонтан богатырей», гипс, и «Слава», гипс; Прокофьева: «Актеон», гипс; Растрелли: «Анна Иоанновна», гипс; Ролан: «Маяк», дерево; Ставассера: «Сатир, разубаивающий нимфу», гипс; Шедрина: «Марсий», бронза; Раймерс: «Сервиз», гипс; Гишара: «Екатерина Павловна», гипс. бюст; Блистанова: «Пастушок», гипс; Витали: «П. Ф. Соколов», гипс. бюст; Гальберга: «А. Н. Оленина», гипс. барельеф; Пименова: «Воронцов», гипс. бюст; Рамазанова: «Милон Кротонский» гипс; Витали: «Михаил Павлович», гипс; Колло: «Петр I», гипс. голова; Каменского: «Шевченко»: гипс. бюст; Пименова: «Вильсон», гипс. бюст; Прахера: «Генерал Моро», гипс. бюст; Мануйлова: «Екимов», гипс. бюст; Пименова: «в. к. Мария Николаевна», бронз. бюст; Иенсена: «Диана», гипс; Шубина: «Завадовский», бронз. бюст; Подозерова: «Резанов», гипс. бюст.

Художественный Отдел, уделяя из своих коллекций для Третьяковской Галереи ряд выдающихся в художественном и историческом отношении произведений русской живописи и скульптуры и нуждаясь в пополнении пробелов своих собраний, выражает уверенность, что московские музеи, с своей стороны, пойдут навстречу удовлетворению представленных им через Ленинградское Отделение Главнауки пожеланий.

Ряд произведений передан частью навсегда, частью на временное хранение, в другие музеи, а именно: в Гатчинский дворец-музей—«Портрет кн. Орловой» (копия с Рокотова); в Географический Музей—картины: Верещагина—«Казбек» и «Эльбрус в дождь», Крачковского—«Весна в Крыму» и Мартэна—«В делях нашего Севера»; в Музей Института Инженеров Путей Сообщения: «Модель моста Александра III-го в Париже»; в Военный Музей—картины: Верещагина—«Атака» и Попова—«Орлиное гнездо»; в Государственный Эрмитаж—иностранный фарфор и рисунки Л. Фредерика из собрания Аргутинского-Долгорукова и персидский ковер и статуэтки из собрания Терещенко.

VII.

Научно-исследовательская работа Художественного Отдела в 1924 г. выражалась в следующем:

Н. П. Сычев был занят по изучению хранящихся в Отделении памятников русской живописи XVI века.

А. П. Смирнов, в связи с продолжающимся изучением иконы «Пантократора» греческих писем XIV в. (инвент. № 217) написал работу о «Скаранике» (головном уборе визант. чиновников эпохи Палеологов), где доказывается, что именно этим термином необходимо обозначать венец такого типа, какой носит ктитор означенной иконы. До сих пор этим словом обозначали одежду. Статья будет напечатана в журнале «Byzantion». Кроме этого занимался изучением развития композиции «Успения» в византийском искусстве, установил его древнейшие схемы и главнейшие линии развития.

Н. В. Малицкий подготовил исследования по вопросу о символических изображениях на памятниках станковой живописи эпохи дьяка Висковатого и по вопросу о развитии так называем. «чинов» (Деисусных и особенно пророческих) в древне-русском искусстве.

Все сотрудники Отделения заняты составлением «Строгановского» сборника, посвященного вопросам, связанным с изучением того этапа развития древне-русской живописи XVI—XVII вв., который связывается с именитыми людьми Строгановыми. В связи с научно-исследовательской работой Отделения Е. А. Лютер сделала сообщение о датировании памятников древне-русского шитья в собрании Русского Музея и их фактуре; А. П. Смирнов сделал отзыв о книге L. Réau: *L'art russe depuis les origines à Pierre le Grand* (Paris 1918), Н. В. Малицкий—о книге Tanina Halle: *Die altrussische Kunst*.

П. И. Нерадовский был занят изучением творчества Рокотова, в связи с исследованием материала, собранного для выставки произведений этого художника в Третьяковской Галерее и в Русском Музее. Кроме того занимался изучением произведений Венецианова и некоторых его учеников, а также продолжал свою работу по изучению рисунков русских художников XVIII и XIX вв.

А. П. Иванов работал по изучению Репина и, в связи с ним, Сурикова и передвижников, а также новейших современных течений в русской живописи; Е. К. Мроз—по изучению живописи портретов XVIII ст. и особенно Рокотова; М. С. Коноплева—по изучению рисунков первой половины XIX стол.; Н. В. Тревер—по изучению художников группы «Мир Искусства»; Г. М. Преснов—по изучению русской скульптуры XVIII и XIX вв.; Н. С. Платонова—по вопросам о деятелях, оказавших влияние на русское искусство XVIII в. и особенно Я. Штелине (извлечение архивных документов в Публичной Библиотеке, в связи с заданием Отделения); Е. А. Рост—по изучению, в связи с заданиями Отделения, архивных материалов о русских художниках XVIII в. (Антропове, Рокотове и др.) в Архиве Академии Художеств и др.

В. В. Воинов—в истекшем году напечатал статьи: «Литография и книга» (журн. «Гравюра и Книга», Москва, № 2—3); «Новая гравюра и литография», (там же); «О выставках литографий в Эрмитаже и Русском Музее»—журн. «Среди коллекционеров» № 3—4; «Ближайшие перспективы

в области графического искусства» («Жизнь Искусства» 1924 г., № 1 и 2); «Ассоциация художников революционной России» (журн. «Ленинград»); «А. Р. Эберлинг»—к 20-летию его художественной деятельности (журн. «Ленинград»).

К. Е. Костенко был занят изучением русского лубка.

Кроме лиц научного персонала Музея, на материале Музея вели научно-исследовательскую работу научные работники ученых учреждений и высших учебных заведений; в 1923 году их было 72, в 1924 г.—63. Много лиц, особенно из деятелей провинциальных Музеев и студентов ленинградских высших учебных заведений, изучали в Музее технику музейного дела.

За недостатком средств Художественный Отдел имел возможность осуществить в 1923 году лишь командировки в Москву А. П. Смирнова, в связи с выставкой произведений искусства «Строгановской школы», П. И. Нерадовского и Е. К. Мроз—в связи с выставкой произведений Рокотова, а в 1924 году—командировку в Москву Е. А. Лютер, в связи с подготовляемой выставкой древне-русского шитья.

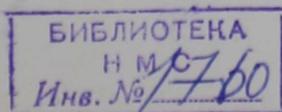
Кроме того по личному почину ряд лиц из научного персонала Художественного Отдела использовали в 1924 г. личный отпуск в целях изучения памятников: Н. П. Сычев, Л. А. Дурново, Н. В. Малицкий и В. И. Лесючевский—в Киеве и Чернигове; Е. А. Лютер—на русском Севере (в Кеми, Коле, Кандалакше и Петрозаводске), П. И. Нерадовский—в Слуцке, Троицке и Детском Селе.

Заведующий Реставрационным Делом—Н. А. Околович использовал свой летний отпуск с целью выяснения состояния древних памятников архитектуры и живописи в Кеми, Коле, Кандалакше и Петрозаводске.

Большое внимание уделялось культурно-просветительной работе. Читались доклады, лекции, велись практические занятия с слушателями высших учебных заведений и экскурсий. В 1923 г. Н. Ф. Романченко был прочитан доклад: «Некоторые данные о новгородском литье», В. В. Воиновым доклады о творчестве К. А. Сомова и Л. С. Бакста. В 1924 году проф. П. И. Карповым—два доклада к проблеме психологии творчества.

В течение 1924 года по материалам Художественного Отдела велись семинарии: для студентов Отделения Археологии и Истории Искусства ФОН'а Ленинградского Государственного Университета—семинарий по истории древне-русской живописи, под руководством Хранителя Отделения древне-русского искусства Н. П. Сычева; для них же—семинарий по новейшей русской живописи, под руководством Помощника Хранителя Отделения нового русского искусства А. П. Иванова; для слушателей Экскурсионного Института—семинарий по живописи эпохи передвижничества, под руководством Ассистента Художественного Отдела—Е. А. Лютер и др.

Лекционная работа в Художественном Отделе в 1924 году выразилась в следующем:

Научный персонал Отделения древне-русского искусства провел ряд лекций-экскурсий по памятникам древне-русского искусства, как для слушателей ВУЗ'ов, так и для других посетителей (учителя, трудшколы, профсоюзные организации и др.).

По материалу Отделения нового-русского искусства прочтен ряд лекций: для студентов Ленинградского Государственного Университета: А. П. Ивановым—4 лекции: «Пейзаж у Левитана и Серова», «Сомов и А. Бенуа», «Рерих» и «Декоративное значение мазка у некоторых художников» (в связи с семинарием в Университете) и Н. П. Черепниным—4 лекции по новейшим течениям русской живописи; для слушателей Экскурсионного Института: Е. А. Лютер—10 лекций о передвижниках, а также Репине и Левитане (в связи с семинарскими занятиями); В. И. Лесючевским и Г. М. Пресновым для слушателей ВУЗ'ов и для группы других посетителей проведен ряд лекций-экскурсий, первым—по русской живописи, вторым—по скульптуре; В. В. Воиновым проведено на выставке «Русской литографии за последние 25 лет»—6 лекций-экскурсий.

В 1923 году Художественный Отдел посетило 88.247 человек, в том числе 38.808 экскурсантов (1570 экскурсий). В 1924 году общее число посетителей было 72.212, из них 32.698 экскурсантов (1542 экскурсии). Экскурсии были разнообразных типов, начиная с воспитанников детских домов, красноармейцев и учащихся школ I и II ступени и кончая слушателями высших учебных заведений и начинающими руководителями. Среди экскурсий—были цикловые экскурсии учащихся в высших учебных заведениях, местных и приезжих из Москвы и провинции. Руководство экскурсиями лежало на сотрудниках Художественного Отдела, сотрудниках экскурсионных организаций и преподавателях учебных заведений.

VIII.

Условия хранения минувших лет (1918—1922 гг.) губительно отразились на сохранности музейных коллекций, преимущественно коллекций древне-русского искусства, из которых, в свою очередь, наиболее пострадали коллекции памятников древней живописи, как исполненные из материалов особенно чувствительных к переменам условий хранения. Разрушения, появившиеся на древних иконах, были настолько многочисленными и угрожающими для их сохранности, что главная работа Реставрационной мастерской Художественного Отдела в продолжении последних лет состояла в их укреплении, как временно, так и постоянном, чтобы предохранить от дальнейшего разрушения красочные слои и самые доски икон.

От тех же неблагоприятных условий хранения пострадали и картины; являющиеся результатом этих условий признаки разрушения частью уже обнаружили, частью будут обнаруживаться постепенно, в продолжении ряда предстоящих лет.

За годы революции из дворцов, музеев, монастырей, от государственных учреждений и от частных лиц в Художественный Отдел поступило большое количество художественных предметов, произведений живописи, скульптуры, рисунков, пастелей, миниатюр, гравюр, предметов прикладного искусства и др. Значительная часть их поступала пострадавшими и нуждающимися в тщательном уходе и реставрации.

Особо внимательного отношения требовали поступившие в Художественный Отдел драгоценные коллекции памятников древне-русского шитья. Ветхость тканей, различные механические повреждения, а также разрушения от атмосферических влияний в тех условиях, в каких эти памятники хранились ранее, вызывали необходимость срочной разработки способов их хранения и укрепления, предупреждающих дальнейшее разрушение. Наконец, в исходе 1924 г. на Реставрационную мастерскую Художественного Отдела выпали экстренные работы в связи с последствиями наводнения.

К началу 1924 года Заведующим Реставрационным делом Художественного Отдела Н. А. Околовичем был разработан метод музейной реставрации древнего шитья, в соответствии с принципами, принятыми Художественным Отделом при реставрации памятников древней живописи. Основные положения этого метода заключаются в следующем. Обычное мнение о реставрации памятников включает в себе представление о распространённых приемах, применяемых при стремлении сохранить, подновить или подделать под старину утраченный памятник искусства, путем его укрепления и раскрытия от позднейших наслоений, дополнений утраченных мест, не исключая при этом подделки под старину, с привнесением новой техники и материалов. Применение при реставрации этих обычных, но неправильных приемов подвергает памятники искажению, а иногда ведет к дальнейшему разрушению и даже гибели. Руководящими же при музейной консервации и реставрации памятников искусства должны быть следующие принципы: 1) Памятник искусства, каково бы ни было его фрагментарное состояние, сохраняется как фрагмент, и задачей реставрации является лишь прекращение дальнейшего разрушения памятника. 2) За памятником хорошей сохранности устанавливается лишь бдительное наблюдение, при появлении же на нем начальных форм разрушения, памятник укрепляется, чтобы прекратить начавшееся его разрушение. 3) Фрагменты памятников или памятники хорошо сохранившиеся, дошедшие до нас под записями или иными наслоениями, искажающими или скрывающими их, подвергаются реставрации в соответствии с вышеприведенными принципами. На основании тех же принципиальных положений должны реставрироваться и памятники шитья.

Из наблюдений за состоянием памятников шитья в том виде, в котором они дошли до нашего времени, можно установить, что наиболее обычными типами разрушения являются: 1) разрушения ткани от атмосферических влияний, в условиях которых они хранились; 2) разрушения

обветшавших тканей, происшедшие в зависимости от особых свойств самих материалов, и 3) разрушения от различных механических повреждений.

При разрушении ткани шитья от атмосферических влияний в сырых, неветилируемых помещениях, для дальнейшей сохранности памятника можно признать достаточным перенесение его в сухое помещение с нормальной вентиляцией, чем само по себе прекратятся дальнейшие разрушения, ибо исчезнет причина тления—медленное горение ткани вследствие влажности, особенно губельно действующей при застое воздуха. В данном случае следует лишь бережно хранить фрагмент памятника, ограничиваясь внимательным уходом за ним при соответствующей монтажке, так как научно установленного способа укрепления тлеющих нитей в настоящее время еще неизвестно.

При особенно ветхом состоянии ткани, разрушения, происходящие от свойств самого материала и от различных механических повреждений, когда сечется нить и образуется бахрома по краям ткани или обнажается уток, лучше всего следует парализовать приводимым ниже способом, который дает возможность сохранить памятник, ничего не принося в него.

На распяленную соответствующей крепости и цвета матерью пришиваются редкими стежками по контуру средние, а также наиболее сохранившиеся части шитья. Обившиеся части ткани расправляются и затем пришиваются к материи в наметку или же по краю, причем материя подкладывается старая, более тонкая и соответствующая остаткам ткани шитья. Пришивание производится «швом в строчку», концы старых нитей не обрезаются, а пришиваются, покрытые с краю той-же материей, кроме того нити пришиваются по середине. Отставшие и растрепанные золотые нити, а также нити обнажившегося утка пришиваются отдельными стежками. Затем все шитье накладывается на картон или брестоль, который подшивается к подкладке, чтобы хранить его в распяленном виде, во избежание сгибов и складок, вредных для ветхих материалов шитья. Если представляется необходимость придать шитью еще большую неподвижность, картон с шитьем можно прикрепить на подрамник.

Шитье закопченное или залитое маслом следует оставлять в таком виде до тех пор, пока не будут найдены безвредные для материалов шитья реактивы, годные для его очистки. Только опыты, поставленные строго научно, могут дать указания на реактивы, годные для расчистки памятников шитья. При этом надо иметь в виду, что копоть и загрязнения, по произведенным наблюдениям, особых разрушений шитью не причиняют.

Эти способы реставрации древнего шитья были продемонстрированы Н. А. Околовичем на пробных образцах и на особо приготовленной модели и после того приняты к руководству Советом Художественного Отдела и одобрены расширенной Комиссией экспертов, образованной Ленинградским Отделением Главнауки, под председательством Г. С. Ятманова. Как неперемные условия были приняты: обязательное фотографирование шитья в процессе его реставрации, и сношения с Институтом Археоло-

гической Технологии при Академии Истории Материальной Культуры для разработки вопросов, связанных с химической расчисткой шитья.

Первые опыты были выполнены на памятниках второстепенного значения и лишь после того, как эти работы были одобрены Советом Художественного Отдела, Реставрационная мастерская приступила к ответственным работам по реставрации тех памятников большого художественно-исторического значения, которые особенно требовали принятия мер к их дальнейшей сохранности. В июне 1924 года три показательные работы мастерской были отправлены в Москву для предполагавшейся выставки. Доставленные в Москву работы Мастерской Художественного Отдела были осмотрены в Реставрационной мастерской при Главнауке и было установлено, что в понимании задач по реставрации шитья и в приемах реставрации существенных расхождений между Московской мастерской и Мастерской Художественного Отдела не имеется.

К концу 1924 г. удалось выполнить значительное количество работ по реставрации и укреплению памятников шитья, как из собрания, принадлежащего Музею, так и из числа доставленных из Кирилло-Белозерского монастыря. Среди реставрированных 22 памятников шитья, особенно сложными и значительными по своей ответственности и трудности следует признать работы над пеленой с изображением «св. Кирилла в житии», шитым образом с шестью изображениями святых и над шитой пеленой «Успения»; все три пелены из Кирилло-Белозерского монастыря.

В 1924 году впервые были организованы в Реставрационной мастерской Художественного Отдела работы по реставрации памятников ювелирного искусства и предметов художественной мебели и были начаты работы по технической реставрации картин русских художников.

Текущая работа Реставрационной мастерской заключалась в 1923 и 1924 гг. прежде всего в систематическом наблюдении за состоянием температуры и влажности в помещениях Художественного Отдела, где хранятся музейные собрания. Наблюдения показали, что в 1923 г., впервые после ряда лет, условия хранения в этом отношении были вполне нормальными. Не только зимой при отоплении, но и летом удавалось, благодаря принятой системе вентилирования зданий, даже в дождливую и сырую погоду, при полном насыщении влагой атмосферы, сохранять нормальную влажность внутри здания; удалось также избежать резких колебаний температуры. Осмотр памятников дал соответствующие результаты: 0/0 признаков разрушения даже на памятниках наиболее чутких ничтожен и характер их таков, что они были немедленно ликвидированы. Но в этом году пришлось иметь дело с новым типом разрушения, не наблюдавшимся до сих пор в такой степени; этот новый тип—также результат неблагоприятных условий хранения прошлых лет, именно высыхание отсыревших досок, на которых писаны иконы, и появление трещин на них. Как ни значительно число этого рода разрушений, но все их удалось ликвидировать. В минувшие годы во время самых неблагоприят-

ных условий хранения памятников, когда разрушение памятников древнерусской живописи достигало катастрофических размеров, обращало на себя внимание сравнительно благополучное состояние памятников новой живописи. Но уже тогда указывалось, как на неизбежное, появление в недалеком будущем признаков разрушения и на картинах, как результат этих условий. В 1923 году уже наблюдалось вздутие и отставание слоя краски с грунтом, являющееся результатом неравномерного высыхания отсыревшего холста и грунта. Пока это наблюдалось в единичных случаях, напр., на картине Шебуева — «Подвиг купца Иголкина», на этюдах Иванова и одном портрете Левицкого. В 1924 г. процент разрушений в зависимости от влияния температуры и влажности был еще более незначителен.

В 1923 году Реставрационная мастерская продолжала работу по замене временного укрепления постоянным на памятниках пострадавших в 1917—1923 гг. Значительное число таких памятников освобождены от сплошных заклеек лицевой стороны, и, таким образом, открыты для изучения и описания. Оставались не открытыми лишь памятники, хранящиеся в запасных помещениях. Почти закончена реставрация древнерусской резьбы и скульптуры. Произведена реставрация по укреплению икон Соловецкого монастыря, Кирилло-Белозерского и Александро-Невской Лавры, 9 икон Государственного Эрмитажа, 4 икон Археологического Отделения Государственного Университета. Раскрыты 4 первоклассного значения иконы, доставленные из Кирилло-Белозерского монастыря.

Как особо значительную необходимо отметить работу по приведению к концу длительной и сложной реставрации иконы Пантократора (XIV в.); укреплен источник доски, остановлено и исправлено начавшееся от сырости искривление доски.

По новому искусству работы произведены над двадцатью произведениями, в том числе 12 портретами работы Рокотова из собрания Эрмитажа, предназначенными для выставки произведений Рокотова. Реставрация была от самых простых видов промывки лицевой стороны от загрязнения, до самых сложных — дублировка и укрепление.

Во Пскове реставраторами Музея укреплены иконы в Древнехранилище и церквях, числом 439. Ранее во Пскове были только единичные попытки и начинания в области реставрации, между тем как Псков с огромным количеством разрушающихся первоклассных памятников большого, в некоторых случаях совершенно исключительного значения, давно стоял на первой очереди относительно необходимости приступить к реставраторским работам. В 1923 году положено твердое основание будущим работам, которые будут состоять в замене временного укрепления постоянным; временное укрепление применено в виду огромного числа разрушающихся памятников, для остановки разрушения. Кроме того при содействии реставраторов Русского Музея приспособлено в здании Древнехранилища помещение для постоянной Реставрационной мастерской

и обучены два мастера, которые могут оказать первую помощь разрушающемуся памятнику.

Вне Музея в Ленинграде произведены работы: 1) в Обществе Древне-Русской Письменности, где закончено укрепление икон, начатое в 1922 г.; 2) осмотрено собрание икон в Обществе Поощрения Художеств и приступлено к укреплению пострадавших от неблагоприятных условий хранения в минувшие годы; 3) осмотрено собрание Музея Академических театров и установлено наблюдение за температурой и влажностью; 4) осмотрены и описаны разрушения саркофагов (расписных) в Эрмитаже; 5) осмотрены иконы в Пантелеймоновской церкви.

В 1924 г. Реставрационная мастерская выполняла работы: I. В отношении произведений древне-русской живописи: 1) закончена замена временного укрепления постоянным на 316 памятниках древне-русской живописи; 2) вновь укреплены 227 икон; 3) закончена реставрация 93 памятников древней живописи, подвергнутых ранее временному укреплению; 4) произведен систематический осмотр собрания памятников Отделения древне-русского искусства Художественного Отдела Русского Музея, памятников, помещенных на Строгановской выставке, собрания из имения «Беззаботное», собраний Романченко, Плюшкина и др., всего осмотрено 3834 памятника древне-русского искусства, причем некоторые памятники требовали осмотров по несколько раз; 5) расчищены от записи масляной краской и от грязной закопченной олифы 2 иконы; 6) покрыто олифой 8 икон и одна доска пропитана олифой от червоточины; 7) с 2-х памятников сняты прориси; 8) ювелирные работы по металлу (венчики, оправы у финифти, ризы, басмы и пр.) произведены на 42 предметах; 9) техническая реставрация досок древних икон и др. работы по дереву произведены над 133 предметами. II. По древне-русскому шитью закончено укрепление 21 памятников древнего шитья. III. По новой живописи—снята запись с одной картины, укреплены краски на одной картине, 2 картины переведены на другой холст, 4 картины дублированы, на одной удалены пятна. IV. Произведены: реставрация 30 предметов музейной мебели, имеющей художественное значение, и ряд работ, связанных с технической реставрацией. Начаты работы по реставрации рам.

Фотографическая мастерская Художественного Отдела, в связи с перерывом отопления главного здания Художественного Отдела, до конца 1923 года временно помещалась в темной и тесной комнате старого флигеля Росси. Помещение это находилось в таких условиях, что в нем можно было заниматься исключительно изготовлением небольших отпечатков, да и то в незначительном количестве, так как сушить их было негде. Изготавливать негативы можно было только такие, которые не требовали ортохроматических пластинок. С переходом в постоянное помещение фотографии, находящееся в главном здании Русского Музея представлялась возможность производить ортохроматизацию пластинок, возобно-

вить фотографирование картин и икон и начать опыты по применению микрофотографии к изучению техники живописи и обваружению произведенных над памятниками реставраций. Работа эта облегчалась содействием со стороны Фототехнического Института, предоставившего некоторые реактивы, которых не было ни в Музее, ни в продаже.

За 1923 г. Фотографической мастерской изготовлено 149 негативов и 6613 отпечатков; за 1924 год изготовлено 263 негатива, в том числе 115 негативов с картин, 60—с предметов шитья, 35—с рисунков, 10—с икон, 6—с оловянных предметов, 5—с гравюр, 4—со скульптуры и проч. Отпечатков изготовлено 2628.

Фотограф Художественного Отдела — В. Г. Бессонов участвовал от Отдела на Фотографической выставке, устроенной Ленинградским Обществом Художественной и Технической фотографии в Академии Художеств. Выставленные работы были премированы.

Библиотека Художественного Отдела в 1923 году пополнялась, как и во все последние годы, почти исключительно путем пожертвований и передач. В дар Библиотеке было принесено 67 книг, преимущественно новых изданий. Из передач особое значение имеет большое число книг, поступивших из библиотеки б. дворца принца Ольденбургского. В Библиотеку поступили книги по русскому искусству из библиотеки б. в. к. Георгия Михайловича и библиотеки Финляндского полка.

В течение 1924 года, в Библиотеку Художественного Отдела приобретено—22 тома; поступило через Комиссию по заграничным покупкам—55 томов; поступило в дар—145 томов.

Главную работу Библиотеки в 1923 г. составляла подготовка карточных каталогов и регистрация библиотечного материала. Большой работой для персонала Библиотеки было передвижение значительной части ее материалов в связи с получением для Библиотеки нового помещения.

В 1924 г. особенно важным в деятельности Библиотеки было окончание смешанного алфавитного и предметного каталога.

По собранию рукописей в 1923 г. и 1924 г. производилась работа по составлению инвентарных описей, указателя и краткого описания документов.

Основной работой фотографического архива в 1923 г. была инвентаризация негативов и отпечатков. Кроме того, производилась работа по составлению карточек на новые поступления и определение фотографий, на которых не было указано предмета съемки. В 1924 г. продолжалась инвентарная запись негативов и отпечатков; произведена проверка и определение 1777 негативов из коллекции Лушева.

К 1 января 1924 г. в фотографическом архиве числилось 12.532 негатива и 12.549 отпечатков. В течение отчетного года поступило: из Фотографической мастерской—263 негатива и 246 отпечатков; в дар от О. Я. Головиной, М. В. Добужинского, Р. Д. Замирайло, П. И. Нерадовского и др. — 109 отпечатков.

IX.

Состав Совета Этнографического Отдела в 1923 году был следующий: члены Совета по избранию: академики В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, С. Ф. Платонов; члены Совета по должности: Заведующий Отделом, Хранитель Отделения этнографии Сибири и Дальнего Востока С. И. Руденко, Хранитель Отделения этнографии великорусов и финнов Д. А. Золотарев, Хранитель Отделения этнографии Украины, Белоруссии и зарубежных славян Б. Г. Крыжановский, Хранитель Отделения этнографии Кавказа и Туркестана А. А. Миллер; Помощники Хранителей: А. К. Сержпуговский, А. Н. Самойлович, А. А. Макаренко, А. П. Баранников (Заведующий Секцией буддизма) и С. А. Теплоухов (Заведующий Секцией палеоэтнографии); Ассистенты: Н. П. Гринкова, А. И. Зарембский (он же исп. об. Секретаря Совета), Ф. А. Фиельструп; Директор Музея Н. П. Сычев и Ученый Секретарь Н. П. Черепнин.

В 1924 году в состав Совета вошел Помощник Хранителя П. П. Ефименко.

Совет в целом и в лице Хранителей — Заведующих Отделениями руководил текущей научной и технической работой Отдела, а также организацией, постоянной и временных выставок.

3-го июня 1923 года состоялось открытие Этнографического Отдела.

Ни в одном политическом объединении в мире нет такого количества разнообразных племен и народностей, как в СССР. Колоссальные пространства земной поверхности, занятой Союзом республик, бесконечное разнообразие географического ландшафта и климата, столкновение на нашей территории нескольких культурных миров и географическое положение в Европе и Азии — определяют собой все разнообразие разноликих, многоязычных, живущих в различной бытовой обстановке, племен и народов. Отсюда вытекает особое значение и интерес, который должны иметь у нас музеи народов СССР. Мысль о необходимости устройства Центрального Этнографического Музея созрела уже давно, но до открытия Этнографического Отдела не было музея, который давал бы полную картину быта СССР.

Пред учреждением в составе Государственного Русского Музея Этнографического Отдела, — в ряде совещаний, при участии членов Российской Академии Наук: Н. П. Кондакова, В. И. Ламанского, А. Н. Пыпина, В. В. Радлова, А. А. Шахматова, А. И. Соболевского и проф. Д. Н. Анучина, был тщательно и всесторонне разработан вопрос о задачах нового Этнографического музея, о формах, в какие он должен вылиться, и намечен план собирания и систематизации материалов.

Начавший свою деятельность в 1902 году Этнографический Отдел с тех пор вел научно-исследовательскую работу и систематическое собирание предметов, характеризующих материальный и духовный быт всех

племен и народов, населяющих наше отечество и сопредельные страны, связанные с ним племенными и культурными взаимоотношениями.

Особый интерес и внимание к новому музею в среде русских этнографов привлекли к участию в работах Этнографического Отдела многих исследователей. Ежегодный отпуск значительных средств давал возможность снаряжать большое количество экспедиций и командировок; в некоторые годы число их доходило до 50-ти. В результате был собран богатейший исключительный по полноте, точно датированный материал, где ни один предмет не является случайным.

Произведенные Этнографическим Отделом исследования быта племен и народов России и собранные вещественные документы, приурочены к определенной эпохе, а именно характеризуют быт населения России последних десятилетий, но по многим народностям имеются значительные коллекции второй и первой половины прошлого века. Последние собрания, подобно многочисленным палеоэтнографическим коллекциям Отдела, весьма ценны для уяснения общего хода развития и эволюции народного быта, ибо быт каждой народности есть результат многовековой жизни, слагавшейся под влиянием разнообразных внутренних причин и внешних воздействий.

Исследуя в эволюционной последовательности видоизменения отдельных элементов народного быта, Отдел, как музей этнографический, главное внимание уделял изучению народных организмов, во всей совокупности их бытовых особенностей, выяснению тех законов, которые управляют сочетанием разрозненных элементов в то органическое целое, которое именуется культурой.

Таковыми организмами, входящими в круг ведения Отдела, являются: великорусы и финны, тесно связанные между собою исторически установившимися взаимоотношениями; украинцы с белорусами и западные и южные славяне, вместе с народностями с ними сожительствующими; коренное население Кавказа с европейскими и азиатскими турками; народы Сибири и культурно связанные с ними народы Центральной и Восточной Азии. Отсюда четыре основные крупные подразделения Отдела. Особое место занимают Секции Буддизма и Палеоэтнографии.

Основные собрания — неисчерпаемый материал для научных исследований и, вместе с тем, источник для экспозиционной части Музея и периодических выставок по разнообразным темам научного и образовательного значения.

Имея в настоящее время возможность экспонировать на постоянной выставке приблизительно около трети своих собраний, Этнографический Отдел впоследствии, главным образом в зависимости от переустройства и расширения помещений, значительно пополнит эту выставку. Работа по экспозиции собранных коллекций велась в течение последних десяти лет. Подготовленная к открытию выставка Отдела в 1917 году была разрушена эвакуацией части коллекций, и только после возвращения их из Москвы, в исключительно тяжелых внешних условиях, 1921 и 1922 гг.

была произведена реконструкция выставки ¹. Работа была проведена при малочисленном личном составе, без средств, при крайнем напряжении сил.

Вследствие отсутствия средств на самые неотложные потребности, Этнографический Отдел не мог выставить свои коллекции так, как он считал это необходимым. Одна из зал совсем не могла быть открыта; часть шкафов и витрин с предметами не застеклена; многие залы не могли быть переустроены и нарушают единство экспозиции; недостает манекенов и фотографий; недостаточен этикетаж; много мелких технических дефектов.

Несмотря на эти недочеты, стремление возможно скорее сделать Этнографический Отдел доступным народным массам, побудило Совет Музея не медлить долее его открытием для посетителей.

X.

Деятельность Этнографического Отдела за 1923 год распадается на два периода: по 3 июня — день открытия для посетителей Отдела полностью, и после 3-го июня. В первую половину года, до открытия Отдела, его научный и технический персонал был занят исключительно работами по переустройству выставочных зал во II и IV Отделениях и организацией выставок в I и III Отделениях. Эти работы стояли в связи с проделанной Отделом сложной эволюцией в методике исследований и собирания материала, и в приемах и принципах экспозиции. Был значительно изменен и пополнен состав выставленных собраний. Обращено большое внимание на иллюстративный материал, главным образом на фотографии, которые должны дать представление о ряде тех элементов быта (жилище, способы передвижения и т. п.), какие трудно представить в подлинных предметах. Географическая обстановка, среда, в которой живут различные племенные группы, также иллюстрировались photographиями. Наконец, схематическими чертежами и photographиями выяснялось употребление различных предметов. Вместе с тем экспонаты группировались так, чтобы при минимальном их этикетаже их назначение было совершенно ясно для посетителей.

В I Отделении (великорусы и финны) переустроено четыре зала (свыше 200 шкафов, витрин и щитов, переодето 73 манекена), заново оборудована и устроена одна зала с финскими племенами.

Во втором Отделении (Украина и Белоруссия) изменена экспозиция всех пяти выставочных зал; согласно с новым планом экспозиции, была перемещена значительная часть выставочной мебели и произведена повеска ковров на стене центрального большого зала Отделения.

¹ Подробнее см. Этнографический Отдел Русского Музея. Пгр. 1923.

В третьем Отделении (Кавказ и Туркестан) частью переустроены, частью заново проработаны и оборудованы четыре зала. В кавказских и туркестанских залах заново выставлены большие собрания палеоэтнологических коллекций, преимущественно по Северному Кавказу, как по принципу культур, так и в сравнительных сериях совместно с бытовыми предметами.

В четвертом Отделении (Сибирь и Дальний Восток) переработаны и переустроены три зала.

Новая развеска и экспозиция предметов культа произведена в Секции буддизма. В связи с переустройством выставки выполнена работа по систематизации и составлению охранных описей к еще не описанным коллекциям и сделана подготовительная работа по составлению путеводителя.

Работа Секции палеоэтнографии заключалась, главным образом, в проверке коллекций, составлении охранных описей к нерегистрированным коллекциям и их описаний. Проверено 230 коллекций, и к 25 из них составлены охранные описи (для 4084 предметов).

Ко всем заново экспонированным предметам по шкафам, щитам и витринам составлены описи и схематические ориентировочные карточки-планы с соответствующей разметкой в основных для Отделения списках. По отдельным выставочным единицам составлены краткие описания предметов для руководителей экскурсиями и лиц, специально работающих в Отделе.

После открытия Отдела главное внимание было обращено на пополнение существенных пробелов в собраниях Отдела, которые особенно ярко выявились с его открытием. Благодаря средствам, отпущенным Главнаукой для Забайкальской экспедиции, согласованию деятельности Этнографического Отдела с экспедициями Академии Наук, Академии Истории Материальной Культуры и рядом местных организаций, Отделу впервые после ряда лет удалось осуществить командировки 15 лиц ученого персонала Отдела и трем временным сотрудникам дать поручение по сбору этнографических коллекций для Отдела. После экспедиций и командировок в Этнографический Отдел поступило 6593 предмета.

В результате командировок Д. А. Золотарева в Тверскую и Ярославскую губ. и в Карельскую область, Н. П. Гринковой в Ярославскую и Саратовскую губ., Е. Э. Бломквист в Ярославскую и Казанскую губ., З. П. Малиновской в Тверскую г., в I Отделение поступило около 1145 этнографических предметов по великорусам, карелам, мордве и чувашам.

По II Отделению в командировках находились: А. К. Сержпутовский—в Минской губ., где он занимался исследованием мелкой белорусской шляхты, А. И. Зарембский—в Полтавской, Черниговской и Киевской губ., М. А. Фриде—в Черниговской губ. и А. М. Колаковская—в Смоленской и Полтавской губерниях. Собрано 503 украинских и белорусских предмета.

По III Отделению А. А. Миллер во время командировки на Северный Кавказ изучал быт осетин, сделал около 100 рисунков и чертежей и

собрал свыше 100 предметов быта; Ф. А. Фиельструп и Г. А. Бонч-Осмоловский в Крыму занимались исследованием быта горных татар, кроме того последним были произведены раскопки пещеры Коуш-Коба близ Симферополя, где был найден палеолит. Сопутствовавшая экспедиции художница О. Г. Морозова исполнила много рисунков по крымским татарам. Всего по III Отделению собрано 469 предметов.

По IV Отделению состоялась экспедиция в Забайкалье под руководством С. И. Руденко, в составе А. А. Макаренко и А. П. Баранникова. С. И. Руденко и А. А. Макаренко удалось собрать ценную коллекцию по быту бурят, всего около 800 предметов; А. П. Баранников изучал ламаизм в бурятских дацанах и собрал свыше 200 предметов буддийского культа. Кроме того Р. П. Митусовой, принимавшей участие в экспедиции Академии Наук в бассейн р. Оби под руководством Б. Н. Городкова, было поручено Этнографическим Отделом собирание коллекций по осякам. Р. П. Митусовой доставлено в Отдел 350 предметов.

По Секции палеоэтнографии С. А. Теплоухов, командированный в Минусинский край, произвел там раскопки 75 курганов и могил, давшие несколько сот предметов. П. П. Ефименко были произведены раскопки палеолитической стоянки в Воронежской губ. (с. Костенки), давшие большую (свыше 1000 предметов) коллекцию. Кроме того, в секцию поступили коллекции в результате командировок С. И. Руденко, А. А. Миллера и Г. А. Бонч-Осмоловского.

В результате командировок, приобретений и передач, главным образом из Музейного Фонда, в 1923 году поступило всего 8.468 предметов.

Отделение	Собрано во время командировок	Покупка	Дар	От Г. Муз. Фонда и др. учр.	За истеч. срока хранения	Всего
I	1145	4	8	444	—	1601
II	503	19	—	21	—	543
III	469	83	1	120	75	748
IV	1302	1	1	144	—	1448
Секция буддизма	274	—	16	938	—	1228
Секция палеоэтногр.	2900	—	—	—	—	2900
Итого . . .	6593	107	26	1667	75	8468

Были составлены регистрационные описания к коллекциям, состоящим из 10317 предметов; по I Отделению—2214 предметов, II—353, III—382, IV—1701, Секции буддизма—1583 и Секции палеоэтнографии 4084.

Число зарегистрированных в 1923 году предметов является показателем возвращения Этнографического Отдела после пережитых лет войны

и революции к нормальному темпу работы. В 1913 г. было зарегистрировано 11615 предметов, в 1914—3530, в 1915 г.—6951, в 1916 г.—4732, в 1917 г.—491, в 1918 г.—528, в 1919 г.—91, в 1920 г.—670, в 1921 г.—820, в 1922 г.—1.364 и в 1923 г.—10.317.

Вторым Отделением была устроена небольшая выставка украинских вышивок, этого интересного по технике и художественным формам вида народного искусства. Выставка состояла из трех отделов: вышивок центральной Украины, северной, с примыкающими белорусскими, и западной и южной — галицийской и подольской, со сравнительной серией румынских вышивок; особо было выставлено шитье подризников и тканые кролевещные рушники.

Культурно-просветительная деятельность Отдела выразилась в подготовке кадров руководителей экскурсий, чтении лекций для посетителей на специальные темы по выставленным коллекциям и приеме экскурсий. С открытия Отдела до конца года общее число посетителей было 13228, в том числе 4568 экскурсантов (202 экскурсии).

Большая работа выпала на долю научно-вспомогательных и музейно-технических учреждений Этнографического Отдела в связи с интенсивной работой по открытию Отдела. Значение и размер этой работы станет вполне очевиден, если отметить, что вся работа по оборудованию выставочных зал недостающей мебелью, изготовление всех металлических брусьев, подставок и их крепление, набивка щитов, изготовление манекенов, реставрация отдельных предметов и их серий, увеличение фотографий и их окантовка, все сложные работы по передвижению мебели,—были произведены исключительно силами Отдела.

В Фотографической мастерской производились работы по фотографированию выставочных зал и отдельных предметов из собраний Музея, изготовлению негативов с отпечатков, увеличению и проч.

В Манекенной и Реставрационной мастерских были реставрированы свыше 20 древних живописных икон Секции буддизма, 117 этнографических предметов, исправлено и переделано 34 манекена, сделаны новые формы, отформовано 27 слепков исполнено 11 новых манекенов. Работа обеих мастерских тормозилась недостатком средств на закупку материалов.

Дезинфекционная камера пропустила через дезинфекцию несколько тысяч предметов при 52 зарядках в отчетном году.

Большую работу пришлось выполнить Библиотеке Этнографического Отдела, которая в отчетном году перенесена из прежнего помещения в здании Художественного Отдела в здание Этнографического Отдела. Свыше 25.000 томов вместе с мебелью были перенесены в новое помещение, установлены на местах и приведены в порядок, опять таки исключительно силами Отдела. Кроме того, Библиотекой закончено составление нового каталога периодических изданий, произведена ревизия книг и всего инвентаря. За отчетный год Библиотека пополнилась 484 названиями в 745 томах.

В архиве фотографий продолжалось составление карточного указателя по народностям и пополнение альбомов вновь поступившими отпечатками.

XI.

В 1924 году деятельность Этнографического Отдела развивалась в том же направлении. Продолжались работы по переустройству постоянной выставки, с одной стороны стоявшие в связи с вновь поступившими коллекциями и временными выставками, с другой — вытекавшие из стремления к применению наиболее удобных с точки зрения культурно-просветительных задач Музея, приемов в экспозиции. Были переустроены в великорусском отделении шкафы с одеждой из поволжских губерний; сделан ряд изменений в выставке украинской керамики и гончарства, ковровых изделий Украины, племен Кавказа и Туркестана; заново выставлены коллекции крымских татар; переустроен монголо-бурятский зал, а также собрание, характеризующее древние культуры Минусинского края. Изменена экспозиция буддийского культа, в связи с пополнением предметами религиозного характера и принадлежностями монастырского книгопечатания, собранными в бурятских дацанах. Сделана перегруппировка коллекций монгол, европейских калмыков и предметов шаманского культа бурят иркутских и забайкальских.

Восстановление в 1923 году экспедиционной деятельности дало возможность научному персоналу Этнографического Отдела возобновить свою научно-исследовательскую работу, приостановленную в годы войны и революции.

Исследовательская работа в учреждении, изучающем быт народов, не может производиться только над музейным материалом, во-первых потому, что далеко не все стороны народной жизни претворяются в вещественные объекты, а во-вторых самые предметы народного быта становятся понятными только тогда, когда имеется ясное представление об их роли в жизни.

Результаты исследовательской и собирательской деятельности Отдела за 1923 год были представлены на устроенной в 1924 году Отчетной выставке. Эта выставка имела две основные задачи: 1) познакомить с непосредственными результатами исследовательской работы путем экспозиции собранных материалов, сопровождаемой научными сообщениями о произведенных работах и добытых сведениях, 2) испытать новые методы экспозиции с тем, чтобы впоследствии применить их на постоянной выставке.

На выставке были представлены собрания Забайкальской экспедиции, типы войлочных юрт в подлинниках, причем одна юрта из Агинской степи с полным внутренним убранством, значительные собрания предметов материальной культуры и буддийского культа, в частности живописные

и глиняные бурханы, вывезенные из бурятских дацанов, коллекции предметов по мистерии цам, украшения дацанов и проч. Многочисленные коллекции, характеризующие древний быт населения верхнего Енисея, преимущественно из раскопок в окрестностях с. Батени, были представлены на выставке в систематическом порядке в девяти культурных комплексах. Среди этих собраний особого упоминания заслуживают добытые при раскопках погребальные маски, относящиеся к эпохе Танской династии в Китае и представляющие исключительный интерес.

Финские племена были представлены обширными коллекциями предметов быта аганских остяков, карелов Тверской губернии и Карелии, предметами одежды мордвы Саратовской губернии. Собрания Верхне-Волжской экспедиции многочисленных предметов быта великорусов из Ярославской и Тверской губ., занимали центральное место на Отчетной выставке. С исчерпывающей полнотой здесь были представлены одежда и хозяйственный быт великорусов этого района.

Предметы народной техники и современной одежды белорусов, костюмы украинцев, украинская керамика и кафли явились наиболее полно подобранную часть собраний отчетного года в Белоруссии и на Украине. Большими коллекциями, почти с исчерпывающей полнотой, был представлен быт крымских горных татар. Коллекции из горной части Осетии, преимущественно Дигории, были собраны экспедицией Музея на Кавказе.

Предметами из раскопок крымских пещер и городища в низовьях Дона, а особенно из раскопок палеолитической стоянки в Воронежской губернии, на Отчетной выставке были представлены древние культуры юга России. Среди находок при раскопках палеолитических стоянок, совершенно исключительное значение имеет статуэтка обнаженной женщины из мамонтовой кости. На Отчетной же выставке была представлена переданная из Музейного Фонда коллекция по сиамскому буддизму, исключительная по полноте и ценности отдельных предметов ¹.

На Отчетной выставке научным персоналом были сделаны доклады о результатах исследовательских работ в связи с экспедициями и командировками. Были заслушаны следующие доклады: А. А. Миллер—«Могилы горной Осетии»; С. И. Руденко—«Результаты Забайкальской экспедиции»; А. П. Баранников—«Дацаны забайкальских бурят»; М. А. Фриде и В. И. Лесючевский (Научный Сотрудник Художественного Отдела)—«Керамическое производство на Черниговщине»; Г. А. Бонч-Осмоловский—«Жилище крымских татар»; Р. П. Митусова—«Материальный быт аганских остяков»; Д. А. Золотарев—«Поездка в Карелию»; А. А. Макаренко—«Шаман агинских бурят»; Д. А. Золотарев—«Работы этнологической экспедиции в Верхнем Поволжье»; С. А. Теплоухов—«Доисторическая культура Минусинского края»; П. П. Ефименко—«Новые данные русского палеолита»; М. П. Лаврова—

¹ Подробнее см. Отчетная выставка Этнографического Отдела за 1923 год. Лгр. 1924.

С. Ф. РОКОВОВ
ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ

Дар И. И. Рыбакова

«Сиа́мские буддийские статуэтки»; А. И. Деньшин — «Вятские игрушки»; Ф. А. Фие́льstrup — «Очерк материальной культуры крымских татар».

Этнографический Отдел Русского Музея построен по этническому принципу и в залах его постоянной выставки экспонируются отдельные народности и культурные группы. Поэтому совершенно неизбежными являются периодические выставки по отдельным элементам культуры. Выставки эти имеют целью, пользуясь основными собраниями Музея, хранящимися в резерве, изучить различные бытовые явления, встречающиеся во многих племенных группах в их взаимной связи и эволюционном развитии.

К числу таких выставок относится временная выставка ковровых изделий Востока, устроенная с целью дать возможность осмотра и сравнительного изучения образцов ковров и ковровых изделий главным образом Кавказа и Туркестана, составляющих основной материал Этнографического Отдела в собраниях этого рода. Ковры персидского рисунка и ковры малоазиатские на выставке помещены были в небольшом числе, в качестве сравнительного материала.

Ковровые изделия расположены были в систематическом порядке в пределах каждой из основных групп — Кавказской и Туркестанской. Выставлены были, помимо ковров стриженных, ковровые ткани гладкие и узорчатые войлока. По характеру применения ковровых тканей, на выставке показаны были также образцы изделий специального назначения — молитвенные ковры, попоны, дорожные мешки разного рода, части украшения кибиток и проч.

Выставлены были два типа ткацких станков при манекенах, изображавших женщин в процессе работы. Техническая сторона пояснялась также рядом чертежей. Орнаментальные мотивы, исполненные в красках А. А. Миллером, были выставлены по темам. На выставке поставлена была киргизская кибитка в полном ковровом убранстве.

Выставлены были для обозрения и имеющиеся в библиотеке издания русские и иностранные, посвященные коврам¹.

На выставке были заслушаны доклады А. А. Миллера «О технике кавказских ковров» и А. Н. Самойловича «Библиография восточных ковров».

Ограниченные средства, имевшиеся в распоряжении Этнографического Отдела, не дали ему возможности в должной мере развить в 1924 г. свою исследовательскую экспедиционную работу. Тем не менее за этот год Отдел осуществил значительное количество командировок, давших ценный в научном отношении материал, причем помимо пополнения имеющихся пробелов в этнографических собраниях, им было обращено внимание на сбор палеоэтнографических коллекций производством систематических раскопок. Углубленные палеоэтнографические исследования, которым

¹ Подробнее см. Ковровые изделия Востока. Лгр. 1924.

Отдел последние годы уделяет особенное внимание, вытекают из необходимости установить и провести в экспозиции генетическую связь между отдельными этническими группами и выявить ту культурную базу, на которой выросли современные племенные группировки.

По I Отделению Д. А. Золотарев был командирован в Поволжье и Прикамский край, где работал по изучению современного быта великорусского населения, мордвы, чувашей и черемис. Сделано более 100 фотографических снимков, приобретено несколько предметов быта и собраны остатки сосудов и других предметов в Болгарах и Жареных Буграх близ Астрахани. Н. П. Гринкова в Тверской губернии собрала материал по одежде, жилищу и фольклору, приобрела коллекцию предметов быта великорусов и, вместе с Е. Э. Бломквист, производила исследования в Калужской губернии, где ею были собраны предметы одежды и культа. Е. Э. Бломквист, кроме того, занималась изучением построек, средств передвижения и культа в Ростовском уезде Ярославской губ., работая в составе Верхне-Волжской этнологической экспедиции Академии Истории Материальной Культуры. З. П. Малиновская собирала материал по культу, игрушкам и одежде великорусского населения в Ярославской губернии. А. К. Демидов работал по изучению быта населения Ленинградской губернии.

По II Отделению состоялась экспедиция в Подолию. В экспедиции приняли участие, кроме Хранителя Отделения Б. Г. Крыжановского, Ассистент А. И. Зарембский, Научные Сотрудники М. А. Фриде и А. М. Колаковская и руководительница экскурсий Е. П. Черепнина. Работы производились в семи округах Подольской губернии и Балтском округе Одесской губернии. Главное внимание было обращено на постройки, одежду, ремесла и народное искусство. Кроме украинского населения, работы коснулись также румын и евреев, живущих в пределах исследуемых местностей.

Как результат экспедиции, явилось законченное описание построек из дерева и глины в окрестностях Винницы; такое же описание построек из глины и камня в Западной Подолии и построек из дерева и глины в южных округах Подолии и Балтском округе Одесской губернии; описание одежды, гончарства, обширный материал (свыше 120 калек) по росписи хат в Западной и Южной Подолии; описание изготовления писанок. По румынской этнографии работы велись в Балтском и Тульчинском округах, где произведены описания жилищ и одежды. По этнографии евреев собирался фотографический материал по постройкам и типам. Для пополнения коллекций приобретены два костюма (украинский и молдаванский), образцы гончарных изделий, ковры, вышивки и отдельные предметы быта.

М. А. Фриде работала также в Нежинском уезде Черниговской губернии, где собирала дополнительные данные по деревянным постройкам и производству кафель. Б. Г. Крыжановский работал в южной части Екатеринославского уезда по изучению росписи хат и привез большую

коллекцию калек. А. К. Сержпутовский был командирован в Белоруссию, где занимался изучением народного орнамента и построек белорусов. А. П. Баранников в Полтавской губернии занимался изучением диалектологии и материальной культуры украинцев.

По III Отделению А. А. Миллер был командирован на Кавказ в Кабардино-Балкарскую автономную область, где им вместе с С. Н. Замятниным, в окрестностях Нальчика и в горах производились работы по изучению древнего и современного быта населения. Особенно подробно были обследованы могильные сооружения в районе Балкарии, посмертные памятники и произведены раскопки в городище Аксае, давшие большой научный материал.

Ф. А. Фиельструп, командированный в южную часть Семиреченской области, обследовал горную страну, населенную киргизами. В результате командировки, помимо многочисленных наблюдений, собрана значительная коллекция предметов быта киргиз, одежды, предметов обстановки юрты, домашней утвари, предметов скотоводства, средств передвижения и проч.

Г. А. Бонч-Осмоловский во время командировки в Крым заканчивал работы по исследованию быта крымских татар и произвел разведочные раскопки палеолитических стоянок в ряде крымских пещер.

По IV Отделению С. И. Руденко, вместе с А. Н. Глуховым, Б. А. Борнеманом и С. П. Суловым, был командирован на Восточный Алтай. Работы производились в бассейне рек Чулышмана с Башкаусом, в Чуйской степи и в окрестностях Телецкого озера. Произведены разведочные раскопки древних могильных и других памятников в шести пунктах, причем раскопки могильника на Чулышмане дали исключительно ценный материал, аналогичный добытому академиком Радловым в Уймонской и Котандинской степях. Произведено частичное обследование быта черневых татар (тубинцев) и детальное—теленгет. Обследование касалось, главным образом, охотничьего промысла, скотоводства и земледелия, экономического их благосостояния, семейного и общественного быта, а также и духовной их культуры. Собраны значительные коллекции предметов из теленгетских могил и современных бытовых (320), предметов из раскопок древних могил (460), значительное собрание образцов керамики различных эпох. Произведено подробное антропометрическое обследование группы теленгет. Сделано много рисунков и фотографических снимков.

По Секции палеоэтнографии С. А. Теплоухов был командирован в Минусинский край, где он продолжал исследования погребений доисторических культур в районе с. Батеней, начатые им в предшествующие годы. Было раскопано 16 могил, относящихся к поздней бронзовой культуре и культурам железа. Кроме того, в районе Батеней открыта в 1924 г. палеолитическая стоянка, весьма важная в стратиграфическом отношении.

В Монголии, куда С. А. Теплоухов был командирован Академией Наук и Совнаркомом, им продолжались исследования курганов в горах

Ноин-Ула (100 в. к северу от Урги), начатые экспедицией П. К. Козлова, и раскопан большой курган, относящийся к культуре, широко распространенной в бассейне Селенги от ее истоков до Забайкальской области (раскопки Талько-Гриндевича), и датирующийся, повидимому, первыми веками нашей эры.

П. П. Ефименко летом, по поручению Секции палеоэтнографии, производил сбор палеоэтнографического материала в Донской области и Харьковской губернии. А. Я. Тугаринов был командирован в Енисейскую губернию для исследования Монских пещер, где им были произведены раскопки древних стоянок.

За 1924 год поступило в Этнографический Отдел:

Отделение	Собрано во время командировок	Покупка	Дар	От Г. Муз. Фонда и др. учр.	За истеч. срока хранения	Всего
I	263	198	367	61	—	889
II	590	65	21	—	—	676
III	168	1	25	103	—	297
IV	253	59	9	206	—	527
Секция буддизма	—	30	—	94	—	124
Секция палеоэтногр.	4510	1	—	—	—	4511
Итого	5784	354	422	464	—	7024

Из поступлений по Этнографическому Отделу исключительную в научном отношении ценность представляют палеоэтнографические коллекции Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова, переданные в Русский Музей Советом Государственного Географического Общества, которое и ранее неоднократно направляло в Музей собрания своих экспедиций. Русский Музей с чувством глубокой благодарности к Совету Географического Общества принял эти коллекции, явившиеся ценнейшим пополнением палеоэтнографических собраний Этнографического Отдела¹.

В течение 1924 года были составлены регистрационные описания к 147 коллекциям, состоящим из 10356 предметов: по I Отделению 597 предметов, II — 1271, III — 1166, IV — 1252, Секции буддизма 1552, Секции палеоэтнографии — 4518.

Культурно-просветительная деятельность Отдела выразилась преимущественно в подготовке кадров руководителей экскурсий, проведением лекций-экскурсий и экскурсий обычного типа. Лекции-экскурсии были

¹ В настоящее время означенные коллекции, по постановлению особой комиссии Совнаркома временно находятся в Академии Истории Материальной Культуры в целях всестороннего научного их использования.

проведены на следующие темы: Б. Г. Крыжановский — «Украинская одежда», А. К. Сержпутовский — «Белорусы Полесья» и «Народное ткачество в Белоруссии», Н. П. Гринкова — «Великорусская одежда», А. Н. Самойлович — «Турецкий народный театр», Ф. А. Фиельструп — «Молочное хозяйство у кочевых турков», А. А. Миллер — «Предметы культа у народностей Кавказа», Л. Л. Капица — «Жизнь и промыслы Мурмана», А. И. Зарембский — «Гуцулы», Д. А. Золотарев — «Великорусы», А. А. Макаренко — «Быт племен Айно», Е. Э. Бломквист — «Великорусские вышивки», А. П. Баранников — «Цам».

Общее число посетителей постоянной выставки Этнографического Отдела было в 1924 году 34353, в том числе 10781 экскурсантов (873 экскурсии).

В отчетном году впервые в Этнографическом Отделе велись систематические семинарские занятия со студентами Университета, Географического Института и Сельско-Хозяйственного Техникума. Семинарии, как по музееведению, так и на специальные темы велись: Б. Г. Крыжановским, Д. А. Золотаревым, Н. П. Гринковой, П. П. Ефименко, С. И. Руденко, М. О. Тихим и другими. Кроме того студентами Высших Учебных Заведений по музейным материалам был выполнен ряд практикумов и зачетных работ под руководством научного персонала Отдела.

Помимо музейно-технических работ, заключавшихся в разборке учета и классификации коллекций, их систематического описания, а также участия в экспедициях и командировках, чтения лекций и руководства семинариями и экскурсиями, научным персоналом Отдела выполнена большая теоретическая научная работа, в результате которой напечатано тридцать восемь статей научных исследований, частью в музейных изданиях (путеводители по выставкам и листовки), преимущественно же в изданиях различных ученых учреждений и обществ.

Научная деятельность персонала Отдела вне Музея протекала в ряде ученых учреждений, тесно связанных по своим задачам с Отделом: в Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран и Яфетическом Институте Академии Наук, а также в Российской Академии Истории Материальной Культуры. Большинство хранительского персонала вело преподавательскую деятельность в высших учебных заведениях Ленинграда.

Во время летних командировок сотрудники Музея работали в двадцати девяти провинциальных музеях, причем во многих из них консультировали по вопросам музейной техники и экспозиции.

Среди лиц, научно работавших в Отделе и изучавших технику постановки в нем музейного дела, должны быть отмечены представители музеев: Ростовского, Рязанского, Пензенского, Вятского, Тверского, Самарского, Российского Исторического, Иркутского, Красноярского, Томского, Ново-Николаевского, Университетов Московского и Томского, Эгейской Комиссии Академии Истории Материальной Культуры и ряд

научных деятелей ученых учреждений и высших учебных заведений Ленинграда, всего в числе 48 лиц.

За отчетный год Библиотека Отдела пополнилась 871 названием в 1791 томе. В Библиотеке производилась каталогизация новых поступлений и продолжалась работа по составлению нового алфавитного каталога. Были закончены карточки на периодику, как русскую, так и иностранную, закончены карточки на иностранные книги и почти закончены на русские.

По архиву фотографий, помимо текущих работ по учету и регистрации фотографий, производилась выдача фотографических коллекций для работ в Отделе и лицам, научно в нем работающим. В архив фотографий вновь поступило 376 негативов и 639 отпечатков.

В Фотографической лаборатории производились работы по фотографированию выставочных зал и отдельных предметов из собраний Музея, изготовлению негативов с отпечатков, увеличению и проч. Всего за год мастерской сделано 102 снимка, 1465 отпечатков, изготовлен 41 негатив с фотографий, 115 увеличений, проявлено 607 пластинок и 20 катушек пленок, промыто 144 негатива.

Работы в Реставрационной и Манекенной мастерских Этнографического Отдела шли нормальным порядком до наводнения 23-го сентября. В мастерских было изготовлено 7 новых манекенов, переделано 5, реконструировано 9 масок, склеен 21 деревянный предмет, реставрировано 50 сосудов и ваз, склеено и реставрировано 172 различных предмета, изготовлено 7 муляжей, расчищено и монтировано 56 различных предметов.

Совершенно исключительная по размерам и сложности работа выпала на долю мастерских и дезинфекционной камеры после наводнения.

ХII.

Состав Совета Историко-бытового Отдела к 1-му января 1923 г. был следующий: Председатель Совета, И. об. Заведующего Отделом, Хранитель М. В. Фармаковский, члены Совета по избранию: А. Н. Бенуа, проф. М. Д. Приселков, С. Н. Тройницкий, Члены Совета по должности: Хранители: П. П. Вейнер, Н. Е. Лансере, Библиотекарь П. Н. Шеффер (он же исп. об. Секретаря Совета), Ассистент М. Л. Егорова; Директор Музея Н. П. Сычев, Ученый Секретарь Н. П. Черепнин, Заведующий Художественным Отделом П. И. Нерадовский, Заведующий Этнографическим Отделом С. И. Руденко.

В сентябре из состава Совета выбыл П. П. Вейнер; в ноябре проф. М. Д. Приселков был избран на должность Хранителя.

В марте 1924 года Членом Совета был избран проф. А. И. Заозерский, а в июне, за сложением М. В. Фармаковским, вследствие переутомления, обязанностей Заведующего Отделом, на эту должность был избран Хранитель проф. М. Д. Приселков, к которому перешло председательствование в Совете.

Со времени основания в 1918 г. до конца 1922 г. Историко-бытовой Отдел переживал эпоху первоначального накопления своих основных коллекций.

1923 год был для Историко-бытового Отдела годом напряженной работы: новое помещение, отведенное в 1922 г. для Отдела (Красная, 58—60), необходимо было привести в пригодное для Музея состояние, между тем принятое помещение было запущено, требовало тщательного пересмотра системы водоснабжения, канализации, электрического освещения, калориферов, окраски и очистки стен, полов, потолков, ремонта крыши, удаления воды из подвалов. К этому присоединялась необходимость закончить кропотливое дело приемки находившегося здесь имущества, состоявшего из десятков тысяч разнородных предметов; принятое имущество необходимо было перенести в резервные помещения и склады, на место его перевезти коллекции Отдела из старого помещения; наконец, являлось желательным осуществить первые временные выставки Отдела и приступить к вопросу об основной программе работ Отдела и окончательной внутренней его организации.

В феврале была закончена приемка дома и имущества, тормозившаяся тем, что часто приходилось производить работу в помещениях при температуре—7°.

Одновременно с приемкой дома, в старом помещении шла работа по упаковке коллекций фарфора и стекла. Она велась спешно и напряженно, чтобы по санному пути можно было перевезти этот хрупкий материал. К весне, т. е. к тому времени, когда сошел снег, 80 ящиков с этими коллекциями уже были в новом помещении. Упаковка велась всем научным персоналом Отдела и Библиотеки, не занятым приемкой дома на Красной улице.

Создание Историко-бытового Музея—дело исключительной трудности, в виду сложности задач такого музея, подавляющего обилия: разнообразия и разнохарактерности бытовых материалов, особой трудности их экспозиции. Историко-бытовой Отдел, определяя свою задачу, как собирание, изучение и обработку материалов по быту сословно-классовых ступеней XVIII—XX вв., полагает существеннейшею стороною в этом не продольное изображение истории быта какого-либо одного класса, а хронологическое соответствие в изображении истории быта всех сословий и классов, необходимое для правильного восприятия общественного уклада в целом.

Работая, в основном своем плане, над сложной проблемой, поставленной перед ним жизнью, Историко-бытовой Отдел в целях проверки путем опыта своих работ и учитывая необходимость идти навстречу культурно-просветительным запросам масс, считал, однако, желательным открыть для обозрения часть своих коллекций в виде временных выставок. В 1923 году им были устроены выставки: «русский фарфор в нашем быту» и «русское бисерное шитье». Выбор пал на эти выставки потому, что они позволяли столь привычные в музеях материалы показать в со-

вершенно новом освещении: по назначению их в быту, а не по принципу эволюции художественных форм.

Выставка русского фарфора должна была впервые представить вхождение этого нового материала в русский быт на место олова, дерева и серебра. При таком подходе отпадал вопрос о заводах и марках, о стилях и художниках и вставали новые вопросы о сословиях и слоях населения и о назначении предметов в быту. На выставке «русский фарфор в нашем быту» впервые был выявлен тот огромный материал, который до сих пор так мало привлекал внимания в музеях—фарфор трактирный, простонародный, купеческий; впервые с исключительной полнотой предстала перед нами и чайная, столовая, питьевая посуда из обихода разных времен и из разных слоев населения, и фарфоровая чернильница, с ее необычайным разнообразием; русская фарфоровая кукла раскрыла здесь все свои формы, усвоенные обывательской толщей, и выявились ее связи с народными игрушками из глины и дерева. Никогда выставки произведений фарфора по заводам или стилям не в состоянии дать той картины, которую представляет фарфор в нашем быту, выяснить группы населения, которые диктовали заводам свои требования, а заодно и вкусы. На выставке был целый ряд вещей исключительных по своему особому значению для истории русской керамики, но они не выдвигались из общей планировки материала.

Всего было выставлено немного более 3.000 предметов из фарфора и фаянса, разбитых на следующие группы: 1) декоративные вещи (вазы, пано и т. п.), 2) настольные приборы (чернильницы, часы, спичечницы, папиросницы, пресс-папье, лампы, подсвечники и т. п.), 3) туалетные приборы (умывальники, флаконы, пудреницы, мушешницы, курительницы и т. п.), 4) посуда столовая, 5) посуда чайная и кофейная, 6) посуда для кваса, вина, пива и т. д., 7) трубки, 8) пасхальные яички, 9) фигурки («куклы») ¹.

На одновременной выставке «русского бисерного шитья» было представлено свыше 1.200 предметов. Главным принципом и здесь было поставлено не деление по художественным стилям, но по тому назначению, которое бисер получил в нашем быту. Он был разделен на следующие главные группы: 1) бисер в женском costume (головные уборы, платья, шейные украшения, серьги, подвески и т. п.); 2) бисер в мужском costume (шапочки, пояса, подтяжки и т. д.), 3) бисер в церковном обиходе (оклады икон, чехлы свечей, лампы и проч.); 4) украшения комнат (картины, экраны, подушки и проч.); 5) курительные приборы (чубуки, табачницы, портсигары и т. д.); 6) настольные приборы (чернильницы, бювары, пресс-папье, подсвечники, шкатулки и т. д.); 7) столовая посуда (графины, бутылки, стаканы, рюмки и т. д.); 8) кошельки, бумажники, мешочки.

¹ Подробнее см. Историко-бытовой Отдел Русского Музея. Старинная усадьба. Русский фарфор. Лгр. 1924.

Выставка дала картину различных периодов жизни бисера в русском быту: бисер, как замена жемчуга в наиболее ранней стадии, бисер как замена шитья шелками (влияние Германии) и, наконец, — бисер, как замена металлических блесток (влияние Франции) ¹.

Нельзя не отметить с признательностью содействия, какое оказали Отделу в осуществлении этой выставки В. Я. Андреев, Е. Н. Брюллова и Н. Е. и П. П. Добычины.

Особые задачи, которые преследовались при открытии выставок, часто малопонятные даже среднему посетителю, необходимо налагали на персонал Отдела обязанность по разъяснению выставленного материала. Поэтому с первого дня было принято за правило, чтобы даже одиночные посетители собирались в группы и им предлагался обзор выставок под руководством научного персонала Отдела.

Для подготовки научных сотрудников Отдела к подобного рода объяснениям были организованы лекции по выставленному материалу, методике экскурсионного дела и проведен ряд пробных экскурсий. Экскурсии были разработаны для трех типов посетителей: школьников, рабочих и красноармейцев и повышенного типа.

Столь же необходимо, как правильная организация экскурсионного дела, издание соответствующих путеводителей. Их задумано было два. В составлении путеводителя по дому и выставке фарфора участвовали те сотрудники, которым было поручено устройство отдельных зал выставки. Е. Н. Лансере дал очерк по истории дома, сводка материала для путеводителя и общая редакция были выполнены М. В. Фармаковским. Путеводитель этот был издан фирмой Брокгауз и Ефрон. Для обозрения выставки бисерного шитья была составлена Л. Д. Беляевой листовка, которая издана непосредственно самим Музеем.

ХIII.

Обычная деятельность Отдела, хотя и была сильно отклонена от настоящего русла работами по переходу в новое помещение и устройством выставок, однако, не прерывалась. Она, как и прежде, состояла в пополнении коллекций, описании их, принятии мер для сохранения вещей и реставрации их, шифровке и каталогизации книг, фотографий и проч.

Пополнение коллекций шло главным образом в направлении усиления экспозиционного материала по предположенным выставкам и возвращения в новый дом частей имущества, вывезенных оттуда прежним владельцем во время войны. В течении 1923 года приобретено покупкой и поступило в дар от разных учреждений и лиц 394 предмета, поступило из государственных хранилищ 3.120, принято в доме б. Бобринского (кроме книг) 15.376. Наряду с другими материалами собирались постепенно, при по-

¹ Подробнее см. Русское бисерное шитье. Пгр. 1923.

средстве И. А. Гальнбека, довольно большие коллекции, относящиеся к корпоративной жизни старинных немецких студенческих обществ в Ленинграде и его области. Условия поступления некоторых из этих предметов не выяснены, и потому эти коллекции в подсчет не вошли.

В дар предметы поступили от Н. П. Сычева, П. П. Вейнера, И. А. Гальнбека, Н. А. Васильевой, Ф. Ф. Германа, Н. В. Грачева-Валеро, Э. Ф. Голлербаха, П. Я. Дашкова, Л. И. Жевержеева, М. С. Коноплевой, А. А. Миллера, П. К. Симони, А. Я. Хрущовой, В. Е. Фармаковской, А. Е. Ферсмана, Е. Ф. Таубе, Э. А. Рена, В. М. Бузни. Учреждения, которые оказали Отделу такого же рода помощь, следующие: Общество Поощрения Художеств и Общество изучения, популяризации и художественной охраны Старого Петербурга.

Из пожертвований выделяется любопытнейшее в бытовом отношении собрание Л. И. Жевержеева печатных поздравительных листков, в том числе поздравительные стихотворения трактирных и клубных швейцаров и половых 1840—1860 гг.

При невозможности отапливать резервные помещения приходилось прибегать к перемещению отдельных предметов и категорий их, иногда вопреки их логической связи, в такие части здания, где более или менее гарантируется их полная сохранность. В целях сохранности за коллекциями было установлено постоянное наблюдение, а летом коллекции тканей и костюмов были подвергнуты полному пересмотру, сушке и проветриванию. Попутно и теоретически освещались вопросы о сохранении некоторых категорий наиболее подверженных порче вещей; так, например, вопрос о засыпке нафталином мехов, ведущей за собой изменение цвета; обращено внимание на весьма сомнительное применение формалина, способного вызвать распадение некоторых органических тканей, на что имеются указания от Department of scientific and industrial Research в Лондоне. По указанию Института Археологической Технологии удалены из сырых помещений серебряные вещи, покрывшиеся кристаллическими осадками углекислого и сернистого кальция, находившегося в сыром воздухе и осадившегося вместе с водой в виде росы на всех серебряных вещах.

Гораздо труднее обстояло дело с личной исследовательской работой научного персонала, в виду той огромной массы организационной и всякой другой работы, которая требовала от всего персонала чрезвычайного напряжения. Однако и в этом отношении работа окончательно не могла остановиться, но лишь с полным проведением плана деятельности Отдела исследовательская работа не будет дробиться на отдельные эпизоды, а сольется в единую работу по планомерному изучению русского быта.

Работы по Библиотеке Отдела в 1923 году были сосредоточены главным образом на той библиотеке (20.062 книг, 866 нотных тетрадей, 46 литографий, 253 гравюры, 1.284 фотографии, 318 старопечатных книг и рукописей), которая перешла к Отделу с передачей ему б. особняка Боб-

ринского, так как было необходимо с одной стороны освободить помещения, занятые горами книг, для срочных работ Отдела по проектированным выставкам, а с другой—привести эту библиотеку в такой вид, чтобы ею можно было пользоваться.

В момент перехода библиотеки Бобринского в ведение Отдела она находилась в состоянии полного хаоса, причем были перепутаны не только ее части, но были разрознены и разбиты по разным комнатам обоих домов, как томы отдельных изданий, так и номера периодических изданий.

XIV.

В 1924 году Совет Историко-бытового Отдела остановился перед двумя основными вопросами жизни Отдела. Переходя от стадии первоначального накопления основных коллекций к моменту разработки и осуществления программы Отдела, Совет счел своевременным произвести внутреннюю реорганизацию Отделений, до сих пор строившихся по материалу (I Отделение—жилище, II—утварь, III—одежда), и положил в основу раздела исторический принцип. Сознвая всякое деление двух столетий, охватываемых изучением Отдела, спорным и условным, Совет Отдела признал за первым Отделением время от Петровской реформы до 1762 г., т. е. время обязательной службы всех сословий; за II Отделением время от 1762 г. до 1825 г., как эпоху расцвета крепостничества, и за III—от 1825 до 1914 г., т. е. эпоху нивеллировки сословий и образования классов. Как желательное, Совет наметил образование IV Отделения, задачей которого было бы собирание материалов по быту революции, что при известном систематическом изучении и накоплении, несомненно, оказалось бы весьма плодотворным. В связи с этим постановлением Совета хранительское совещание разработало порядок распределения имущества Отдела по новым Отделениям, но приступить к подобного рода работе смогло лишь по наступлении теплого времени, так как в Отделе отапливаются только выставочные залы. Сравнительная краткость времени, позволяющего вести это дело, напряженная работа всех сил Отдела по подготовке первых отчетных выставок по основной программе Отдела, упавшая всею тяжестью также на эти месяцы, наконец, последствия сентябрьского наводнения, вырвавшие у Отдела последние недели теплого времени,—все это не дало возможности осуществить дело распределения имущества по Отделениям, отодвинув его окончание на теплые месяцы 1925 г.

Вопрос определения основной программы Историко-бытового Отдела и ближайших моментов ее осуществления Совет закончил обсуждением только в июле 1924 г. Из широкой области изучения и экспозиции истории быта всех ступеней сословно-классовой лестницы русской городской среды XVIII—XX вв., как в городах, так и вне их, Советом было избрано, как ближайшая задача, изучение и экспозиция быта труда и капитала накануне революции.

Эта тема, требующая больших подготовительных работ и изучения, должна быть развернута постепенно, путем отчетных выставок. Одна группа сотрудников приступила к изучению и собиранию материала по быту рабочих накануне революции, другая по изучению и собиранию материалов по купеческому быту XVIII—XX вв. По условиям обстановки и наличия материала последняя тема, уточненная, как изучение купеческого бытового портрета в сопоставлении его с материалами по купеческому быту XVIII—XX вв., могла уже в конце отчетного года послужить темой первой отчетной выставки Отдела, но наводнение сентября 1924 г. отодвинуло открытие ее к началу 1925 года.

За 1924 год, путем покупки и пожертвований в Отдел поступило 493 предмета и путем передачи из других учреждений—1.525.

Из собраний Историко-бытового Отдела пять ковров были временно предоставлены Этнографическому Отделу для временной выставки ковровых изделий и 3 портрета школы Рокотова—Художественному Отделу дляготавливаемой этим Отделом выставки произведений Рокотова.

XV.

Государственный Русский Музей в числе других учреждений пострадал от наводнения 23-го сентября 1924 года.

Менее других Отделов Музея пострадал Художественный Отдел, находящийся в б. Михайловском дворце, построенном на сравнительно высоком уровне почвы, с превосходно устроенными подвальными помещениями.

С 6 час. 30 мин. вечера вода начала проникать в подвалы Художественного Отдела со стороны Этнографического Отдела через заложенный кирпичем проход и через вход около б. Церковной лестницы. В подвалы около Сервизной лестницы вода проникла, выступив из люка в ближайшем к старому флигелю световом дворике. К 8 час. 30 мин. уровень воды во всех кладовых со стороны Церковной лестницы достигал 13 вершков; в подвалах, смежных с Сервизной лестницей, были затоплены лишь одна кладовая и прилегающий к ней коридор, в котором вода достигала 2¹/₂ вершков. С 9 час. вечера вода начала убывать.

Вследствие быстрого затопления помещений, отсутствия света и перерыва сообщения, к работам по выносу вещей из кладовых возможно было приступить с утра 24-го сентября. Музейно-техническими рабочими была вычерпана ведрами вода из подвалов, вынесены подмокшие ковры и другие ткани, ящики с коллекциями предметов художественной обстановки и семь частично подмоченных декоративных панно.

Пострадали пять больших панно на подрамниках К. Коровина и два эскиза для мозаики храма Воскресения. У них был подмочен холст на высоту 10 вершков от нижней перекладки подрамников. Подмочка до настоящего времени не вызвала никакого повреждения в слое красок и, вы-

сохнув после перенесения пано в залы нижнего этажа, не оставила никаких следов.

Хранившиеся в затопленных водою кладовых отдельные предметы из коллекций художественной обстановки, как то китайский шкаф и ширмы XVIII в., баулы, туалетные зеркала, столики и т. п., всего 14 предметов, частью расклеились от воды. Повреждения эти были исправлены реставратором по технической части Художественного Отдела.

Предметы коллекций художественной бронзы, бывшие в воде, были насухо вытерты и из них были выделены предметы, имеющие составные, скрепленные железными винтами, части. Сотрудниками Реставрационной мастерской были произведены работы по разборке этих предметов, смазке железных частей маслом и керосином и сборке их вновь.

Пострадавшее оружие было по распоряжению Ленинградского Отделения Главнауки передано для реставрации в мастерские Государственного Эрмитажа. Подмокшие ковры и другие ткани были высушены на солнце во дворе перед главным зданием Художественного Отдела.

Испорченные водою лепные рамы больших размеров (около 50) требуют значительных работ по их исправлению.

Кроме того, пострадали некоторые коллекции художественных предметов, переданные на хранение в Русский Музей и находившиеся в залитых водою подвалах Этнографического Отдела; водою были попорчены: 49 картин, 50 акварелей, пастелей, рисунков, гравюр и литографий, 22 фотографических снимка, 1 негатив, 31 рама и 10 предметов художественной обстановки.

Значительнее было затопление здания Историко-бытового Отдела, находящегося в доме б. Бобринского, по Красной (б. Галерной) улице, при слиянии двух каналов. Помещения первого этажа этого здания находятся ниже уровня земли, но ранее, при наводнениях, за исключением 1824 года, не затоплялись. Вода в некоторых помещениях теперь доходила до 2 аршин 9 вершков. В разбитые стекла окон из сада были занесены поленья дров. В воде оказалась, правда, менее ценная, но количественно довольно значительная, часть позднего фарфора, хрусталя, книг, платья и мебели, инвентарные музейные книги и описи. Затопление помещений произошло с такой быстротой, что угрожало жизни некоторых из проживающих в доме служащих.

С утра 24-го сентября начались работы по удалению воды из помещений и спасению залитых водою музейных вещей, перенесению их в другие помещения, просушке и разборке. Часть фарфора и хрусталя оказалось разбитым; часть мебели расклеилась. Работы продолжались около 3 недель. Одновременно начались и реставрационные работы; их продолжительность, в зависимости от недостатка средств и рабочих рук, а также длительной опасности разрушения вещей от инфекций, разрыва и т. п. представляется значительной.

В особенно тяжком положении оказался Этнографический Отдел. Специально для него выстроенное здание, временно было осуществлено лишь

наполовину; достройке второй его части помешала война. Поэтому Этнографический Отдел располагал значительно меньшей, чем ему необходимо, выставочной площадью и для хранения коллекций пользовался специально приспособленным обширным помещением в подвальном этаже, общей площадью 4764 кв. метров.

23-го сентября, в виду подъема воды в Неве, с утра научным персоналом Отдела производились обходы подвального помещения и принимались предохранительные меры на случай появления воды, но до 5-го часа вода в них обнаружена не была. В 5-м часу дня, когда из соединительных каналов стала появляться вода, весь технический персонал Отдела приступил к устройству заградительных земляных валов и к выносу из подвалов тюков с коврами. Благодаря принятым мерам, вода не проникла дальше и задерживалась в части подвала, примыкающей к разборочному залу. Около 6 часов вечера находящийся в парке пруд вышел из берегов, вода стремительно залила котловину, примыкающую к кочегарке Этнографического Отдела и отсюда, сломав дверь кочегарки, хлынула в подвалы, разливаясь чрезвычайно быстро по всем помещениям. Попытки препятствовать дальнейшему проникновению воды были безрезультатны: через 15 — 20 минут вода в подвалах была значительно выше колен; во избежание несчастных случаев, пришлось всех спешно отозвать из подвалов, и через полчаса все подвальное помещение Отдела было уже затоплено на глубину свыше 3 арш. Попытки вызвать пожарную часть не имели успеха, так как телефон перестал действовать, а улица, ведущая к пожарному депо оказалась залитой. Вскоре были залиты все прилегающие к Музею улицы. Около 9 часов вечера вода пошла на убыль, но неоднократные попытки добраться до пожарного депо не удались, так как дорога к депо продолжала оставаться залитой.

С раннего утра 24-го сентября служащие Этнографического Отдела, не дожидаясь пожарных насосов, приступили к извлечению из воды сундуков и ковров, причем многим приходилось работать в воде по грудь. Наполненные коллекциями сундуки, большей частью расклеившиеся, вытаскивались из подвалов во дворы Музея, где немедленно все вещи разбирались, отжимались, развешивались для просушки на веревках и козлах, раскладывались на траве. Благодаря дружной и самоотверженной работе всего наличного персонала Отдела, а также помощи взрослых членов семейств служащих Музея, проживающих на территории Музея, в первый же день удалось извлечь из подвала свыше 200 сундуков, разобрать находившиеся в них вещи и начать их просушку. В дальнейшей работе, ведшейся неизменно с 8 часов утра до наступления темноты (за отсутствием электричества) принимали также участие персонал Художественного и частью Историко-бытового Отделов, служащие Государственного Эрмитажа, лица, научно работавшие в Музее, студенты Государственного Университета, Географического Института и других высших учебных заведений, студия Гептахор, учащиеся старших классов 41 и 51

трудовых школ и отдельные, заслуживающие доверие, лица, с особого разрешения в каждом отдельном случае.

Охрана первые дни неслась военным отрядом и наружной охраной Русского Музея. Ночью, кроме того, дежурили лица научного и технического персонала Этнографического Отдела.

Одновременно с извлечением коллекций принимались меры к устранению воды из подвалов—расчищены были трубы и колодцы для спуска воды в пруд, установлен ручной насос Музея; паровой насос пожарной команды работал с 2-х часов дня 25-го по 5 часов утра 27-го сентября. В дальнейшем откачка велась 4-мя ручными насосами. Однако местами в подвалах вода оставалась до 30-го сентября, вследствие высокого уровня подпочвенной воды и неровности выпяченного подпочвенными водами асфальтового пола.

Помимо дворов Музея для просушки были использованы чердаки Этнографического и Художественного Отделов и канцелярского флигеля, а для ковров также выставочное здание на канале Грибоедова. Немедленно были организованы прачешная и гладильня.

К 13 октября подвальное помещение было очищено от коллекций, причем выяснилось, что число погибших во время наводнения предметов незначительно. Находившиеся в воде коллекции, в количестве около 100.000 предметов, после предварительной промывки и просушки деревянных и керамических изделий, протирки и чистки металлических изделий, квасцевания мехов, стирки и глажения части тканей, перенесены во внутренние помещения для дальнейшей работы по их консервации и реставрации. С 14-го октября напряженная до 14—15 часов в сутки работа была постепенно сведена к нормальному 8-часовому рабочему дню.

К 1 ноября состояние коллекций Отдела было следующее. Ткани и ковровые изделия в огромном большинстве были уже просушены и находились в удовлетворительном состоянии. Почти все остальные предметы, затопленные во время наводнения, находились в опасном состоянии увлажненности. Керамика, глиняные и стеклянные предметы просмотрены, приведены в порядок, и битые сосуды отобраны для реставрации. Деревянные предметы, разложенные в выставочном здании, медленно просушивались в ожидании реставрации и дезинфекции. Металлические предметы, в особенности железо и те, которые имеют сочетание с другими материалами (железо и дерево, железо и кожа, всякого рода инструменты), находились в угрожаемом состоянии. Предметы из кожи и меха пострадали не столько от непосредственного соприкосновения с водою, сколько от последующей сырости и связанных с нею процессов разложения; меховые предметы находились в угрожаемом состоянии. Для срочных реставрационных работ Отделом, помимо прачешной, были устроены две сушильни. Организованы специальные мастерские по реставрации металлических предметов, кожаных и меховых. Коллекции непрерывно пересматривались, пропускались через сушильни, некоторые через особую электрическую

печь; мелкие реставрационные работы велись во всех Отделениях. Многие ткани подвергались химической чистке; непрерывно работала Дезинфекционная камера.

В начале ноября вследствие влажности, проникавшей в выставочные залы из подвалов, дурной погоды и необходимости огромное количество влажных предметов внести в здание Отдела, в выставочных залах развилась большая сырость. Относительная влажность дошла до 98. Пробы, полученные из выставочных зал и кабинетов Отдела, дали огромное количество спор плесневых грибов. На предметах на открытых щитах в ряде зал обнаружена плесень; от сырости стала перегорать проволока, которой прикреплены предметы к щитам (явление, наблюдавшееся в 1918 и 1919 годах). Срочно принятые с 18 ноября меры по усилению топки и вентилирования помещений к 1 декабря дали благоприятные результаты.

Большие опасения вызывались состоянием произведений живописи и, в частности, драгоценного собрания древних буддийских живописных икон из Хара-Хото, хотя и не пострадавших непосредственно от наводнения, но значительно отсыревших в выставочном помещении. На эту часть собрания было обращено особое внимание. Она находилась под постоянным систематическим наблюдением Заведующего секцией буддизма А. П. Баранникова и Заведующего реставрационным делом Художественного Отдела Н. А. Околовича и дважды было детально осмотрено академиком В. Л. Омелянским и другими специалистами. Произведенные исследования дали благоприятные результаты.

В виду большого числа пострадавших от наводнения предметов, разнообразия как их самих, так и характера полученных ими повреждений и инфекционных заболеваний и необходимости принятия срочных мер к их лечению и реставрации, при Этнографическом Отделе был организован ряд специальных реставрационных комиссий по живописи, по дереву, по глине и гипсу, по коже и меху, по металлу. В работах комиссий, помимо научного и научно-технического персонала Этнографического Отдела, приняли участие следующие ученые и специалисты: профессор Н. Н. Андреев, И. А. Гальнбек, профессор Л. Ф. Ильин, Н. В. Исаченко, Е. К. Кверфельд, инженер Н. Н. Качалов, инженер Б. К. Климов, инженер И. П. Красников, инженер Н. Н. Курнаков, профессор Н. Т. Кузнецов, академик С. Ф. Ольденбург, академик В. Л. Омелянский, Н. А. Околович, С. К. Приходько, М. В. Фармаковский, профессор Б. В. Фармаковский, А. Т. Федотов, профессор В. В. Эвальд, инженер-химик профессор В. А. Щавинский. Чрезвычайно ценные услуги были оказаны Этнографическому Отделу в его работах по реставрации коллекций Институтом Археологической Технологии.

Нет слов, чтобы выразить чувство глубокой признательности ко всем учреждениям и лицам, которые пришли Музею на помощь в трудные дни борьбы за спасение пострадавших от наводнения коллекций,

предоставляя ему свои знания, время, силы, самоотверженную готовность к протекавшей в крайне тяжелых условиях, нередко опасной для здоровья работе. В последнем отношении показательно значительное число заболеваний среди лиц служебного персонала Музея, работавших над пострадавшими от наводнения коллекциями; большинство этих заболеваний были простуда, болезни дыхательных путей, кожи. Некоторые из заболеваний по своей необычности обратили особое внимание врачей.

На долю Реставрационных мастерских Этнографического Отдела и Дезинфекционной камеры выпала исключительная по размерам и сложности работа. Отсутствие самых необходимых средств, технических приспособлений и материалов не давали возможности вести реставрационные работы в той мере, как это было необходимо. Тем не менее к концу отчетного года через Реставрационные мастерские меха и кожи прошло 1410 предметов, через прачешные и химическую чистку 10.017 предметов, реставрировано 385 головных уборов, приведено в порядок и пропущено через мастерские по металлу 658 бронзовых предметов, просушено, вычищено и дезинфицировано свыше 4000 деревянных предметов, помимо мелких реставрационных работ, которые выполнялись научными сотрудниками в Отделениях. К концу года из коллекций, пострадавших от наводнения, около 60.000 предметов было уже вне всякой опасности. Около 16.000 должно было быть подвергнуто срочной реставрации (меха, железные предметы, деревянные) и по приблизительному подсчету около 11.500 предметов должно быть реставрировано постепенно в ближайшие годы (керамика, поломанные и поврежденные, преимущественно деревянные, предметы, модели, гипсовые слепки и т. п.).

Наводнение тяжело отразилось на жизни Музея. Достаточно сказать, что Этнографический и Историко-бытовой Отделы должны были отказаться от дальнейшего использования приблизительно третьей части своего помещения, оказавшейся опасной в отношении наводнения. По одному Этнографическому Отделу оказались поврежденными или разрушенными 622 сундука, 35 чемоданов, 42 ящика, 36 составных многокамерных шкафов, 128 полок, расположенных вдоль стен, 286 крестовин и т. д.

Помимо особых ассигнований на ликвидацию последствий наводнения от Главнауки и ее Ленинградского Отделения, на эту надобность шла до конца года и значительная часть обычных кредитов на расходы по научной и хозяйственной частям. Работы по двум наиболее пострадавшим от наводнения Отделам—Этнографическому и Историко-бытовому, пришлось сосредоточить почти исключительно на ликвидации последствий наводнения. В результате выставка по купеческому быту открылась в Историко-бытовом Отделе не осенью 1924 года, а в феврале 1925 года, а отчетная выставка по экспедициям Этнографического Отдела 1924 года отложена для осуществления одновременно с отчетной выставкой по экспедициям 1925 года.

XVI.

На работе Музея в течение всего отчетного периода отражался недостаток ассигнований по всем статьям сметы. Специальные же средства Музея, при отсутствии у него доходных статей, являются незначительными. На издательство в 1923 году была получена самая незначительная сумма, а в 1924 году была лишь покрыта задолженность за 1923 год. Вот почему, несмотря на большое количество подготовленных к печати работ (к концу 1924 года, не считая каталогов и путеводителей, лежали готовыми к печати материалы на 204 печатных листа), Музей должен был ограничиться немногими изданиями, главным образом преследующими культурно-просветительные цели.

В 1923 году были изданы: по Художественному Отделу—«Русская литография за последние 25 лет», В. В. Воинова, и «Выставка произведений искусства Строгановской школы», Н. П. Сычева, с прил. каталога выставки, составленного А. П. Смирновым; по Историко-бытовому Отделу—«Русское бисерное шитье», Л. Д. Беляевой; по Этнографическому Отделу—«Этнографической Отдел Русского Музея»; шесть кратких очерков-путеводителей: а) «Кукольный театр в Туркестане», А. Н. Самойловича; б) «Чумачество на Украине», М. А. Фриде; в) «Круг Сансары», А. П. Баранниковой; г) «Зимняя одежда русских лопарей», Л. Л. Капица; д) «Женская одежда Украины», Б. Г. Крыжановского; е) «Одежда ставропольских туркменок», А. Н. Самойловича. Кроме того был напечатан Отчет Музея за 1922 год, сост. Н. П. Черепниным, с приложением статьи И. А. Гальбека—об оловянной чуме. За 1924 год Музею удалось издать лишь две небольшие книжки в связи с выставками—«Отчетная Выставка Этнографического Отдела за 1923 г.», и «Ковровые изделия Востока», А. А. Миллера, и, при содействии издательства «Брокгауз-Ефрон» книжку—«Историко-бытовой Отдел Русского Музея. Старинная усадьба. Русский фарфор».

Положение Музея и его персонала затруднялось несоответственным штатом Музея и крайне низкой заработной платой.

По прежнему на научный и музейно-технический персонал Музея тяжело ложилась обязанность ночных дежурств, требующих напряженного внимания при постоянных в течение ночи обходах громадных помещений Музея. Несение же наружной охраны Музея затруднялось недостаточностью охраны находящегося в пользовании Откомхоза, прилегающего к зданиям Музея, Михайловского парка.

Но, если сравнить 1924 год с 1923 годом, не говоря уже о предыдущих, все же нельзя не отметить последовательного улучшения внешних условий музейной работы. И это обстоятельство, в связи с улучшением экономического положения государства и общим признанием за музеями, как собраниями ценнейших в научном и художественном отношении памятников материальной культуры, большого значения в деле народного

просвещения, дает основание к уверенности, что пройдет еще немного времени, и отмеченное несоответствие между размерами, темпом и результатами работы Музея с одной стороны и внешними условиями жизни Музея с другой, останется в прошлом.

Смягчению этого несоответствия и постепенному его сглаживанию способствовали как общие, так и отдельные, по отношению к Русскому Музею, мероприятия Наркомпроса, Главнауки и ее Ленинградского Отделения, ГУС'а, Отдела Музеев, Заведующего Ленинградским Отделением Главнауки и Заведующего музеями ЛОГ. Благоотворно отразились на улучшении условий работы Музея Музейная Конференция в Ленинграде весной 1923 года и организация совещаний Директоров научных учреждений, подведомственных Главнауке, где был поставлен и всесторонне освещен ряд выдвинутых жизнью вопросов музейного строительства и музейной жизни и намечены практические пути к удовлетворению насущных потребностей музеев.

Для дальнейшего развития научно-исследовательской и культурно-просветительной деятельности Государственного Русского Музея и надлежащего обеспечения сохранности его собраний необходимо прежде всего урегулирование в ближайшее же время вопроса о помещениях Музея. Русский Музей испытывает в этом отношении весьма тяжелое положение. Здание Этнографического Отдела было выстроено только в половину против предположенного по плану в соответствии с характером и количеством коллекций Отдела; в 1918 году Музей увеличился учреждением в его составе нового Отдела—Историко-бытового; кроме того, за время революции все Отделы чрезвычайно увеличили свои собрания. Предоставление в 1922 году для Историко-бытового Отдела особняка б. Бобринского, находящегося в 3 километрах от основных зданий Музея и по площади своей совершенно недостаточного, не вывело Историко-бытового Отдела из затруднений относительно помещения. Наводнение в сентябре 1924 года резко ухудшило положение Русского Музея в отношении помещений. Музею пришлось впредь отказаться от пользования теми помещениями, которые, как выяснилось, подвергаются опасности затопления. Таким образом Историко-бытовой Отдел лишился приблизительно $\frac{1}{3}$ занимаемых им в особняке б. Бобринского помещений, а Этнографический Отдел потерял все подвальные помещения, где в 22 залах, общей площадью 4764 кв. метров, хранились его резервные коллекции. Часть их пришлось перенести в непригодное помещение выставочного здания, часть разместить в узкой, темной галлерее под Мраморным залом, часть—в выставочных помещениях, с ущербом для прямого назначения этих помещений и с закрытием, в связи с этим, нескольких зал для обозрения. Историко-бытовой Отдел оказался настолько стесненным, что должен был упаковать значительную часть своих собраний, а для устройства второй части (рабочий быт) выставки «Труд и капитал» поставить на очередь вопрос о необходимости свернуть несколько комнат первой, ранее открытой части

выставки (купеческий быт). В Художественном Отделе из-за недостатка выставочных помещений остаются временно не выставленными на постоянной выставке весьма много предметов, имеющих большое значение в художественном и историческом отношении, и не осуществлен ряд намеченных Отделом временных выставок.

Настойчивые старания Музея получить дополнительные помещения путем предоставления ему каких либо зданий, оказались безрезультатными. В частности Музею до настоящего времени не удалось возвратить принадлежащего ему здания б. Школы народного искусства, несмотря на то, что оно по точному смыслу и арендного договора Музея с этой прекратившей после революции существование школой, и согласно с декретом о закреплении владений за музеями, должно было быть передано Музею. Между тем это здание необходимо Музею для хранения и развертывания его этнографических и историко-бытовых коллекций.

Большое значение для Русского Музея имело бы окончание отделкой принадлежащего Музею, так называемого «выставочного здания». Построенное с учетом экспозиционных задач, светлое, просторное 6728 (кв. метров полезной площади), расположенное в непосредственной близости с основными зданиями Музея, оно разрешило бы кризис для Художественного и Этнографического Отделов, дало бы возможность правильного, органического развития для Историко-бытового Отдела и обеспечило бы Музей помещением для устройства временных выставок, которое, вместе с тем, могло бы периодически предоставляться и для временных выставок художественных и иных организаций, не имеющих для этого собственных помещений. При упрощении предполагаемой по проекту отделки помещений (отказ от лепных украшений, и т. п.) для завершения ее потребовалась бы сравнительно небольшая сумма, причем работы могли бы быть выполнены постепенно, в течении нескольких лет, а частичный отпуск кредита дал бы возможность немедленного в первый же год использования для Музея части здания и обеспечения полной сохранности остальной части здания.

Для Художественного Отдела вопрос о расширении помещений мог бы быть частично разрешен путем приспособления помещений старого флигеля Росси.

Существенно необходимым для Музея является увеличение средств на научные экспедиции и командировки, а также предоставление Музею возможности более широкого развития издательства, так как без этого невозможно выявление научно-исследовательской деятельности Музея и надлежащее развитие культурно-просветительной работы.

А. А. МИЛЛЕР

МУЗЕЙНАЯ МЕБЕЛЬ И ЕЕ ОБОРУДОВАНИЕ

Этнографический Отдел Русского Музея приступил к разработке вопросов музейного оборудования заблаговременно и гораздо ранее, чем специально строившееся для Отдела здание было закончено. По поручению Музея, хранители Этнографического Отдела бывали за границей в целях разностороннего ознакомления, как с организацией, так и с техническим устройством Западно-Европейских музеев. С подобным заданием был командирован и я, в первый раз (1910) для общего ознакомления с системами устройства экспозиционной части музеев; во вторую же поездку (1913) цель моих работ была сужена до изучения этикетажа и разных приемов выставки мелких предметов в музеях Парижа. В первую из этих поездок мне удалось побывать и поработать в музеях Стокгольма, Копенгагена, Берлина, Вены, Брюсселя, Парижа и Лондона.

Публикуя теперь часть собранных материалов, я считаю себя обязанным отметить, прежде всего, ту предупредительность и готовность всячески содействовать, которые я неизменно встречал всюду со стороны тех музейных работников, к которым приходилось за границей обращаться по интересовавшим меня вопросам.

Этнографическому Отделу предстояло разрешить и осуществить весьма сложную задачу оборудования и устройства одного из крупнейших в мире этнографических музеев и, казалось, при наличии самых благоприятных условий. Действительно, ряд таких условий имелся налицо: строилось новое специально музейное здание, собирание материалов шло успешно, и к 1910 году Отдел располагал уже богатым фондом; в отличие от постройки здания — дело оборудования и внутреннего устройства целиком поступало в ведение Этнографического Отдела, который к этой задаче готовился заблаговременно; наконец, на оборудование ассигнована была значительная сумма в размере

248.000 рублей. К этому следует прибавить, что в отношении срока выполнения всех работ Отдел не был связан.

В действительности же обстановка оказалась менее благоприятной. Ряд причин заставил Отдел или отказаться целиком от некоторых из своих намерений, или исполнить их лишь частью, в надежде на возможность коррективов в будущем. Эти неблагоприятные стороны устройства Отдела, по крайней мере, главные из них, необходимо упомянуть.

1) Материал, с которым предстояло оперировать при устройстве Музея, сформировался в основных своих частях примерно к 1910 году, т. е. к тому времени, когда здание можно было считать законченным. План размещения коллекций, как он намечался, исходя из наличного материала и разработанной к этому времени системы выставки и резерва, оказался в несоответствии с теми возможностями, которые давало здание с его внутренней планировкой.

Нужно было, следовательно, всю работу производить в «обратном порядке», т. е. приспособляться к тем твердым и неизменным данным, которые мы имели в самом здании.

Огромное, даже в пределах выстроенной части, здание ¹ (70 саж. по фасаду) оказалось недостаточным, и любопытно отметить, что эта недостаточность обнаружилась ранее всего в следующих сторонах: помещение для резерва оказалось малым, несмотря на то, что оно занимало весь подвальный этаж здания; малой оказалась и свободная площадь пола, пригодная для экспозиции, в особенности во втором этаже; и наконец — недостаточными и неудобными оказались и те помещения, которые возможно было использовать для лабораторий, служебных надобностей и пр. ².

Упомянув здесь об этих сторонах, я не могу не подчеркнуть их важного значения в вопросе конструкции зданий, предназначенных в особенности для музеев этнографических, обрекаемых уже самой их задачей отражать последовательные видоизменения быта, на постоянный рост.

¹ Выстроенная часть представляет собой около $\frac{1}{2}$ площади полного проекта.

² Неудобства эти, разумеется, выступили бы в значительно менее острой форме в случае осуществления полностью первоначального плана здания.

При постройке музейного здания необходимо, конечно, иметь в виду то доминирующее значение, какое имеет функциональная сторона в музейном организме.

Центром в подобном организме нам представляется основная масса коллекций, хорошо организованная, как в отношении хранения, так и в смысле пользования, т. е. то, что обычно называется «резервом». Экспозиция музея, какой бы степени устойчивости и длительности она ни была, все же является переменчивой по методу осуществления — показательной функцией того же резервуара материалов, основы всего дела. Мы имеем в виду, что музеи должны функционировать не только своей показательной стороной, но и иными; и здесь на первом плане выступает другая социальная роль музейного организма, а именно обслуживание исследовательской деятельности все растущего круга лиц, научные работы которых приводят их к вещественным источникам культуры материальной. Естественным представляется нам вывод, что подобные резервы, если только термин этот вообще применим в нашем смысле, должны быть организованы и должны функционировать наподобие правильно устроенной библиотеки. К резерву, по возможности, должны примыкать и рабочие помещения, отвечающие по природе своего назначения «читальным залам» библиотек и т. д.

Эти положения, вряд ли кем либо сейчас не разделяемые, не были положены в основу разработки плана здания Отдела Этнографического, построенного так, как будто бы показательная часть его исчерпывала всю потребность в помещении, а резерв, как часть запасная, мог быть размещен и в подвале. Характеризуя эту сторону обстановки в устройстве Отдела Этнографического, должен оговориться, что в подобном разрешении вопроса нет никаких оснований винить непосредственно строительную комиссию и в частности архитектора, и смею, утверждать, что указанное выше несоответствие здания жизненным потребностям музея характеризует лишь переходное время в деле музейного строительства вообще и не только у нас, но и за границей. Музейного здания, удовлетворительно отвечающего главнейшим потребностям музея, как организма со сложными и разнохарактерными функциями, пока, повидимому, не

существует ¹. (В этом случае имею в виду, разумеется, музеи с крупными, а не частными и узко поставленными задачами, когда показательная часть может исчерпывать полностью все функциональное их назначение).

Формулирую заключение: 1) здание Этнографического Отдела Р. М. оказалось не отвечающим следующим потребностям: а) хорошему устройству резерва (подвал!), б) желаемому устройству экспозиционной части, 2) необходимым удобствам рабочих помещений и лабораторий.

Коснувшись попутно вопроса музейных зданий вообще, я оговариваюсь, что тема эта, может быть, наиболее существенная в деле музейного строительства, мною сейчас обходится вовсе в предвидении момента, когда вопрос этот неизбежно станет центром интереса и музейных работников и архитекторов. В настоящем очерке, следовательно, мною не будут приведены те замечания о музейных зданиях, которыми я располагаю.

2) Вторым неблагоприятным обстоятельством в условиях устройства Этнографического Отдела Русского Музея следует считать недостаточность средств, для этой цели отпущенных. Правительством ассигнована была сумма в 248.000 рублей на оборудование Отдела, но Этнографический Отдел, исчислявший предстоящие расходы, не мог предвидеть, что часть этой суммы возвратится непроизводительным для Музея образом обратно в казну в виде пошлины за шкафы и витрины, заказанные за границей ². Положение это не оказалось возможным изменить, несмотря на энергичные представления и объяснения со стороны Музея.

Материальные возможности, определившиеся указанным обстоятельством, лишили Отдел возможности оборудовать железной мебелью Музей в такой степени, как это казалось необхо-

¹ Осмотренные мною в 1901—1905, в 1910 и 1913 гг. музеи Западно-Европейские имеют те или иные весьма крупные зачастую дефекты в отношении помещения. Любопытно то, что здесь нельзя сделать исключения даже для самых новых, как Nordiska Museet, Nouvelle Gallerie, Victoria and Albert Museum и др. Не могу говорить о музеях Сев.-Амер. Соед. Штатов, так как эти музеи известны мне пока лишь по литературным источникам, не освещающим в достаточной степени дела. Не включаю сюда также и нового здания Deutsches Museum'a, которое мне известно лишь по литературным источникам.

² Размер пошлины достигал почти 60% стоимости заказанных шкафов и витрин.

димым. Правда, помимо этой суммы, Отделу ежегодно производились ассигнования, но в пределах достаточных лишь на исполнение текущих работ.

3) В 1914 году, с момента объявления войны в истории оборудования Отдела наступает новый момент.

Железная музейная мебель, поставленная по конкурсу немецкой фирмой Aug. Künscherf'a в Дрездене, по техническим условиям ее конструкции собиралась из заранее заготовленных частей и монтировалась на самом месте ее установки. Механик этой фирмы, работавший в Отделе по монтажке мебели, после объявления войны был арестован и выслан. Оборудование деревянной мебелью производилось русской фирмой, но с переходом всякого рода заводов на работы для военных надобностей, фирмой этой, естественно, прежде всего нарушены были договорные сроки, дело затягивалось, и в конце концов целый зал Музея оказался необорудованным до конца.

Приостановилось исполнение всех заказов, связанных с применением меди; самые нужные и обычные материалы делались крайне редкими или вовсе исчезали с рынка. Так как эти условия совпали с моментом, когда Отдел только что приступил к внутреннему оборудованию шкафов и витрин и имел в виду при этом использовать весь опыт иностранных Музеев в этой части, осуществить поставленные в этом отношении задачи не удалось.

Соображения эти считаю не излишними в качестве вводной части к настоящему очерку и именно в интересах предупреждения, что настоящее техническое оборудование Отдела Этнографического не представляет собой полного применения всех тех приемов экспозиции, которые были разработаны Отделом¹.

Переходя к основной теме, должен буду сделать несколько предварительных замечаний об общем характере обработки выставочных зал в осмотренных мною иностранных музеях.

Суммируя впечатления, можно сказать, что с этой стороны наблюдается большое разнообразие. Мы можем видеть полное отсутствие какой-либо обработки стен зал, в которых экспонаты

¹ В особенности возросли трудности в исполнении работ по оборудованию в период последних работ, перед открытием Отдела в 1923 г., вследствие полного недостатка в нужных материалах.

размещены в шкафах и витринах, также ни по конструкции, ни по окраске не связанных с общим обликом зала, можем встретить и залы со стильной архитектурной обработкой, которой противоречит весь характер музейной экспозиции и т. д. Для нас важно то, что музеи сравнительно нового устройства несомненно обращали на эту сторону самое серьезное внимание, стараясь для выставляемого материала создать общий нейтральный фон. Это достигается или окраской стен, как, например, это сделано в Kaiser Friedrich Museum в Берлине, Victoria and Albert Museum в Лондоне и пр.; иногда стены покрываются тканями разных тонов, как, напр., в Musée des Arts Décoratifs в Париже, в Kunstgewerbe Museum в Берлине, в Музее декоративного искусства в Брюсселе и проч. В Nordiska Museet по стенам зал устроены деревянные панели, обтянутые рубчатой тканью или натурального цвета, или окрашенной в разные тона сообразно с характером экспонированного материала. Там, где применяется подобный принцип в обработке стен, и вся меблировка обычно имеет весьма простой внешний вид: шкафы и витрины с большими стеклами, с прямыми переплетами, без всяких украшений ¹.

В этих чертах оборудования зал ясно выступает принцип полного подчинения выставочной обстановки самой выставке.

Положение это весьма ярко было формулировано директором Nordiska Museet в Стокгольме, В. Salin'ом, который сказал мне, что «в музее — цвет стен, мебели и иного оборудования должен гармонировать с выставленными предметами, и вся выставка должна давать спокойное впечатление». Еще более определенно высказался проф. М. Voule, под руководством которого я осматривал техническое устройство Nouvelle Gallerie в Париже: «в музее», сказал он, «должны быть видны лишь выставленные предметы, остальное: стены, мебель, кронштейны и все внутреннее оборудование — должны сливаться в один нейтральный, спокойный тон».

¹ В этих целях, между прочим, теперь отказываются от окраски железных или деревянных шкафов в черный цвет, как это нередко делалось в прежнее время. Металлические шкафы красятся матовой или лаковой краской в желаемый тон, как и деревянные. Оксидировка металлических шкафов непрактична вследствие того, что на металле остаются пятна от прикосновений руками.

Нужно сказать, что иных мнений я не слышал во время поездки в 1910 году, и тем не менее далеко не во всех музеях можно было видеть этот принцип осуществленным. Причины всегда были одинаковы — практические затруднения, отсутствие средств.

Исходя из этого положения, мы в состоянии будем формулировать и определенные требования ко всей музейной мебелировке и к шкафам, в частности. Всякого рода мебель должна быть в полном подчинении экспозиции, в этом, собственно говоря, и заключается вся сумма ее положительных свойств.

Интересы экспозиции требуют условий возможно полного и удобного обозрения выставленных предметов, мебелировка должна быть сконструирована в этих целях и не должна иметь никаких элементов, которые шли бы в разрез этому основному ее назначению ¹.

Выделим музейный шкаф для более детального разбора, как основной тип мебелировки в музеях этнографических и им подобных по характеру материала и требованиям экспозиции.

Исходя из только что высказанного, мы скажем, что: 1) шкаф должен иметь возможно большие свободно обозреваемые поверхности, т.-е. стекла должны быть большими, без поперечных перекладин в рамах, 2) рама шкафа должна быть, наоборот, как можно более легкой конструкции, в простых прямых линиях, возможно менее заметной.

Таким образом, мы сразу же встречаемся с двумя элементами, стоящими со стороны конструктивной в известном противоречии. В самом деле, если мы будем увеличивать стекло, то соответственно этому необходимо будет усиливать прочность

¹ В этом именно направлении разрешена была задача внутреннего оборудования при устройстве международной выставки декоративных искусств в Париже, открытой весной 1925 года. Этот принцип положен в основу, и в некоторых случаях превосходно осуществлен, как в стендах Grand Palais, так и во всех многочисленных отдельных павильонах. Вообще выставка эта в экспозиционном отношении дает нам целый ряд положительных достижений и интересных опытов.

В частности и в сложном, я бы сказал, — большом — вопросе манекенов, мы имеем ряд попыток, заслуживающих внимательного изучения со стороны их возможного применения и в музейном деле; об этом вопросе, столь существенном, придется говорить особо.

или жесткость всей системы рам шкафа, делать их более массивными, более широкими.

Если же мы откажемся от легкого дутого, легерного стекла, которое при недостатках имеет еще известный предел размера, и примем стекла зеркальные, более тяжелые, то здесь мы будем поставлены в еще более затруднительное положение с нашей рамой, в особенности в отношении устройства открывающейся части рамы.

Указанные затруднения и представляют собой ту область исканий и достижений в сложном деле конструкции музейного шкафа, в которой работает целый ряд иностранных специальных технических фирм. В этом направлении уже к началу нашего столетия достигнуты были весьма существенные результаты, на которых дело, однако, не остановилось; искания продолжались, и мои впечатления от бесед с некоторыми иностранными конструкторами в 1913 году привели меня тогда же к уверенности, что можно ожидать на этих путях еще очень многих достижений.

Основными моментами в развитии дела можно считать — прежде всего — отказ от дерева, как материала для шкафных рам и переход к железу — материалу, гораздо более прочному, который дает возможность при тех же поверхностях стекол сделать стойки рамы несравненно меньшего размера, чем в шкафах деревянных¹.

Приняв железо, естественно было поставить новую цель на том же пути, а именно: сделать это железо возможно более прочным и, следовательно, перейти тот предел, который и здесь имелся на лицо, конечно. Дальнейшая работа направлена была на качественное изменение железа в желаемом смысле и усиление его прочности конструктивными приемами². Чрезвычайно интересны в этом отношении достижения фирмы Sage, с ко-

¹ Интересно, быть может отметить, что в некоторых музеях я видел очень старые железные шкафы и витрины, формы которых целиком повторяли формы мебели деревянной, до традиционных карнизов включительно. Очевидно свойства нового материала еще не умели полностью использовать.

² При заказе металлических шкафов фирме А. Кюншерф, Этногр. Отделом имелась в виду конструкция шкафов этой фирмы — 1908 года. Работая в указанном направлении, фирма достигла новых положительных результатов, и шкафы следующего по времени крупного заказа (Япония) при тех же поверхностях стекол имели уже более тонкие рамы.

торыми ознакомил меня ее директор в 1913 г. в Париже, показав в разрезе устройство железного переплета шкафа, доведенного действительно до минимальных размеров.

Указав здесь одно из направлений развития музейной техники в применении к шкафу, необходимо будет остановиться и на других, не менее важных сторонах дела. Представим себе, что мы имеем шкаф с большими поверхностями стекла при очень легкой раме. И в этом случае, обладая в полной мере этими качествами, он может оказаться весьма плохим с другой стороны. Дело в том, что внутреннее пространство шкафа должно представлять собой среду возможно хорошо изолированную от внешней. Невозможно допустить, чтобы пыль, неизбежное зло всех музейных помещений, могла бы проникать внутрь шкафов, а вместе с ней и разного рода вредители, борьба с которыми вообще представляет собой в особенности серьезную задачу для музеев этнографических с их разнообразными по материалу экспонатами. Мы подошли, следовательно, к новому требованию, которому должен удовлетворять хорошо сконструированный музейный шкаф: он должен обеспечивать «герметичность»¹ в изоляции внутреннего пространства. Мне приходилось, между прочим, не раз слышать возражения против герметичности шкафов, создающей будто бы вредные условия в хранении помещаемых в подобные шкафы экспонатов. Не имею оснований возражать против этого в случаях герметичности полной, которая может быть и оказалась бы вредной, но та степень герметичности, если можно так выразиться, которая достигается при современной конструкции шкафов, абсолютно безвредна, чему доказательством служит прежде всего опыт Этнографического Отдела, ныне уже многолетний.

Для того, чтобы достигнуть в створах шкафа желаемой герметичности, необходима специальная конструкция открывающихся частей рамы и затворов. Конечно, легче было бы достигнуть этой цели при отъемных дверцах, которые затем накладываются на раму и привинчиваются: все здесь могло быть рассчитано на нажим приполированных поверхностей

¹ Термин «герметичность» в музейном деле применяется, разумеется, в условном значении, в пределах ограждения шкафа от проникновения внутрь разного рода вредителей и пыли.

дверец к соответствующим частям рамы. Однако этот способ, устраняющий конструктивные затруднения, влечет за собой большие трудности при открывании и закрывании шкафа или витрины, а при очень большой поверхности съемной рамы — применение этого приема конструкции уже совсем невозможно.

Лучшими, следовательно, шкафами будут такие, в которых герметичность затвора достигнута при свободно открывающихся дверцах, как бы велики они ни были. Нужно сказать, что в разрешении этой задачи встречаются весьма значительные затруднения. Ведь при конструкции шкафа, уменьшая толщину рамы в пределах удержания в одной жесткой системе больших поверхностей стекол, должно иметь в виду новое данное: сохранение устойчивости всей системы и при открывании дверец ¹. Формулируем следующие требования к устройству открывающихся частей рамы музейных шкафов.

1) Плотное прикосновение рамы дверец с соответствующими частями каркаса шкафа, когда он закрыт, до пределов нужной степени герметичности.

2) Максимальная простота в открывании и закрывании дверец (должен оперировать один работник с ключем).

3) Скрытость всех технических приспособлений (замки и их арматура, петли, шарниры и колонки ²).

4) Безопасность для всей конструкции шкафа, при его открывании и закрывании ³.

Из всех этих требований удовлетворительно разрешаются лишь 3 последних, что же касается первого (герметичность), то ни в 1910, ни в 1913 г. я нигде не видел конструкции, которая отвечала бы этому требованию в желаемой степени,

¹ В современных железных двухсторонних шкафах это достигается обычно в пределах возможности открывания дверец лишь с одной стороны, а не с двух сторон одновременно, что уже выходит за пределы гарантируемой конструкцией устойчивости. Обычно это оговаривается в технических условиях и входит затем в инструкции музейной практики.

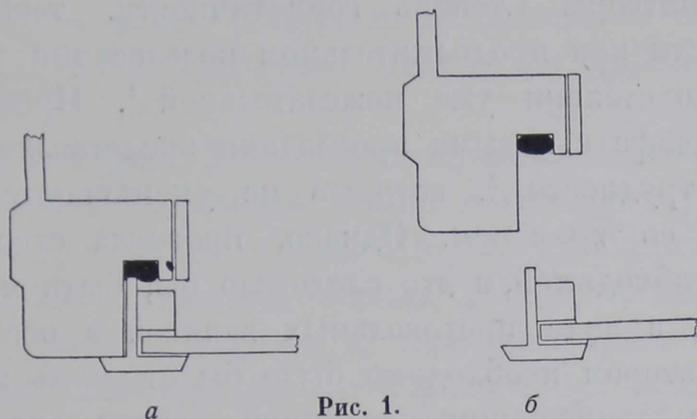
² Очень часто в железных шкафах старой конструкции угловые колонки, на которых вращаются дверцы, выступают наружу, что, разумеется, портит общий вид мебели. Так же неприятны всякие выступающие части замков, ручки для открывания дверец, иногда очень массивные и пр. (Некоторые шкафы в Museum für Völkerkunde, в Musée Guimet и пр.).

³ При трудности разрешения этой задачи конструктивным путем, прибегают обычно к внешним приспособлениям. Открываемые дверцы не оставляют в свободном состоянии, а подпирают нижний край рамы особыми металлическими подставками.

не только в старых, но и в самых новых железных музейных шкафах.

Для освещения этого важнейшего ныне вопроса в деле музейной техники в более детальном виде, я воспользуюсь сравнительно хорошим примером конструкции шкафов, исполненных для Этнографического Отдела Русского Музея фирмой Кюншерфа в Дрездене.

На рис. 1 в разрезе воспроизведены два момента: 1) — шкаф закрыт (а) и 2) дверца шкафа приоткрыта (б).

Как видно на рисунке, дверца имеет выступающий фальц, который при закрывании должен плотно прижимать эластичную трубку, проложенную в соответствующем углублении неподвижной рамы. (Трубка эта на чертеже показана черной). Открывание и закрывание дверцы производится двумя движениями: 1) При повороте ключа на полный оборот, обе длинных железных рейки входят или выходят из соответствующих гнезд рамы вверху и внизу переплета, также как и третий стержень, запирающий раму в середине. В трех местах, следовательно, дверца скрепляется с рамой в момент запираения. Запирающие стержни устроены таким образом, что при их вхождении в гнезда рама дожимается до отказа, причем фальц проникает в эластичную трубку. 2) Движение дверцы, освобожденной ключем от сцепления с рамой, производится рукой.

Следовательно, при закрывании дверцы рукой фальц не прикоснется к прокладке, но этого мы достигнем поворотом ключа ¹.

¹ Ключ двухсторонний, типа ключей ролевых.

Из этого описания видно, что герметичность шкафа в створе достигается здесь плотным прилеганием фальца к прокладке, и нам необходимо сейчас же рассмотреть, насколько это достигается в действительности. На рис. 1. показано идеальное состояние прокладки, т.-е, когда она, освобожденная от давления фальца вновь принимает прежнюю свою форму. В действительности прокладки эти (клетчатка) такой степени упругостью не обладают и скоро принимают форму, отвечающую их состоянию при закрытой двери. В этом то и заключается все несовершенство этой системы притвора. Степень герметичности, таким образом, в особенности при продолжительном пользовании шкафом, понижается до степени уже нежелательной ¹. Проверка герметичности шкафа с новыми прокладками представляет собой уже известные трудности ², которые не уменьшаются, а скорее возрастают со временем. Однако, проверка створов все же является необходимой, и это следовало бы, быть может, ввести в практику, в виде протокольных записей в особый журнал мебели, в котором необходимо было бы отмечать и все случаи, исправления запирающих стержней дверей, случаи, когда затвор переставал правильно действовать, время внутренней чистки шкафов, время их продолжительного открытия при переделке экспозиции, время появления внутри вредителей, (если это будет обнаружено); желательны также отметки о времени вкладов в шкаф дезинфицирующих средств и проч. В этих хрониках желательно также делать отметки об изменениях системы экспозиции, в особенности, если это будет связано с изменениями в нагрузке: например, вся экспозиция, т.-е. все предметы вместе с приспособлениями для их выставки представляют собой нагрузку, работающую исключительно на боковые стояки (в случае, напр., помещения экспонируемых вещей

¹ Применение гуттаперчи для прокладок дало бы еще более неудовлетворительные результаты вследствие свойства этого материала со временем утрачивать упругость еще в большей степени, чем наши прокладки.

² При приемке шкафов в Этн. Отд. Русского Музея испробован был сначала следующий прием, предложенный техниками. Створы были опудрены магниезиальным порошком, а внутри шкафа, чтобы вызвать давление воздуха на створы, производилось воспламенение небольшого количества пороха. От этого комиссия отказалась после первого же опыта. Прибегли затем к нагнетанию снаружи магниезиального порошка в створы шкафов. Проникновение внутрь порошка считалось показателем недостаточной герметичности. Лично я считаю оба способа неудовлетворительными.

на полках, поддерживаемых кронштейнами, укрепленными на стояках); или другой случай—вся нагрузка шкафа относится к его полу¹.

Такие отметки, конечно, имели бы всю полноту значения, какое имеет практика в отношении к расчетам конструктивным.

Вследствие недостатка средств на полное оборудование Этнографического Отдела железной мебелью, часть этой мебели пришлось сделать деревянной, с легкими легерными стеклами. В новом шведском Nordiska Museet, вызывавшем со стороны нашего музея естественный интерес и своим оборудованием, для этнографических экспонатов приняты деревянные шкафы.

Шкафы эти (рис. 2) сконструированы в простых формах, но в техническом отношении имеют некоторые существенные недочеты. Прежде всего следует отметить излишнюю сложность системы закрывания дверец. Каждая дверца запирается двумя различными ключами: первым из них приводятся в движение задвижки, прижимающие дверцу к раме в 4-х местах, вторым ключом запирается замок.

Герметичность в притворе достигается проклейкой соответствующих частей рамы бархатом (или иной материей), что представляется гораздо менее действительным средством, чем выше описанное приспособление в шкафах Этнографического Отдела, в особенности при деревянном материале рам. Мне приходилось, между прочим, не раз видеть применение матерчатой проклейки в рамах в целях достижения известной степени герметичности, даже в металлических шкафах².

При конструкции деревянных шкафов в Этн. Отд. использована была целиком системы трубчатых прокладок по образцу железных шкафов Кюншерфа. На рис. 4 в разрезе дан средний

¹ Данные нагрузки шкафов, в особенности железных, современной конструкции, т.-е. с минимальными по толщине рамами, имеют значение исходных данных для всей конструкции. Это, конечно, не значит, что для каждого шкафа заранее нужно вычислить и определить характер нагрузки, но совершенно необходимо знать пределы нагрузки: сверху на шкаф (подвешивание предметов внутри к верхушке) на боковые стояки и на пол.

² Например, в Nouvelle Galerie в Париже створы в железных шкафах оклеены были материей, которая по словам М. Буля уже через год вытерлась и створы пропускают внутрь шкафов пыль.

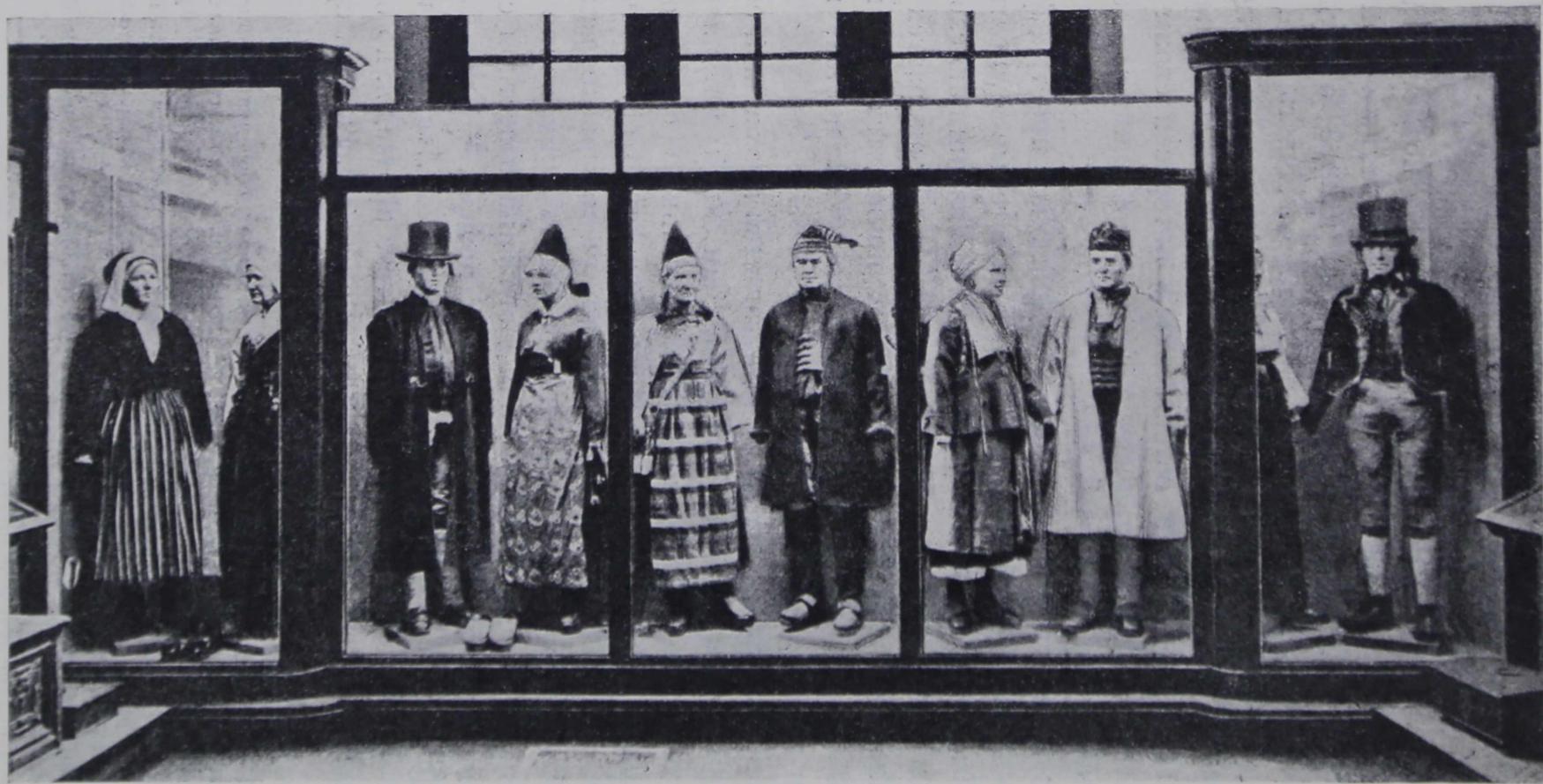

Рис. 2.

Рис. 3.

переплет большого деревянного шкафа, у которого запираются обе рамы. Левая рама закрыта и заперта, правая — приоткрыта.

Запирается шкаф одним ключом такого же типа, как и ключ шкафов железных; плотность прижимания дверцы к раме достигается сцеплением железных реек, входящих в соответствующие гнезда рамы вместе с поворотом ключа.

Такая система, вместе с применением трубчатых прокладок, является более удобной и, я бы сказал, более совершенной, чем принята в Nordiska Museet.

Однако, следует иметь в виду, что, применяя те же приемы устройства притворов, мы тем не менее не достигнем такой же

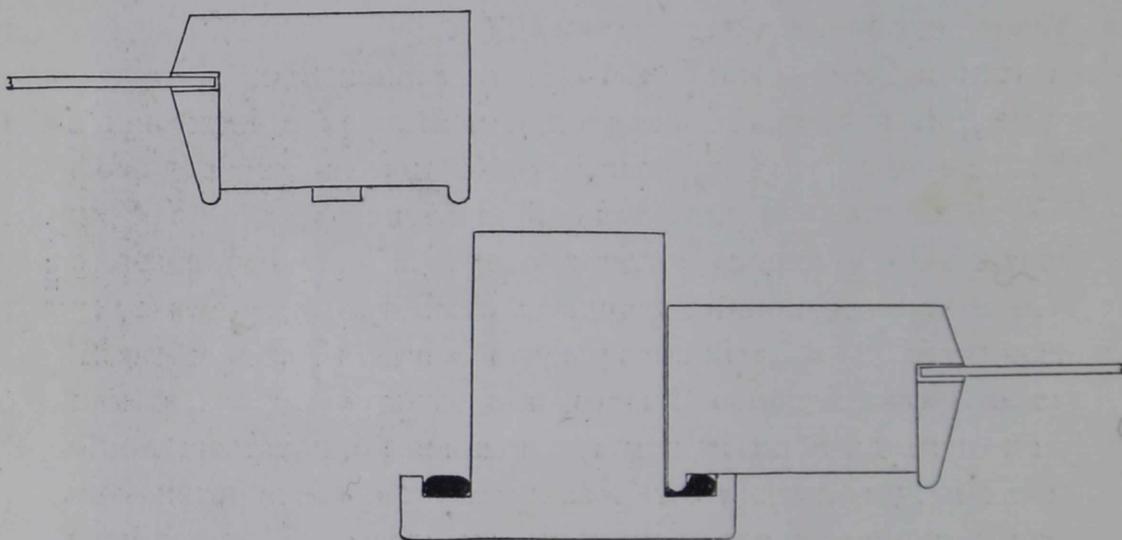

Рис. 4.

степени герметичности в шкафах деревянных, как это возможно при железной конструкции. Дерево, какого бы высокого качества мы его ни избрали, как бы точно ни обработали все части, составляющие шкаф, со временем может дать некоторые прогибы и уклонения от первоначальных начертаний, в особенности при легких переплетах рамы, что в свою очередь соответствующим образом отразится и на степени герметичности затвора.

С этой весьма существенной и важной стороной конструкции музейных шкафов, дерево приходится признать материалом несравненно худшим, чем металл.

Следовательно, деревянные шкафы никогда не дадут желаемых результатов наших технических приемов к их герметическому закрыванию, что в гораздо большей мере может быть достигнуто в шкафах железных.

Но деревянная мебель имеет еще и другие недостатки, вытекающие из свойств материала: 1) переплеты дверей и рамы шкафа всегда будут сравнительно массивными и широкими, 2) нагрузка экспонатами также в ощутительной форме сказы-

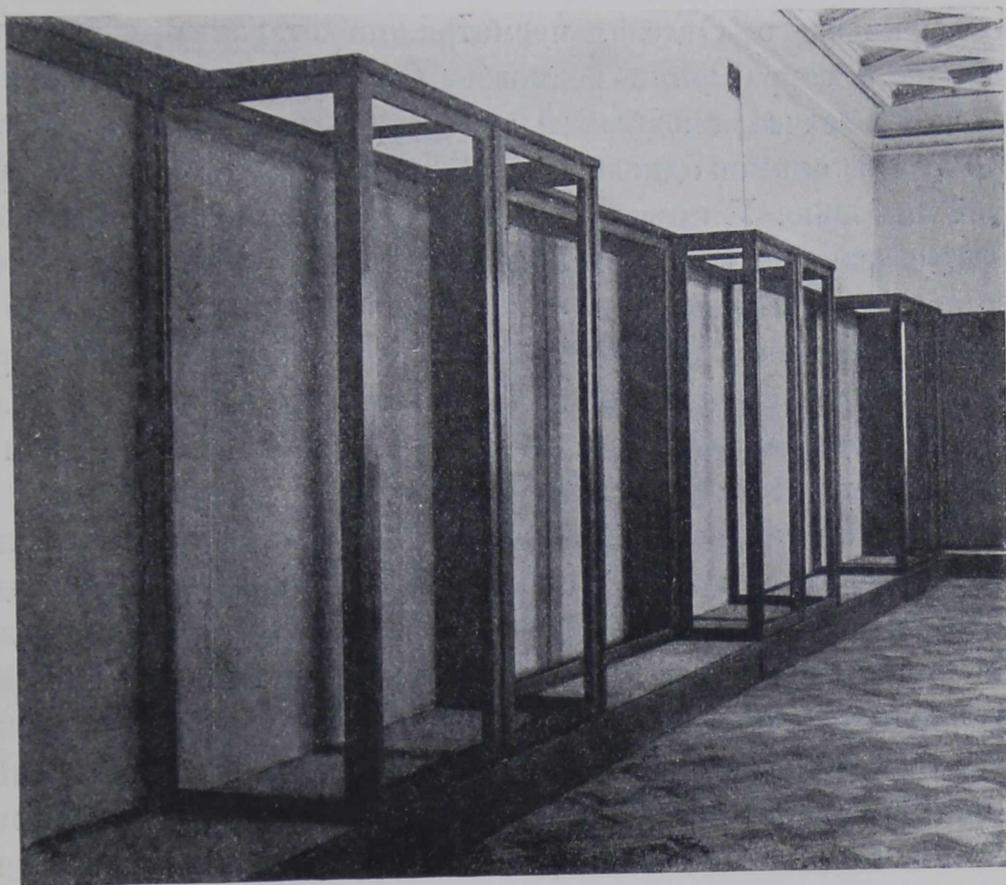

Рис. 5.

вается на размерах рамы, и, наконец, 3) при открывании дверей с большими поверхностями стекол—опасность порчи замков и притворов всегда будет большей, чем в шкафах металлических.

На рис. 3 виден большой железный шкаф Этнографического Отдела, построенный Кюншерфом по специальным размерам, обусловленным длиной стенного пролета, в котором он помещен, а также необходимостью устройства в шкафу выставки

на обе стороны. Шкаф внутри разделен деревянной продольной переборкой на две части.

Железные тавровые переплеты наверху рассчитаны, помимо стеклянного перекрытия (легкое стекло, матовое), еще на давление экспонатов, помещаемых открыто на шкафу, как это имеет место и в данном случае¹. Поверхности зеркальных стенок настолько значительны, что в этом поле, как видно на рисунке, свободно умещаются два манекена.

Совершенно иной внешний облик имеют деревянные шкафы Этнографического Отдела, несмотря на старания сконструировать их в направлении возможно более удовлетворительного разрешения тех же основных задач. На рис. 5 воспроизведен фотографический снимок одного из зал Отдела, оборудованного деревянной мебелью. У стены здесь стоят три глубоких деревянных шкафа, связанные конструктивно с прилегающими к ним мелкими шкафами и щитами в одно целое. Массивность рам этих шкафов, доведенная однако до минимума, выступает на изображении² с удовлетворительной ясностью. В отличие от большого железного шкафа, здесь против свободно обозреваемой площади стекла может быть помещен лишь один манекен.

Музейная меблировка, столь разнообразная по техническим данным, разнотипна также и в других отношениях. Все виды музейной выставочной мебели мы можем подразделить на две группы, независимо от материала, техники и пр., а именно: 1) музейная меблировка, не имеющая для помещения экспонатов изолируемого дверцей пространства; сюда войдут стенные или помещаемые в свободных пространствах зал деревянные щиты для открытого экспонирования предметов, не требующих изолированного пространства для их помещения³, подставки

¹ По договору с фирмой Кюншерфа предусмотрено было, что верхняя рама шкафов должна будет выдерживать, как нагрузку извне (сверху), так и изнутри (повешивание предметов внутри шкафа).

² Такая связь шкафа со стенным оборудованием в одно целое представляет собой благоприятное данное в смысле прочности системы. В случаях же постановки деревянного шкафа в изолированном состоянии, не прикрепленным (свободно стоящий шкаф)—не представилось бы возможным облегчить до такой степени переплеты рам

³ Щиты широко используются теперь в музеях с материалом, который представляется возможным выставлять открыто (Nordiska Museet, Kaiser Friedrich Museum в Берлине, Этнографический Отдел Русского Музея и др.).

разного рода, а также полки, кронштейны и проч.; 2) музейная мебель со внутренним изолируемым помещением.

Эта последняя, основная, группа музейной мебели требует известных подразделений на ряд выработанных в музейной практике типов. Отметим главнейшие: 1) шкафы, имеющие одну стенку глухую, служащую или только фоном для экспонируемых предметов (см. рис. 2), или используемую также, как эксплуатационная поверхность (рис. 3); обратная к зрителю сторона помещаемых в таких шкафах предметов, конечно, не может быть обозреваемой в большинстве случаев; 2) шкафы свободно стоящие (внутри зал), дающие обычно большие возможности к полному обозрению выставляемых предметов; 3) музейная мебель с мелким внутренним помещением для экспонирования небольших предметов, тканей, вышивок и т. п. Сюда войдут витрины разных типов, мелкие стенные шкафы, застекленные подвижные рамы (турникеты) и проч. Группа — очень разнообразная по разновидностям мебели, в нее входящим¹.

В настоящем очерке я не могу задаваться целью обозрения всех разновидностей мебели, которые мною за границей осматривались, описывались или зарисовывались. Задачу свою я сужаю до рассмотрения основных конструктивных особенностей и основных типов музейной мебели и ее внутреннего оборудования.

Таким образом, в отношении указанных выше трех основных групп, мы рассмотрим шкаф стенной (с глухой стенкой), шкаф, свободно стоящий, и витрину, вместе с соответствующими выставочными приспособлениями.

В зависимости от экспонируемого материала, внутри шкафа стенного могут быть устроены те или иные приспособления. В музеях этнографических в больших стенных шкафах обычно мы находим крупные экспонаты: полные комплексы костюмов

¹ Здесь мы найдем мебель металлическую, деревянную, металлическую лишь в части, напр., низ — деревянный, стекло — в металлических рамках. В этой части мебелировки мы встретим не редко и изделия мастерских самих музеев, разные типы музейной мебели, исполненные для специальных потребностей выставки, и проч. Специальные фирмы, делающие музейную железную мебель, имеют обычно лишь немного выработанных типов, которые и помещаются в соответствующих каталогах.

на манекенах ¹, отдельные предметы утвари и обстановки и иные предметы, дополняющие ансамбль.

Здесь предметы размещаются на полу, могут быть подвешены к верхним переплетам рамы, или выставлены на глухой стенке шкафа (рис. 3). Если в большом шкафу выставляются только отдельные предметы, то для этого применяются специальные деревянные вклады, обитые фоновой материей, полки, или иные приспособления, часть которых здесь воспроизводится.

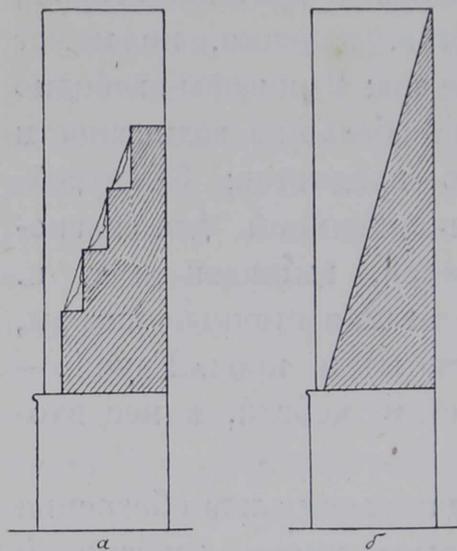

Рис. 6.

На рис. 6а — металлический шкаф на деревянном цоколе, внутри — вклад в виде ступенчатой подставки. Вклад деревянный, обтянут фоновой материей. Ступеньки использованы, как полки для выставки керамических изделий (Лувр, Париж ²).

На рис. 6б — металлический шкаф на деревянном цоколе, в который помещен деревянный вклад, дающий ровную, наклонную от зрителя, обозреваемую поверхность. Выставлены ткани и части костюмов (Musée des Arts décoratifs, Париж). В этом музее, сравнительно новом, при разрешении задач экспозиции приняты были во внимание многие из современных требований музейной техники вообще. Если обозреваемая площадь значительна, то ее наклонное положение является лучшим разрешением технико-экспозиционной задачи, т. к. луч зрения в таком случае при охвате крайних верхних пределов экспозиции, даст меньший угол подъема, чем это было бы при поверхности вертикальной.

¹ Иногда манекены сочетаются в целые группы, воспроизводящие те или иные моменты народной жизни.

² Хорошие стороны этого устройства — предметы (в данном случае тарелки) выставлены на желаемом фоне, обозреваемая поверхность имеет уклон внутрь шкафа, что обеспечивает более свободный обзор; недостатки — не видно обратной стороны экспонатов, экспозиционная емкость несоразмерно мала в отношении объема всего шкафа.

При этом, однако, следует заметить, что потеря внутренней емкости шкафа при такой экспозиции весьма значительна ¹.

Для выставки некрупных предметов в стенных шкафах с глухой стенкой часто применяются и полки, укрепляемые рядами на желаемой высоте. Системы укрепления и самые полки бывают разнообразны. В современных железных шкафах обычно в боковых стояках изнутри делаются гнезда сверху и до низу, в которые могут быть вставляемы на любой высоте железные кронштейны, поддерживающие стеклянные или деревянные полки.

На кронштейны эти могут быть положены и тавровые железные рейки вместо полок, в зависимости от надобностей экспозиции ². Вся нагрузка в этом случае разлагается на стояки. Система эта, дающая значительные возможности, является лучшей.

Однако встречаются и иные способы крепления полок, напр., железные кронштейны прикрепляются (винтами) к деревянной стенке шкафа. На кронштейны могут быть положены полки или наклонные подставки (Kaiser Friedrich Museum, Берлин) — рис. 7¹⁻². Иногда в шкафу ставятся трубчатые штанги с передвижными кронштейнами (рис. 7⁻³, Musée Guimet в Париже, рис. 7⁻⁴ — Musée d'Artillerie, Париж). Весьма существенные недостатки подобных устройств ясны и не требуют пояснений.

Когда в подобных шкафах приходится разместить предметы, выставить которые на полках затруднительно, то пользуются иными приспособлениями. Некоторые образцы подоб-

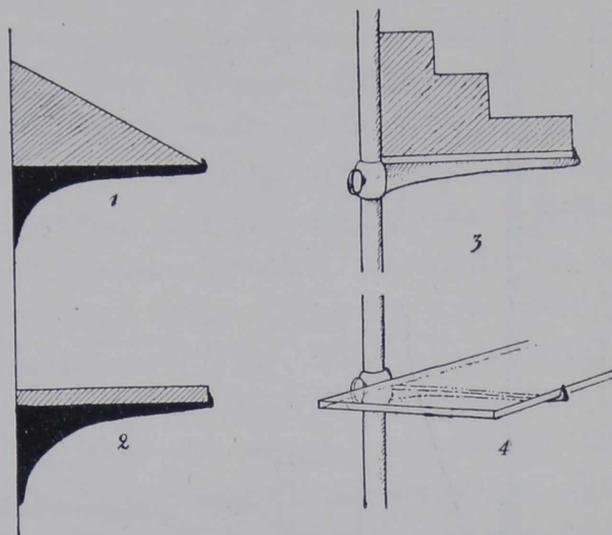

Рис. 7.

¹ Подобные приемы использования глубоких стенных шкафов наблюдались мною и в других музеях.

² Подобные приспособления имеются у всех трех разновидностей железных шкафов Э. О. Р. М.

ных приспособлений показаны на рисунке 8. Здесь мы видим (8^{-1}), как выставлены ружья в шкафу; при этом использованы железные кронштейны специальной формы (Musée de l'Armée, Париж); на рис. 8^{-2} — приспособление для выставления предметов этнографического вооружения (Этн. Музей в Вене), на рис. 8^{-3} — способ выставки ткацких челноков (Conservatoire des Arts et Métiers, Париж), на рис. 8^{-4} — выставка в шкафу стрел (Венский музей).

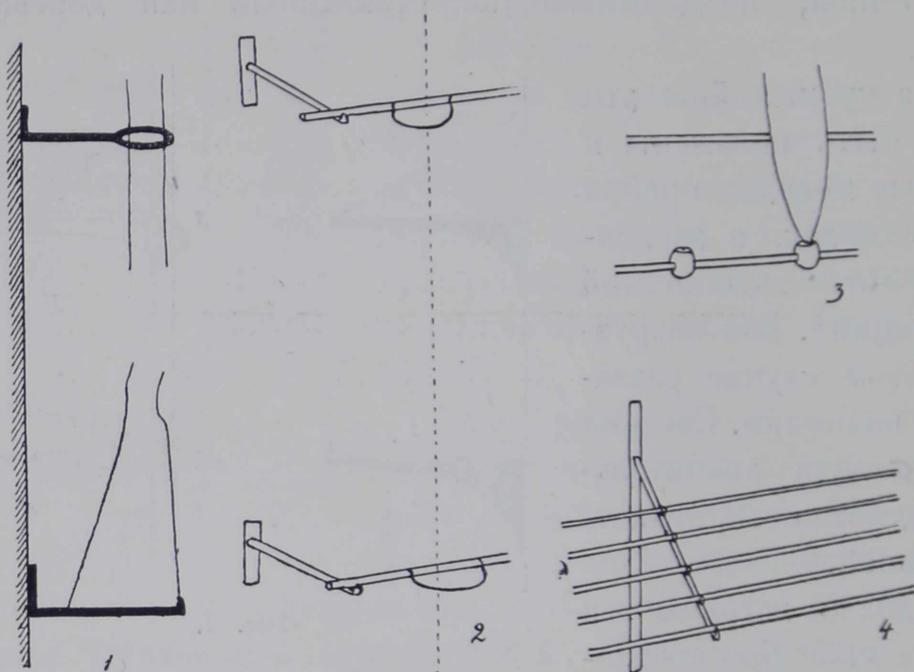

Рис. 8.

Подобные приспособления могут варьировать в очень широких пределах; для нас важно отметить те достижения, которые имеются налицо в приведенных типических примерах.

Прежде всего—все предметы отделены от фона и приближены к стеклу, т. е. к зрителю, причем отделение от фона не есть лишь следствие необходимости поближе поставить экспонируемый предмет к стеклу, но это само по себе является общим условием хорошего размещения всякого рода предметов, за исключением, конечно, совсем плоских, как ткани, кружева и тому подобное. Отделяя предметы от фона, мы этим создаем лучшие условия его обозревания. В этом направлении сделано было уже немало достижений, некоторые из них будут поименованы далее. Наконец, в примерах рис. 8^{-3} и 8^{-4} —

мы видим еще один принцип, — наклон экспозиционной поверхности верхним ее краем внутрь шкафа от зрителя. Это было уже отмечено и к приему этому еще придется возвращаться.

Рассмотрим теперь способы внутреннего оборудования свободно стоящих шкафов, помещаемых не у стен. Шкафы эти могут быть обрезаемы со всех сторон, и в этом их коренное отличие от шкафов стеновых, неизбежно имеющих одну глухую стенку¹.

Свободно стоящие шкафы широко применяются в оборудовании музеев и типы их весьма разнообразны.

Мы можем встретить высокие шкафы на низком цоколе с большими поверхностями стекол. Естественно, что в связи с характером экспозиции в свободно стоящих шкафах, нижняя их часть не может быть утилизирована так, как часть верхняя, дающая гораздо лучшие условия обозрения. Вследствие этого мы можем в подобных шкафах наблюдать и два экспозиционных этажа или, даже, три. Приведу для примера один из таких шкафов в Этнографическом Отделе Русского Музея, именно тот, в котором выставлены изделия закавказских серебряных дел мастеров. Для выставки мелких предметов, требующих наилучших условий обозрения, — использована лишь средняя часть шкафа. Сверху размещены более крупные изделия, а в нижней части выставлены горн, мехи и проч.

В шкафах свободно стоящих очень часто можно видеть, что вся конструкция их рассчитана на выставку лишь в средней зоне, при наилучших условиях; иногда шкафы делаются и выше, в зависимости от выставляемых предметов. Нижняя же часть (прибл. от 1.25—1.50 м.) пространства очень часто вовсе не утилизируется. Есть определенная зона, в пределах которой возможно обеспечить хорошие условия детального обозрения экспонатов; зона эта имеет более твердый предел внизу, что же касается предела верхнего, то он является более условным. В эту зону, в сущности, и помещаются в высотном отношении те части свободно стоящих шкафов, витрин и проч.,

¹ Из дальнейшего я исключаю совсем такие свободно стоящие шкафы, которые разделены вертикальной глухой переборкой на две части и представляют собой, со стороны экспозиционной обстановки, как бы 2 стеновых шкафа. К таким шкафам полностью относится все то, что сказано было о внутреннем оборудовании шкафов стеновых.

которые конструируются, как часть экспозиционная. Очень часто мы можем видеть такую экспозиционную часть на глухом высоком цоколе, на ножках, иногда же свободно стоящий

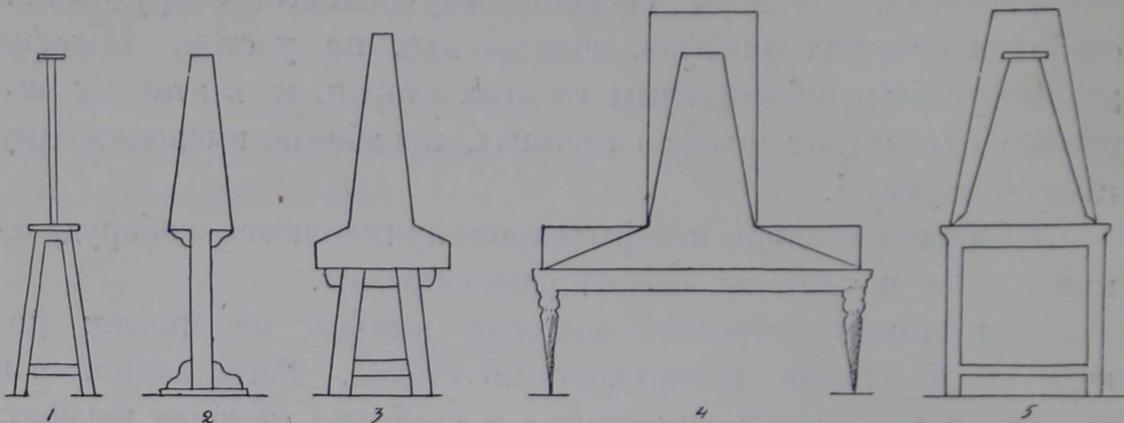

Рис. 9.

шкаф представляет собой металлическую раму со стеклами, поставленную на стол и т. д. На рис. 9 в схеме изображены разные виды музейной мебели, сконструированные в целях утилизации лишь максимально полезной для обозрения зоны¹.

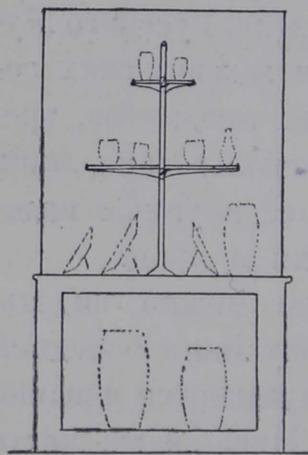

Рис. 10.

Довольно обычным для иностранных музеев является внутреннее оборудование свободно стоящего шкафа, показанное на рис. 10. (Как пример приводится шкаф в Conservatoire des Arts et Métiers, Париж). Нижняя часть — деревянная застекленная и утилизированная в качестве экспозиционной части шкафа, верхняя часть представляет собой металлическую раму со стеклами. В середине часть предметов размещена на деревянной основе непосредственно, часть же —

помещена на зеркальных полочках, лежащих на специальных

¹ Рис. 9¹. Деревянный щит, Musée Cluny, Париж.

Рис. 9². Подставка, на которой с двух сторон выставлены экспонаты в рамках под стеклом, British Museum, Лондон,

Рис. 9³. Деревянная витрина, Nordiska Museet, Стокгольм.

Рис. 9⁴. Железный шкаф-витрина с деревянной нижней частью, Musée des Arts décoratifs, Париж.

Рис. 9⁵. Железная витрина на деревянной нижней части, Victoria and Albert Museum, Лондон.

кронштейнах (парная установка). Кронштейны (металлические) передвижные, на желаемой высоте они закрепляются винтами. Трубчатые штанги, на которых помещаются кронштейны, в данном случае укреплены наглухо на деревянной основе. Подобные подставки, с передвижными кронштейнами, с тяжелыми постаменами бывают и переносными. Обычно они изготавливаются специальными фирмами, как самостоятельный предмет экспозиционного оборудования, и употребляются в магазинах ¹⁾. Недостатки подобной системы ограничивают возможности ее применения. Прежде всего со стороны прочности

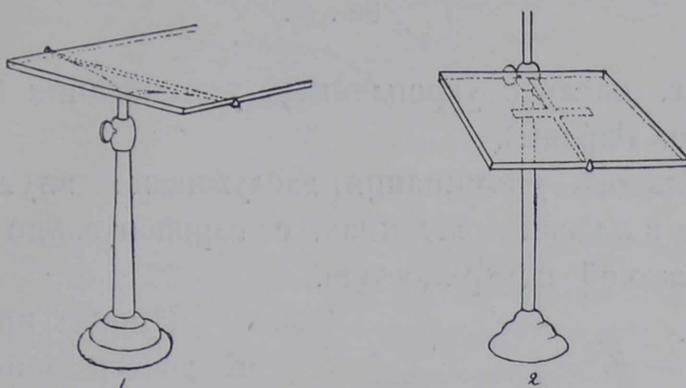

Рис. 11.

и устойчивости, затем и в отношении внешности как это можно судить даже по приводимому схематическому рисунку, она оставляет желать лучшего.

Обычным в больших иностранных музеях является и другой способ оборудования свободно стоящих шкафов, или, точнее, больших витрин. Способ этот, простой в исполнении, может считаться во многих случаях его применения вполне удовлетворительным. Внутри такого шкафа (обыкновенно состоящего из деревянного стола и помещенной на нем железной рамы со стеклами) ставятся глухие полки, образующие пирамидки, как это видно на рис. 12. Пирамидки эти, обитые материей желаемого цвета, составляют фон для экспонируемых предметов (рис 12² Musée des Arts décoratifs, Париж). В некоторых, впрочем, случаях, когда нужно дать возможность обозрения экспонатов со всех сторон, при таком способе выставки

¹⁾ Варианты подставок на рис. 11¹ и ² (Musée d'Artillerie, Париж).

боковые стенки делаются из зеркала, отражающего обратную сторону выставленных предметов (рис. 12¹, Лувр, Париж).

На рис. 13 еще один вариант укрепления полочек внутри большой витрины. Стеклопанные полки помещены здесь на желез-

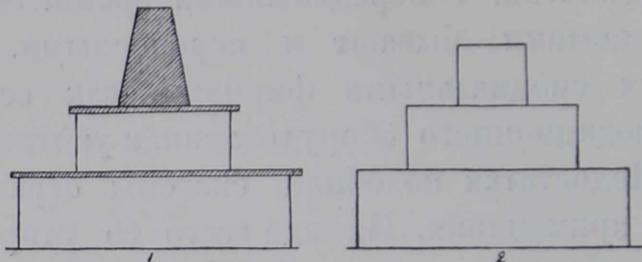

Рис. 12.

ных стойках, наглухо укрепленных у основания (Museum für Völkerkunde, Берлин).

Специального упоминания заслуживают внутренние приспособления в плоских витринах, с горизонтально расположенной обозреваемой поверхностью.

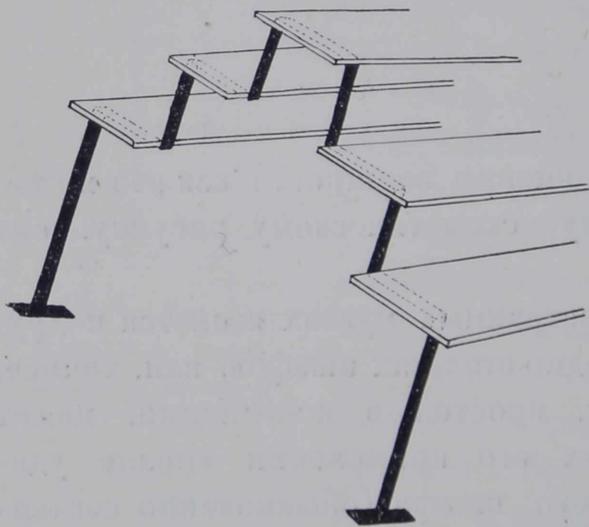

Рис. 13.

Иногда предметы размещаются непосредственно на такой горизонтальной поверхности, но это не дает вполне благоприятных условий для обозрения подобной экспозиции и именно вследствие ее горизонтального расположения. Нужно сказать, что подобные витрины имеют еще и другой недостаток, при всех их крупных преимуществах, а именно: экспозиционная поверх-

ность в отношении к ёмкости всей конструкции — весьма незначительна. Для того, чтобы обеспечить лучшие условия обозрения, иногда в витринах помещают деревянные вклады обтянутые фоновой материей. Такие вклады бывают или односторонними, или на 4 ската, как показано на рис. 14 (Этн. Отд. Р. М.). В Музее Cluny (Париж) в витрине, стоящей у стены, предметы выставлены каждый на особой подставке (рис. 15)

с таким расчетом, что все экспонаты размещены с наклоном, обеспечивающим их наиболее удобное обозрение. Очень часто мне приходилось наблюдать также, что предметы не размещаются непосредственно на дне витрины, а каждый экспонат поддерживается особой подставочкой, и вы его видите припод-

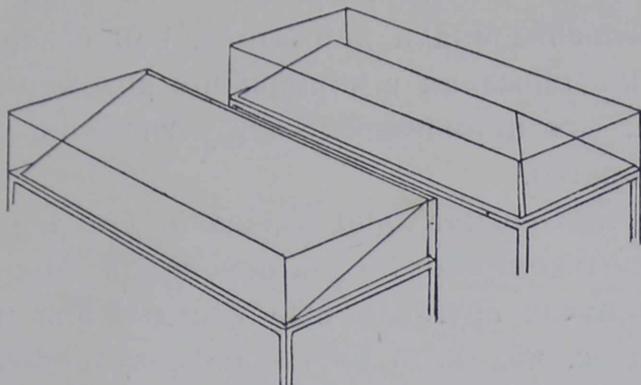

Рис. 14.

нятым над фоном витрины. Так, например, выставлены в витринах мелкие древние предметы в С.-Жерменском Музее во Франции (Musée des Antiquités nationales).

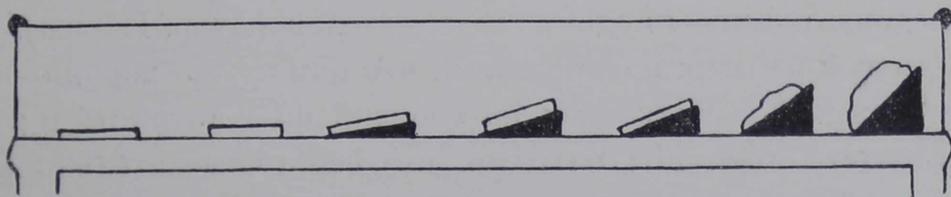

Рис. 15.

Для этого обычно применяются проволочные витые стерженьки с разветвленными концами, которым можно придавать любую форму в зависимости от предмета, который они должны

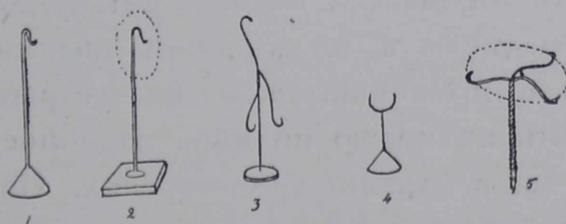

Рис. 16.

поддерживать. Нижним, заостренным концом держатели укрепляются в деревянную основу витрины, покрытую фоном-материей (рис. 16⁵).

В большинстве случаев, в шкафах стенных или свободно стоящих и в витринах оборудование внутри, применительно к характеру экспонатов и принятому способу их экспозиции, не ограничивается устройством разного рода вкладов, полок, пирамидок и проч. Очень часто, как это было видно из примера С.-Жерменского Музея, применяются разного рода специальные приспособления и держатели, или совершенно необходимые для поддержания в нормальном положении выставляемого предмета, или применяемые для улучшения условий обзора экспонатов.

Я совершенно сознательно разделяю эти две потребности. Приведем несколько примеров для пояснения. Мы имеем задачу выставить маленькие круглодонные сосуды. Мы можем просто разрешить вопрос, положить их на полочку в шкафу или на фон горизонтальной витрины, но это решение нас, конечно, не удовлетворит. Нам нужно выставить эти сосуды в вертикальном положении на полке, а этого мы в состоянии будем достигнуть лишь при помощи какойнибудь подставки или держателя, которые в данном случае будут необходимыми. На рис. 20³, 20⁴ приведены примеры подобных держателей (Лувр, Париж). Возьмем другой пример: предположим, что нам нужно хорошо выставить серьги. Мы их кладем на плоский фон витрины, и это нас не удовлетворяет. Мы находим, что серьги желательно выставить в подвешенном состоянии. Отказываемся от плоской витрины и обращаемся к полочке. Мы поставим на полочку два держателя вроде изображ. на рис. 16¹ и подвешиваем к ним наши серьги. Мы получим желаемое, но можно дело еще улучшить, оклеив эти держатели той самой материей, которая служит фоном в данном шкафу, и тогда мы будем видеть только выставленные предметы и в желаемом положении. Подобные держатели широко применяются, и их устройство настолько просто, что делать их можно по мере надобности своими техническими силами, в музейных мастерских. На рис. 16 приведен ряд разновидностей фиг. 16² — подставка проволочная на стеклянном постаменте (Nouvelle Galerie, Париж), фиг. 16³ — вариант в Musée d'Histoire naturelle, в Париже, фиг. 16⁴ из Musée des Arts décoratifs (Париж).

¹ Зарис. в Victoria and Albert Museum в Лондоне.

Все эти держатели употребляются для выставления небольших предметов, требующих хороших условий обозрения.

На рис. 17—держатели более сложного устройства. На фиг. 17¹—держатели на одной общей металлической подставке

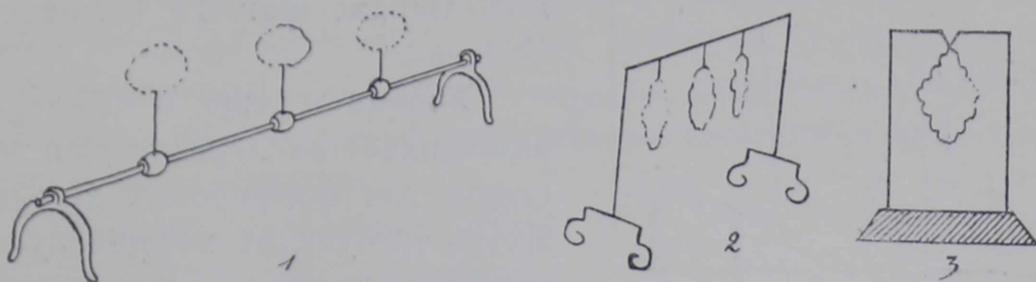

Рис. 17.

(Nouvelle Galerie, Париж), на фиг. 17²—держатель для подвешивания нескольких предметов (Kunstgewerbe Museum, Berlin), фиг. 17³—держатель для подвешивания одного предмета (Victoria and Albert Museum, Лондон).

Выше указано было, что в музеях, при хорошем техническом устройстве экспозиции, в плоских витринах предметы поднимают над фоном при помощи разных подставочек и держателей. То же самое применяется нередко и при расположении экспонатах на полках шкафов и высоких витрин. В Musée d'Artillerie (Париж) мелкие предметы выставлены не непосредственно на полках, а на стеклянных табличках, приподнятых над полочкой на высоту обыкновенных булавок (рис. 18¹).

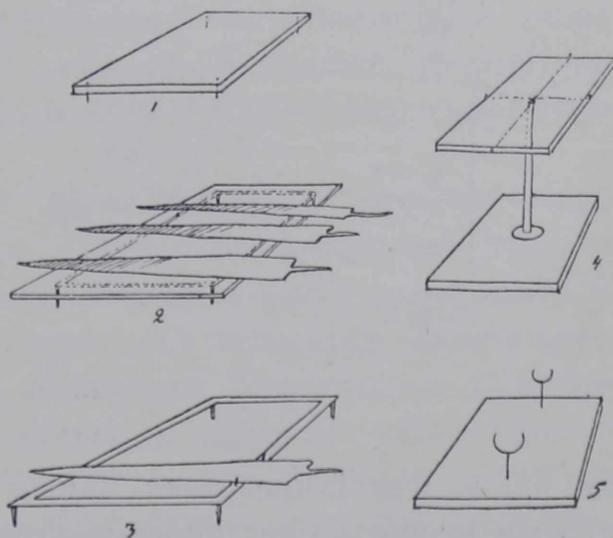

Рис. 18.

На том же рисунке фиг. 18²—древние кинжалы выставлены на стеклянной полочке, лежащей на металлической рамке (Лувр, Париж). На фиг. 18³—только металлическая рамка, на которой

непосредственно лежат экспонаты, на фиг. 18⁴ — вариант устройства подобных же приспособлений.

Рис. 19 воспроизводит подставки, употребляемые для выставления предметов на полках шкафов в несколько наклонном положении (фиг. 19¹ — Musée Guimet, Париж, фиг. 19² — Nouvelle Gallerie).

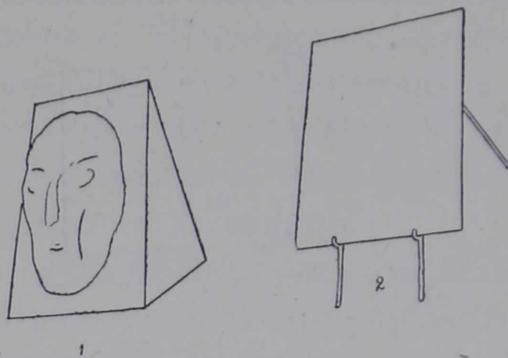

Рис. 19.

Упомянем еще о некоторых разновидностях держателей и подставок для фарфоровых изделий, всегда требующих хороших условий обозревания.

На рис. 20¹ — держатель для выставления фарфоровой чашки, помещаемой на нижнем выступе, и соответствующего блюда, выставляемого наверху держателя (Musée des Arts décoratifs, Париж).

Еще лучше разрешена эта задача держателем второго рисунка (рис. 20² тот же музей), который, при всех его достоинствах, очень прост и изготавливается из обыкновенной мед-

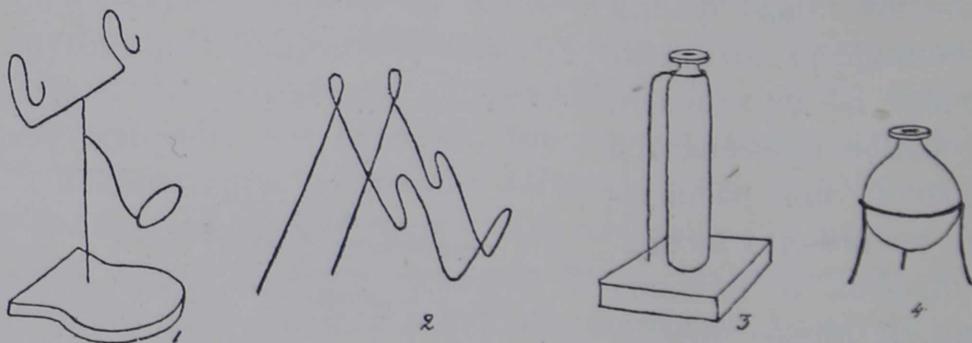

Рис. 20.

ной или железной проволоки. Чашка кладется на нижний выступ, получая несколько наклонное положение, блюдечко же ставится в среднем изгибе.

Наконец, на рисунке 21 воспроизведены две разновидности подставок для тарелок и блюд, выставляемых на полках. (Фиг. 21¹ — Victoria and Albert Museum, фиг. 21² — Musée des arts décoratifs). Первая подставка деревянная, вторая из металлической проволоки.

Я не исчерпал своих материалов по части способов размещения и крепления предметов и в половине, избегая лишнего. Кажется, что указанных примеров достаточно для характеристики той работы, которая производится в иностранных музеях в направлении изыскания наилучших условий экспонирования.

Таким образом, три существенных слагаемых можно указать в части оборудования музеев мебелью: 1) сама мебель, 2) ее внутреннее оборудование полками, подставками и проч. и 3) отдельные приспособления для выставления и крепления разного рода экспонатов.

К этому необходимо будет прибавить еще один вид держателей, именно тех, которые употребляются для этикеток. Оставаясь в пределах очерка технического в узком смысле, я здесь не буду, естественно, касаться этикетажа в музеях вообще, столь тесно связанного с характером экспозиции и целиком входящего уже в круг

задач наглядного и удобопонимаемого устройства всей экспозиционной системы. Вопрос этот, весьма важный, требует, конечно, специального рассмотрения. Упомяну только о технической стороне этикетажа.

На вертикальных или горизонтальных экспозиционных поверхностях, этикетки, т. е. надписи на бумаге или картоне, обычно прикрепляются непосредственно к фону, рядом с выставленными предметами, к которым они относятся. Задача крепления этикетки в желаемом положении усложняется в применении к полкам шкафов и витрин, и здесь мы видим большое разнообразие приемов. Этикетка должна стоять в слегка наклонном положении, а поддерживающее ее приспособление должно быть возможно более скрытым с лицевой стороны. На рис. 22¹ и 22², деревянные этикетки, принятые в Минералогическом Музее в Париже. С внешней стороны их следует признать неудовлетворительными. В том же музее картонные малые этикетки поддерживаются в наклонном положении при помощи булавки (рис. 22³). На этом же рисунке фиг. 22⁴, 22⁶

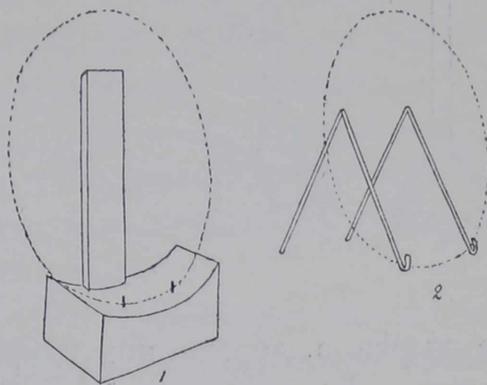

Рис. 21.

и 22⁷ изображают металлические держатели для этикеток; в особенности распространен первый из этих типов. На фиг. 22⁸ — деревянная этикетка с деревянной подставочкой сзади (Лувр), на фиг. 22⁵ — картонная этикетка, поставленная

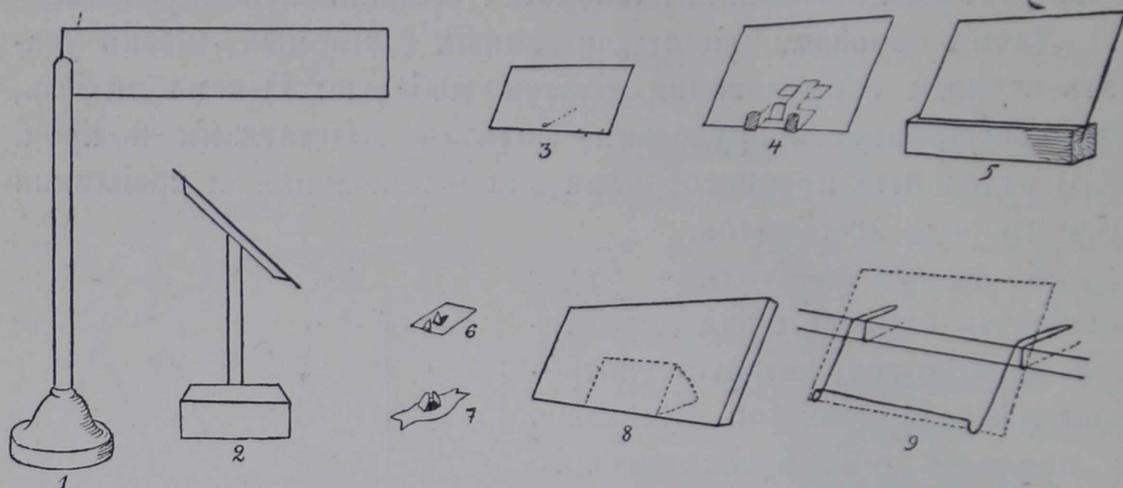

Рис. 22.

в вырез в деревянном держателе (Victoria and Albert Museum, Лондон), на фиг. 22⁹ — проволочный держатель для этикетки, надеваемый на край стеклянной полки (Vict. and Alb. Museum, Лондон). Для подобной же цели делаются держатели

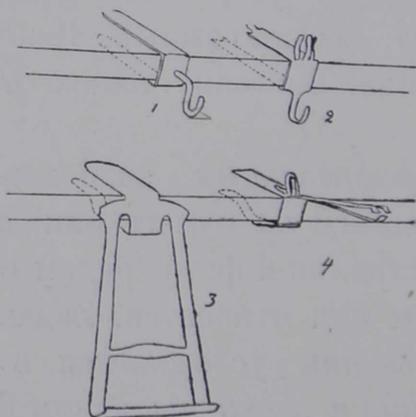

Рис. 23.

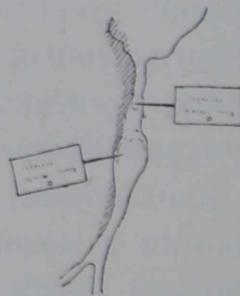

Рис. 24.

в несколько иной более сложной конструкции, как показано на рис. 23³.

Краями стеклянных полок нередко пользуются для выставления небольших предметов, требующих хороших условий обозревания. Для этого употребляются специальные держатели разных типов, среди которых заслуживает упоминания наиболее

простой, изображенный на рис. 23¹. Иногда держатели подобного рода комбинируются и с приспособлением для прикрепления соответствующих выставленному предмету этикеток, как это видно на образцах, воспроизведенных на рис. 23² и 23⁴. (Держатели 23², 23³ и 23⁴ английской фабрикации).

Остается упомянуть одну интересную разновидность этикетки, которая устроена в целях точного определения того места экспоната, к которому ее текст относится. Картонные этикетки, прикрепленные к фону, снабжены тонкими выкрашенными в красный цвет штифтами, которые и указывают определенные точки препарата (Musée d'Histoire Naturelle, Париж) см. рис. 24.

В заключение мне остается лишь вкратце упомянуть о том значении, которое ныне придается в современных западно-европейских музеях фону экспозиции, как существенному слагаемому в сумме данных технического оборудования, определяющих собой ту или иную внешность музея.

С очевидностью выступает здесь стремление подчинить внешность зал, мебели и всего внутреннего оборудования требованиям лишь нейтрального фона и обеспечить этим доминирующее значение выставленных предметов, которые, по приведенному выше меткому выражению проф. Буля, одни и должны быть видимы в музее. Стены в этих случаях окрашиваются в желаемый тон, или обиваются материей, также окрашиваемой в тот тон, который принимается по его соответствию с характером экспозиции в данном зале. Этот избранный тон выдерживается и для фонов внутренних приспособлений в шкафах, и даже, иногда, применяется и для окраски самой мебели.

Следует, однако, иметь в виду, что в деле разрешения задач внешности выставки, для музеев имеются известные пределы, диктуемые необходимостью создать спокойный нейтральный фон и возможность хорошего обозревания экспонатов, и только, и что в этом отношении достижения больших магазинов, в особенности Парижских, не могут служить примером для полного подражания, т. к. здесь достигается экспозицией известный художественный эффект, нередко даже искажающий истинную природу внешности выставяемых вещей.

Проф. Я. Л. ОКУНЕВСКИЙ

и

Доц. П. А. ПАЦАНОВСКИЙ

СЕРОУГЛЕРОД В ДЕЗИНФЕКЦИОННОЙ ПРАКТИКЕ

Из Дезинфекционной Станции Этнографического Отдела
Государственного Русского Музея и Центральной Город-
ской Дезинфекционно-Ремонтной Бригады

Эпидемия последних лет паразитарных тифов в России, явившаяся результатом мировой войны, предъявила требования к персоналу, работающему в области профилактических мероприятий, сосредоточить свое внимание на средствах, применяемых в деле уничтожения паразитов — переносчиков заразы. Как иностранная, так и особенно русская научная мысль была занята изысканием новых средств, которые давали бы наиболее действительные результаты в этой области, и поверкой уже ранее применявшихся химических средств.

Результаты этих исследований и проверки наблюдений дали дезинфекционной практике возможность применения некоторых из средств для борьбы с паразитами. Так за последние годы произведен пересмотр вопроса о применении сернистого газа, установлены его место и условия его применения среди прочих дезинфекционных агентов, и ведутся исследования по изучению производных циана для тех же целей.

Работая в области практической дезинфекции, мы считали необходимым поставить на очередь исследование еще одного соединения серы — сернистого углерода, который, как видно из проводимого нами литературного обзора, играет немаловажную роль в деле борьбы с вредителями продуктов сельско-хозяйственной промышленности.

Сообщаемые нами наблюдения должны считаться лишь предварительными, так как произведены в обычной практической обстановке учреждения, руководствовавшегося только инструкцией фирмы, устраивавшей станцию. Лабораторная проверка различных отдельных моментов дезинфекционного акта (концентрация вещества, температура, влажность, продолжительность и проч.) не могла быть нами пока проделана в виду только недавнего окончания оборудования лаборатории при Дезинфекционно-Ремонтной Бригаде.

Если, несмотря на это, мы все-таки решаемся опубликовать наши наблюдения, то делаем это с целью обратить внимание работников дезинфекционного дела на вещество, которое в нашей санитарной практике является почти не изученным.

Сероуглерод принадлежит к средствам, применение которых практикуется с давних пор в широких размерах в различных отраслях промышленности. Он хорошо известен химикам, а также занимающимся маслостроительным производством, изготовляющим резиновые изделия и сельским хозяевам — виноградарям и садоводам, которым оказал неоценимые услуги по охране и спасению от вредителей зерновых и мучных запасов, по уничтожению филлоксеры на пораженных ею плантациях, по уничтожению сусликов, кротов, хомяков, крыс, мышей и проч.

Из этого краткого указания видно, что средство это больше известно как дезинсецирующее — инсектисид. Бактерицидное действие сероуглерода мало изучено.

Очищенный сероуглерод (CS_2) представляет бесцветную жидкость, сильно преломляющую лучи света, удельного веса 1,293—1,3, кипящую при $46—47^\circ C$., крайне летучую при обыкновенной температуре. Чистый сероуглерод имеет по мнению одних авторов «приятный запах», по мнению других «противный запах редьки». Продажный сероуглерод более или менее окрашен в желтый цвет и содержит дурно пахнущие примеси. По испарении продажного сероуглерода остается незначительный зловонный осадок, содержащий серу. Леман и некоторые авторы указывают, что продажный сероуглерод содержит небольшое количество хлористой серы, имеющий отвратительный «колющий запах». Сероуглерод горит на воздухе, образуя CO_2 и SO_2 и является одним из выгодных источников получения сернистого газа ¹. Пары сероуглерода легко воспламеняются и воспламенение может сопровождаться взрывом, если при этом имеется в воздухе достаточное количество его паров ². Сероуглерод является растворителем жиров, масел, смол, серы, йода. Со спиртом и эфиром и другими органическими соединениями он смешивается во всякой пропорции, его

¹ $CS_2 + 3O_2 = CO_2 + 2SO_2$.

² Имеются указания, что взрыв смеси паров сероуглерода с воздухом может наступить при соприкосновении с металлическими поверхностями выше $150^\circ C$., напр. с паропроводной трубой.

свойство растворять многие вещества дает ему широкое применение. В воде сероуглерод весьма мало растворим (0,218⁰/₀); этим свойством сероуглерода, а также и тем, что он тяжелее воды, пользуются для предотвращения испарения его во время хранения. Пары сероуглерода в 2¹/₂ раза тяжелее воздуха и поэтому легко собираются у пола помещений. Испарение сероуглерода сопровождается значительным понижением окружающей температуры. Повышение температуры окружающей среды ускоряет испарение.

Применение сероуглерода для дезинсекции описано в шестидесятых годах. В 1857 г. проф. Дойер (Doyle) опубликовал результаты применения сероуглерода для уничтожения зерновой моли, указав, что применение его безвредно для зерна. В 1867 г. землевладелец Харьковской губ., Изюмского уезда, А. А. Щербачев подал в Харьковскую Губернскую Земскую Управу заявление, в котором указал, что, на основании изучения химических свойств дусернистого углерода (с 1864 г.), он нашел в нем средство, давшее «блестательные результаты» в деле борьбы с сусликами. Заявление А. А. Щербачева было проверено Управой через комиссию, которая признала средство вполне удовлетворяющим своему назначению. Управа присудила А. А. Щербачеву премию в 1.500 р., как изобретателю, и выдала 3.000 р. на устройство завода для приготовления сероуглерода. Способ же уничтожения сусликов сероуглеродом по всей справедливости признается русским способом А. А. Щербачева.

Вслед за этим сероуглерод начинают применять все чаще и шире для дезинсекционных целей. В 1874 г. во Франции Тенар предложил сернистый углерод для борьбы с размножившейся виноградной филлоксерой. В 1880 г. это средство применяется для той же цели в Швейцарии, а в 1882 г. у нас, в Крыму. В восьмидесятых годах И. А. Порчинский предложил сернистый углерод для уничтожения вредителей зерна, но малое знакомство сельских хозяев с этим средством, а также затруднение в получении его, препятствовали применению сероуглерода для сельско-хозяйственных целей. К 1887 г. об этом средстве достаточно забыли и притом настолько, что в это время на юге России (Бендеры) Ф. М. Ржонковский, на осно-

вании своих многочисленных опытов, стал вновь предлагать сероуглерод для уничтожения сусликов, как новое оригинальное средство. Начиная с 1910 г. Главное Управление Земледелия и Землеустройства издает ряд монографий, посвященных вопросам энтомологии, в которых освещаются методы борьбы с вредителями сельско-хозяйственных продуктов. В трех монографиях, принадлежащих перу И. А. Порчинского, особенно подробно охарактеризовано значение сероуглерода и его преимущества перед другими инсектисидами. Одна из этих брошюр посвящена исключительно вопросу о сернистом углеводе и его применении в борьбе с вредными животными. На основании обзора, как русской, так и иностранной литературы и своих наблюдений И. А. Порчинский считает сероуглерод «превосходным насекомоубивающим веществом», имеющим «важное экономическое значение», весьма ценным в домоводстве.

Обладая драгоценными качествами, сероуглерод имеет свойства, о которых при обращении с ним «надо твердо помнить».

К этим свойствам он относит взрывчатость паров сероуглерода и их ядовитость. Это последнее отрицательное качество сероуглерода, наряду с его быстрой распространяемостью в воздухе и «чрезвычайной проникаемостью» ставит сернистый углевод «на одно из самых видных мест», в ряду других лучших насекомоубивающих веществ. И. А. Порчинский, указав на отрицательные свойства сероуглерода, не столько видит опасность в его ядовитости и взрывчатости, сколько в том, что на практике для производства фумигации сероуглеродом, трудно получить уединенное помещение, достаточно герметическое, между тем, как эти обстоятельства он считает важнейшими и существеннейшими при применении сероуглерода.

Полезные свойства сероуглерода были признаны и русским правительством, а его широкое применение в сельском хозяйстве вызвало необходимость у нас, в России, сложить с этого вещества пошлину. Действие сероуглерода на суставчатых животных были проверены И. А. Порчинским, который поставил опыты с различными насекомыми в банке с притертой пробкой, в которую на нитке опускался не-

большой (в половину горошины) шарик ваты, пропитанный сероуглеродом. Смерть почти всех насекомых наступала «ментально». Такая же участь постигала и пауков крестовиков. Особенно выносливыми оказались клопы; клопы, казавшиеся погибшими, спустя некоторое время, частью стали двигаться, но всетаки на следующий день большая часть оживших погибла, остальные оправились и остались вполне жизнеспособными. Весьма ценным надо считать то, что по указанию Порчинского сероуглерод действует не только на живых паразитов, но и на живые яички, личинки и куколки, не изменяет свойств зерна и муки благодаря своей быстрой испаряемости не придает ядовитых свойств этим пищевым продуктам. Однако, имеются указания проф. Harsaut'a, что хлеб, выпеченный из муки, обеззараженной сероуглеродом, отличается от обыкновенного по своей структуре (Texture), и всхожесть хлеба изменяется.

Всхожесть зерен по опытам В. П. Поспелова (Киевск. губ.), Г. С. Судейкина (Воронежск. губ.) и Г. В. Зененко несколько не изменялась.

И. А. Порчинский дает ряд ценных инструкционных указаний относительно условий производства обеззараживания, температуры помещений, времени зарядки камер, амбаров и проч., способа распределения сероуглерода в сосудах для выпаривания его, о размещении сосудов, о способах заделки щелей и особенно подчеркивает, что на достижение полезного эффекта от сероуглерода влияет характер помещения, его герметичность, температура, доза сероуглерода и способ размещения дезинсецируемых предметов и материалов (напр., распределение зерна равномерным слоем толщиной около полуаршина).

В монографии 1914 г., принадлежащей заведывающему энтомологическим отделом Харьковской областной сельскохозяйственной станции И. В. Емельянову, наряду с очерком работ по энтомологии в Северо-Американских Штатах указано, какую роль сыграл сероуглерод в борьбе с некоторыми вредителями Северо-Американских плантаций. Вообще изучению вредителей и мер борьбы с ними в Америке помогли три крупных обстоятельства: 1) появление калифорнийского червеца, нанесшего ущерб питомникам садоводов, 2) проникновение из пределов Мексики в хлопковый район Соединенных Штатов зна-

менитого «хлопкового долгоносика» и 3) занесение в Штаты так называемой Новой Англии непарного шелкопряда.

В деле борьбы с этими разрушителями Северо-Американских плантаций сероуглерод сыграл наряду с другими инсектицидами большую роль. Он особенно помог в борьбе с хлопковым долгоносиком, для уничтожения которого предложен был даже специальный простой прибор с полый иглой, дающей возможность вводить в мешки с хлопковыми семенами необходимое количество сероуглерода.

О применении сероуглерода в деле борьбы с вшивостью мы находим сведения также у И. А. Порчинского, который уделяет внимание этому вопросу и, осветив условия возникновения ее, приняв во внимание возможность производства обеззараживания сероуглеродом в самой элементарной обстановке (земляная яма с крышкой, сбитый плотно из дерева чан с черепком для испаряющегося сероуглерода) и приведенные выше качества его, — рекомендует сероуглерод для массовой борьбы со вшивостью. Он указывает, что при расходе одного фунта сернистого углерода возможно надежно дезинфицировать несколько десятков кубических футов неплотно сложенного белья. Порчинский рекомендует этот способ для лагерной, походной жизни и, вообще для условий, когда не имеется возможности часто менять белье и одежду.

Здесь считаем необходимым указать те дозы сероуглерода, которые применялись в дезинсекционной сельско-хозяйственной практике. Рассматривая этот вопрос, мы обнаруживаем прежде всего два общих положения, которыми руководствуются при расчете количества сероуглерода. В тех случаях, когда помещение в значительной мере занято хранимыми материалами, — предлагается вычислять количество сероуглерода на вес или объем хранимого продукта; в тех же случаях, когда меньшая часть помещения занята продуктами, рекомендуется производить расчет количества сероуглерода, сообразуясь с объемом помещения. Разнообразные дозы сероуглерода, приводимые в литературе, перечислены нами в метрическую систему и могут быть разбиты на три категории: дозы сероуглерода на кубический метр помещения, дозы сероуглерода на кубический метр зерна и дозы сероуглерода на килограмм зерна.

На кубич. метр помещ. — 13,7 — 54,7 — 95,6 — 109,3 — 145 грамм (клещи, зерн. моль).

На литр воздуха — 0,0137 — 0,0547 — 0,0956 — 0,1093 — 0,1450 грамма.

На куб. метр зерна — 150 — 234 гр.

На литр зерна — 0,150 — 0,234 гр.

На килограмм зерна — 0,101 — 0,25 — 0,31 (горох) 0,4 — 0,5 — 0,731 гр.

Доза обыкновенно избиралась в зависимости от стойкости данного вредителя, от степени герметичности помещения и от степени проницаемости дезинсецируемого матерьяла. Время действия при слабых дозах достигало 48 часов, а при сильных дозах 24 часов.

Дезинсекция гороха, представляющего удобный матерьял для проникновения сероуглерода, наступала уже по истечении десятиминутного срока.

Для уничтожения вшей рекомендуется брать сильную дозу в несколько раз превышающую указанные и подвергать дезинсекции предметы в течение двух часов и вообще короткого промежутка времени.

Переходя к рассмотрению бактерицидного действия сероуглерода, надо указать на первые исследования в этой области Роберта Коха, который в 1881 г., занимаясь изучением вопроса дезинсекции, поставил серию опытов с сероуглеродом и выяснил влияние сероуглерода на спорносых бактерий. Роберт Кох установил, что пары сероуглерода, не убивая спор почвы при 20°, убивали их при 50° и 3-х-часовом действии так, что оставались «vereinzelte Bacillencolonien»; при 80° и 1/2-часовом действии «wenige»; при 80° и 1-часовом действии «vereinzelte» и при 80° и 2-х-часовом действии «keine».

Пары сероуглерода в последних условиях превосходили даже карболовую кислоту, так как давали полное уничтожение спор.

В русской литературе также имеются исследования бактерицидности сероуглерода, произведенные в лаборатории Главного Военно-Медицинского Управления в 1893 г. д-ром Ф. Бируля. Опыты были проделаны над *Staphyloc. pyog. aur.*, над спорами *bacil. anthracis* и спорами *bac. spor. nov.* Дозы сероуглерода

были 30 граммов на 3,755 литра (до насыщения) и 60 граммов на 6 литров (т. е. около 10,0 граммов на литр). Опыты были произведены на неочищенных овчинах и на овчинах, обработанных 1¹/₂‰ раствором соды. На основании опытов оказалось, что сероуглерод при обыкновенных температурных условиях никакого дезинфицирующего действия не оказывал на бактерий, находящихся на неочищенной овчине, а на очищенной 1¹/₂‰ раствором соды овчине сероуглерод убивал стафилококка (*Staph. pyog. aur.*), оказывал сильное действие на споры сибиреязвенной палочки и задерживал рост *bac. spor. pov.*, споры которого были более стойкими, чем споры сибиреязвенной палочки.

На основании своих трех опытов автор сделал следующие выводы: для низкого сорта меха в неочищенном его состоянии, с каким были поставлены опыты, применение этого дезинфекционного средства едва ли целесообразно, несмотря на дешевизну и удобство обеззараживания. Что касается чистого меха, то хотя сероуглерод убивает, повидимому, менее стойкие микроорганизмы, каковы *staph. pyog. aur.*, а также, может быть, малой стойкости споры *bac. anthracis*, но вместе с тем окрашивает в желтый цвет мех, вероятно, от разложения в шерсти сероуглерода. Это особенно заметно на стерилизованной овчине¹. Разрушительного влияния на кожу и мех сероуглерод не обнаруживает.

В 1887 г. Бухнер (*H. Buchner*) указал, что сероуглерод в парообразном состоянии уничтожает рост холерных вибрионов в желатиновой культуре, причем культура после действия сероуглерода при 20 — 22° Ц. оставалась стерильной после 24 часов воздействия паров. Это явление объяснялось с одной стороны бактерицидным действием паров сероуглерода, а с другой их способностью проникать во всю толщу желатины, находившейся в пробирном цилиндре.

В 1913 г. Бокорни (*Th. Bokorni*) установил, что 0,18‰ раствор сероуглерода при 15° Ц. убивает бактерий, дрожжи, инфузорий и морские водоросли и прекращает брожение, является губительным для зимазы, 0,1‰ раствор задерживает рост дрожжей, не уничтожая у них способности вызывать отчет-

¹ Опытами в пробирке обнаруживается, что CS₂ от раствора — КОН и соды — Na₂CO₃, дает желтую окраску.

ливое брожение, и 0,05% раствор не влияет ни на дрожжи, ни на процесс брожения.

Приводя эти немногие данные, надо сказать, что вопросу о бактерицидности сероуглерода при различных условиях уделено мало внимания.

Далее мы приведем сведения о влиянии сероуглерода на мелких животных в целях возможности использования его для дератизационных мероприятий. В обзоре сельско-хозяйственной литературы, приведенной нами, имеются указания, что сероуглерод является губительным для мелких животных и может применяться в складах для уничтожения крыс, мышей и прочих грызунов. Сведения о действии сероуглерода на мелких животных мы заимствуем у проф. К. Б. Лемана, который производил опыты на кошках и получил следующие результаты:

1,2 — 1,5 мгр. сероуглерода (на литр воздуха) — кошки переносят много часов без особых явлений при некоторой вялости.

2,6 мгр. сероуглерода — вызывает тяжелые симптомы.

4 — 5 мгр. » — судороги и параличи через 3 часа.

7 — 8 » » — то же через 2 часа.

10 — 11 мгр. » — то же через 1¹/₂ часа.

Замечено, что молодые животные чувствительнее старых.

Луиг (Luig), исследуя влияние сероуглерода в дозе 1 мгр. на литр воздуха в течение 14 дней на различных животных, при ежедневном воздействии его на животных в течение 8 — 9 часов, получил следующие результаты: 2 кошки умерли через 5 дней, 1 кошка через 2 дня, 1 кошка через 13 дней, 1 кошка через 16 дней, 1 собака через 6 дней, 1 кролик выдержал весь ряд опытов без заметных изменений.

Мыши, крысы и прочие грызуны при дозах, превышающих указанные, как видно из сельско-хозяйственной практики, безусловно гибнут, о чем имеются сведения у И. А. Порчинского, В. П. Поспелова и др. Так, при дезинсекции В. П. Поспеловым одного амбара наблюдалось, «что вместе с жуками в амбаре были истреблены и мыши, трупы которых в большом количестве лежали на поверхности зерна». Доза сероуглерода в этом случае была 54,7 мгр. на литр воздуха.

Что касается возможного влияния сероуглерода на человека, т. е. на персонал, производящий обеззараживание, — сведения об этом мы находим в литературе, освещающей тяжелые условия работы в различных производствах, напр., в производстве самого сероуглерода, при экстракции масел из семян, при производстве резиновых изделий и проч. Проф. Леман установил на своих учениках, что 0,5—0,7 мгр. сероуглерода на литр воздуха не вызывает заметных явлений, 1—1,2 мгр. — через несколько часов вызывает головную боль, а при восьми-часовом действии неприятные, продолжающиеся целые сутки последствия. 1,5 мгр. — вызывает головную боль через полчаса; 2,5 мгр. — вызывает головную боль еще быстрее; 3,5 мгр. — через полчаса приступ головокружения, через 1½—2 часа расстройство чувствительности; 6,4—10 мгр. — через полчаса—час серьезные симптомы, признаки наркоза — ползание мурашек, чувство онемения, боль в дыхательном горле, неправильное дыхание и, как последствие, головную боль.

Хроническое действие сероуглерода, как установил Луиг, очень вредно сказывается на организме человека. Симптомы отравления самого разнообразного характера и зависят от продолжительности действия яда и дозы. Главное действие сероуглерода — на нервную систему, особенно на центральную. Головная боль почти постоянное явление у рабочих и появляется очень рано.

Приведенных сведений достаточно, чтобы составить представление о необходимости осторожного, бережного и тренированного обращения с сероуглеродом для работников дезинфекционного дела.

Здесь же необходимо отметить разнообразное по силе действие сероуглерода и особенное избирательное действие на некоторых животных.

Опыты Луига показали, что на одну и ту же дозу сероуглерода животные разной величины, разной породы и даже одной и той же группы реагируют разно, погибая в разный срок, и что на некоторых животных сероуглерод мало влияет.

Опыты Перрончито в 1897 г. показали, что на этом своеобразном действии сероуглерода на некоторых животных, можно обосновать и его лечебное применение. Перрончито, зная, что

лошади, рогатый скот и ослы могут переносить довольно сильные дозы сероуглерода, предложил его для дезинсекции желудков лошадей, пораженных личинками овода, которые глубоко погружают головной свой конец в слизистую оболочку желудка и не могут быть оттуда удалены никакими сильно действующими глистогонными средствами.

32 — 48 грм. сероуглерода, введенные лошади в течение 4-х часов с часовыми промежутками дают излечение лошади от личинок овода.

Наконец, необходимо отметить высокой ценности качество сероуглерода не вызывать порчи библиотечных предметов, как-то книг, документов, цветных картин и проч.

В этой области имеются наблюдения И. А. Порчинского, которому и пришлось произвести дезинсекцию в помещении гербового казначейства и гербовых знаков различных цветов и достоинств, подвергшихся нападению личинок усача (*Stiocephalus rusticus*). Документы были отпечатаны большею частью очень нежными красками: лиловой, зеленой, розовой и т. п. Процессу дезинсекции сероуглеродом предшествовали опыты, произведенные по просьбе Порчинского Экспедицией Заготовления Государственных бумаг. Опыты Экспедиции показали, что при 22-х часовом действии сероуглерода не было заметно изменений ни в самой бумаге, ни в красках печати, только желтая краска (светлый хромгельб) на промысловых свидетельствах «как будто слегка потемнела, но настолько незначительно, что это может быть замечено лишь при особом внимании. Несравненно большее ее потемнение происходит под влиянием нечистого воздуха жилых помещений».

Опыты Экспедиции привели к заключению, что «суточное пребывание упомянутых бумаг в парах сернистого углерода не оказывает на них вредного влияния».

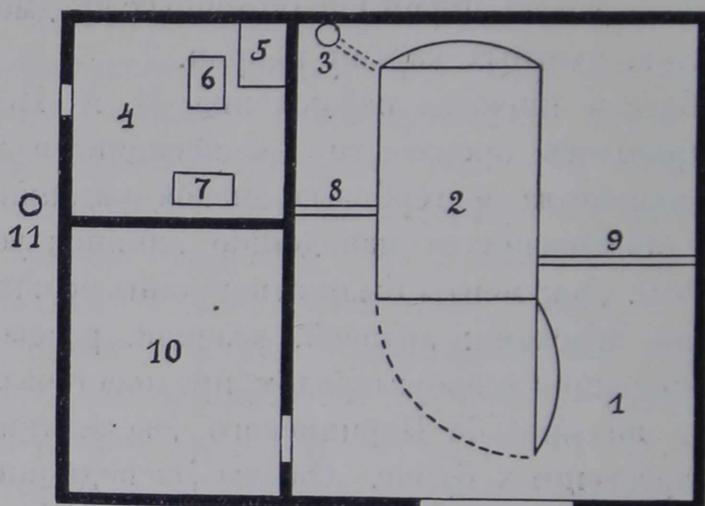
На основании приведенного литературного обзора надо признать известные положительные свойства за сероуглеродом, как дезинсецирующим средством, которое может быть применено с профилактической целью в различных областях.

Знакомясь с литературой по интересующему нас вопросу и с применением этого средства в сельскохозяйственной практике, мы получили указания от Петроградского Губернского

Земотдела, что в Петрограде при Этнографическом Отделе Русского Музея имеется специально оборудованная станция для обеззараживания сероуглеродом.

В виду этого, в июле 1922 г. мы обратились к Заведующему Этнографическим Отделом проф. С. И. Руденко с просьбой предоставить нам возможность ознакомиться с устройством станции и условиями производства работ.

Результатом согласия явилась возможность не только ознакомиться со способом применения сероуглерода, но и поставить ряд опытов по обеззараживанию этим средством.

1. Помещение камеры. 2. Камера. 3. Подача сероуглерода в аппарат. 4. Машинное отделение. 5. Бак с сероуглеродом. 6. Мотор. 7. Насос. 8 и 11. Отсасывание воздуха из камеры. 9. Поступление чистого воздуха для проветривания. 10. Помещение для хранения вещей (Схема).

На описании станции и камеры мы остановимся несколько подробнее, так как она является единственной установкой в России, а также потому, что таковая установка имеется единственной и за границей, в Швеции, при музее г. Стокгольма.

Оборудование станции произведено шведской фирмой Södertelge и Verkstädер'a. Станция Этнографического Отдела оборудована в 1914 г. и представляет собою изолированное одноэтажное строение под железной крышей, состоящее из двух частей, из которых в одной установлена камера, другая часть здания разделена на три изолированных друг от друга комнаты, из которых наибольшая и ближайшая ко входу в камеру предназначена для хранения вещей, вторая является машинным

отделением, а третья предназначена исключительно для помещения бака с горячей водой, в который вставляется цилиндр с сероуглеродом, подлежащим введению в полость камеры.

Камера представляет лежащий цилиндр из котельного железа с одной дверью, размерами — $4 \times 2,84$ м., емкостью 25,4 к. м. (25400 литров). Внутри камера оборудована змеевиком для подогревания аппарата, снабжена выдвигной тележкой, размерами $3,9 \times 2,56$ м. со съёмными сетчатыми полками для размещения предметов. Вверху аппарата, над тележкой, укреплен большой противень, служащий отчасти для приема быстро поступающего в камеру сероуглерода и, главным образом, для предохранения размещенных в камере вещей от попадания на них жидкого сероуглерода.

Камера снабжена электрическим высасывающим насосом — эксгаустером для получения вакуума. Высасывающая воздух труба связана с верхней частью камеры и выведена наружу над краем крыши здания. Для получения чистого воздуха в камере с противоположной машинному отделению стороны установлена труба, подводящая чистый воздух в нижний ее отрезок. Камера снабжена термометром, мановакууметром и имеет приспособление для связи внутренности камеры с цилиндром, содержащим сероуглерод и расположенным, как мы сказали, в изолированном помещении. Впуск сероуглерода в камеру совершается с помощью вентиля, установленных над и под стеклянным цилиндром, дающим возможность наблюдать за правильным поступлением по металлическим трубкам сероуглерода в полость камеры.

Подача пара для обогрева аппарата производится из котельного отделения, находящегося в здании, отстоящем от камеры на расстоянии более 25 метров. Пар подается по паропроводу, проложенному в почве и надежно изолированному и защищенному от замерзания. Электрический мотор и приводимый им в движение насос расположены в особом машинном отделении в целях предохранения от несчастных случаев.

Полы во всем здании из непроницаемого матерьяла.

Опыты производились в обычной рабочей обстановке этого учреждения и нами, по понятным соображениям, не вводилось никаких изменений в установленный порядок производства обез-

зараживания (ни во времени обеззараживания, ни в отношении степени получения вакуума, ни в способах размещения предметов, ни в концентрации сероуглерода). Все наше внимание было сосредоточено на тщательной регистрации всех условий обеззараживания.

Всех опытов было произведено 6. Из них первые два наблюдения имели характер ориентировочных с целью выяснения условий работы. Эти опыты выяснили необходимость прервать наши наблюдения для производства ремонта машинного отделения, главным образом насоса, с помощью которого получался вакуум. Таким образом, только последние 4 наблюдения могут считаться произведенными при полной исправности всех составных частей станции, согласно писанной инструкции, данной фирмой, производившей оборудование станции, а также согласно практическим приемам, выработанным на станции. Во время наблюдений станция производила работу по обеззараживанию и дезинсекции самых разнообразных музейных коллекций: чучел животных, манекенов, одежды, ковров, скатертей, кожаных и деревянных изделий, шуб, оружия и прочего. Все предметы представляли большую ценность не только как музейные объекты, но и как вещи, изготовляемые из дорогих материалов, представлявших продукт творчества той или иной народности. Предметы отличались богатством и разнообразием окраски, яркостью цветов, были расшиты золотом, серебром, изукрашены блестящими металлическими бляхами, позументами и блестками. Многие предметы представляли дары представителей различных народностей лицам бывшего царского дома. Для того, чтобы дать хоть некоторое понятие об объектах, подвергавшихся обеззараживанию, мы приводим перечень наиболее ценных предметов, который осветит сразу все богатство и разнообразие произведенного наблюдения.

Между прочим, обеззараживанию подверглись следующие предметы:

1. Чепрак, шитый серебром, красного цвета, шелковый.
2. Щит кожаный, круглый, обтянутый желтым плюшем и украшенный серебряными бляхами.
3. Скатерть красного сукна, шитая серебром.
4. Салфетка шерстяная черного цвета, расшитая шелком.
5. Скатерть белая суконная, расшитая разноцвет-

ными шелками тамбурным швом. 6. Скатерть, расшитая шелком. 7. Халат персидский, шелковый, желтого цвета, расшитый разноцветным узором. 8. Чепрак. 9. Скатерть шелковая. 10. Коврик красного сукна, расшитый серебром. 11. Скатерть черная шерстяная, расшитая шелком и серебром и обшитая шнуром с кистями. 12. Халат персидский. 13. Халат парчевой на мерлушковой подкладке. 14. Халат из кашемира на мерлушковой подкладке. 15. Скатерть черного сукна, украшенная зелеными и красными суконными вставками, шитыми шелком тамбурным швом. 16. Коврик канвовый, коричневого цвета, шитый разноцветным гарусом. 17. Ковер стриженный, шелковый, красного цвета, на шерстяной основе, с геометрическим орнаментом. 18. Унты меховые. 19. Парка — верхняя одежда из белого пыжика. 20. Лыжи, обтянутые оленьим мехом. 21. Седло оленье, ездовое. 22. Седло оленье, вьючное. 23. Сумà вьючная, оленья, из нерпичьей шкуры. 24. Бубен шамана, обтянутый кожей.

Параллельно с этим нами велись в той же обстановке контрольные наблюдения над: 1) изменяемостью тканей в цвете, 2) изменяемостью прочности тканей, 3) изменяемостью блеска металлических предметов, 4) инсектисидным действием сероуглерода в условиях вакуума, 5) бактерицидным действием сероуглерода в тех же условиях и 6) поставлен контрольный опыт с инсектами, выясняющий самостоятельное влияние на насекомых степени вакуума. При этом перед опытами произведено самое тщательное проветривание помещения камеры естественным путем — открыванием в течение суток двери камеры и ворот здания и искусственным с помощью эксгаустера.

Кроме того, было проверено с помощью максимальных термометров распределение температуры внутри аппарата во время процесса обеззараживания.

Образцы тканей, помещенных нами для наблюдения за изменением их цвета, представляли преимущественно образцы бумази, изготовленные в до-военное время. Образцы были выбраны самых разнообразных окрасок по нежности и по яркости цветов (розовый, оранжевый, светло-голубой, зеленый разных оттенков и белый). Образцы разрезались пополам; одна половина сохранялась для контроля и сличения, другая подвер-

гальса действию сероуглерода. В отношении изменения цвета и прочности были исследованы следующие ткани: темно-фиолетовый крепон, синий сатин, голубая в крапинку вязь Тверской Мануфактуры, ярко красная бумазея, крашеный равентух — защитного цвета военного образца, сукно светло-серое тонкое, употреблявшееся для изготовления гимназических костюмов, сукно светло-серое более толстое, шедшее для изготовления летних шинелей, синий бюруль «Vigoul» для детских платьев.

Для наблюдения за изменением блестящих поверхностей нами помещались медные полированные предметы, часть которых оставлялась для контроля и сличения.

Инсектисидное действие сероуглерода проверялось над насекомыми: вшами, клопами, блохами, тараканами, мухами, пауками, хлебными точильщиками, зерновой молью и ее личинками и дождевыми червями, которые помещались в пробирки и трубки, диаметром около 2—3 сант.; открытые концы пробирок и трубок были заткнуты простой ватой, слоем различной толщины (от 2 до 8 сант.) и различной степени набивки.

В качестве тест-объектов служили шелковинки с чистыми разводками различных микроорганизмов *b. colli*, *b. prodigiosus*, *b. subtilis*, *staphilococcus*, *b. parathyph. N.*, часть которых была высушена, а часть подверглась действию сероуглерода во влажном состоянии. Культуры микробов были получены из бактериологической лаборатории Боткинской барачной больницы. Шелковинки с бактериями были размещены в стерильных стеклянных трубочках, рыхло закрытых ватными пробками и в несколько приоткрытых чашках Гейденрейха-Петри. Кроме того, были помещены живые культуры бактерий на питательных средах, на агаре и жидком бульоне. Одновременно с этим оставлялся контрольный материал.

Прочность тканей испытывалась в разрывной машине Альбрехта Тарногородского. Прочность определялась как до, так и после обеззараживания. В некоторых случаях прочность была испытана после повторного обеззараживания.

Доза сероуглерода была 2,94 гр. на литр воздуха.

Результаты наших опытов в условиях практической обстановки видны из нижеприводимых шести протоколов.

1-ый опыт. 15/vii—1922 г.

Аппарат Södertelge и Verkstädер'a 1912 года.

Темп. помещения 22,5° Ц.

- 1 ч. дня. Температура внутри аппарата 39° Ц.
- 1 ч. 10 мин. насос пущен в работу.
- 1 ч. 40 мин. вакуум в машин. отдел. — 400 мм.
- 1 ч. 40 мин. вакуум в помещен. камеры — 350 мм.
- 1 ч. 40 мин. температура в аппарате 35° Ц.
- 2 ч. 10 мин. вакуум в машин. отдел. — 470 мм.
- 2 ч. 10 мин. вакуум в аппарате — 410 мм.
- 2 ч. 10 мин. насос остановлен.
- 2 ч. 40 мин. пущен сероуглерод.

2-ой опыт. 21/vii—1922 г.

ЗАРЯДКА КАМЕРЫ.

Дождь. Темпер. помещ. 25° Ц.

- 12 ч. 40 мин. Температура аппар. 29° Ц. Вакуум получается
- 12 ч. 45 мин. Насос пущен в работу. очень медленно из-
- 12 ч. 55 мин. Темп. в аппарате 31° Ц. за неисправности
- В 1 час дня работа приостановлена. цилиндра в насосе.

12/viii—1922 г.

РАЗРЯДКА КАМЕРЫ.

В промежуток между 22/vii и 11/viii—1922 г. произведен ремонт насоса, цилиндр заменен новым и установлен новый стеклянный цилиндр в аппарате для сероуглерода.

- 10 ч. 25 мин. Начало проветривания аппарата.
- 10 ч. 55 мин. Конец проветривания аппарата.
- 11 ч. 10 мин. Аппарат открыт.

3-й опыт. 14/viii—1922 г.

Пасмурный день. Темп. возд. 15° Ц.

Темп. помещ. 22,5° Ц.

- 11 ч. 45 мин. Темп. аппарата 30° Ц.
- 11 ч. 50 мин. Начало выкачивания воздуха.

12 ч. 11 мин. Конец выкачивания воздуха:
 вакуум в машин. отдел. — 600 мм.
 вакуум у аппарата — 555 мм.

Начало впуска сероуглерода — 12 час. 15 мин.

Конец впуска » — 12 час. 19 мин.

Темп. после впуска сероуглерода внутри аппарата 28° Ц.
 Вакуум в аппарате после впуска сероуглерода — 530 мм.

15/VIII — 1922 г.

РАЗРЯДКА КАМЕРЫ.

Темп. помещ. 18° Ц.

Показания термометров: 32° Ц. нижний Термом. минимум-
 18° Ц. средний максимум показ.
 28° Ц. верхний 18° Ц.

4-ый опыт. 23/VIII — 1923 года.

День пасмурный, но сухой.

ЗАРЯДКА АППАРАТА.

Темп. воздуха 20° Ц.

Темп. помещ. 22° Ц.

Темп. аппарат. 31° Ц.

Аппарат закрыт в 1 час. дня.

Начало вакуума 1 час. 3 мин. дня.

Конец разреж. — 1 ч. 25 м. дня — 600 мм. в машин. отдел.
 — 550 мм. у аппарата.
 — Темп. упала до 29° Ц.

Сероуглерод впущен в 1 ч. 33 мин.

Конец впуска 1 ч. 36 мин.

Контроль.

3 термометра максим. без оболочек.

7 трубок с насекомыми (клопы, вши, блохи, тараканы, мухи,
 хлебный точильщик, зерновая моль и ее личинки).

1 термом. максим. миним.

2 банки с насекомыми.

- 5 образцов тканей.
- 4 тест-объекта в пробирках.
- 1 чашка Петри с *b. coli*.
- 5 пробирок с культур. подвеш.

24/VIII — 1922 г.

РАЗГРУЗКА КАМЕРЫ.

Начало проветривания 11 ч. утра. } Вакуум к моменту
 Конец проветривания 11 ч. 50 м. утра. } проветрив. 500 мм.
 Аппарат открыт в 12 час. дня.
 Инсекты все убиты.
 Темп. на нижней полке 30° Ц.
 » » средней » 28° Ц.
 » » верхней » 28° Ц.

Пробирки с культурами:

<i>bac. coli</i>	}	все дали рост (+) при пересевах.
<i>bac. prodigiosus</i>		
<i>bac. subtilis</i>		
<i>staphilococci</i>		
<i>bac. paratyphi</i> «N»		роста нет (—).

Тест-объекты - шелковинки со всеми культурами в пробирках — все дали рост (+).

Шелковинки *b. paratyphi* «N.» роста не дали (—).

5-ый опыт. 6/IX — 1922 г.

Теплый солнечный день.
 Темп. воздуха 17,5° Ц.
 Темп. внутри помещ. 22,5° Ц.
 Темп. аппарата 26° Ц.

Начало вакуум — 1 ч. 20 мин. дня.
 Конец » — 1 ч. 40 мин. дня. Вакуум — 600 мм.
 Сероуглерод впушен в 1 ч. 43 м. дня. Темп. аппарата 28° Ц.
 Конец впуска 1 час. 46 мин. дня.

КОНТРОЛЬ.

Агаровая культура:	} Тест-объекты — шелковинки со всеми бактериями, которые имеются в культурах.
<i>b. colli</i>	
<i>b. parathyph. «N»</i>	
<i>b. subtilis</i>	
Бульонная культура:	
<i>b. prodigiosus.</i>	
Трубочки с клопами.	
» со вшами.	
» с мухами.	
» с пауками.	
» с землян. червями.	
3 максим. термометра.	
1 терм. макс.-миним.	

7/IX — 1922 г.

РАЗРЯДКА КАМЕРЫ.

Вакуум в аппарате — 410 мм.
 » » » в машин — 450 мм.
 Начало проветрив. в 11 ч. 10 мин. дня.
 Конец проветрив. в 12 ч. 40 мин. дня.
 Аппарат открыт в 12 ч. 45 мин. дня. Запах очень резкий, даже на открытом воздухе на расстоянии 3—4 саж. от здания.
 Все инсекты погибли.
 Все культуры при пересадках дали хороший рост, то же и с посевами шелковинок на бульон. 9/IX — 1922 г.

6-ой опыт. 13/IX — 1922 г.

Ясный солнечный день.
 Темп. воздуха 18° Ц.
 Темп. помещ. 22,5° Ц.
 Темп. аппарата 23° Ц.

ЗАРЯДКА КАМЕРЫ.

Аппарат накануне проветривался целый день, запах сероуглерода едва слышен.

Пробирки и трубки с клопами.

» » » со вшами.

» » » с тараканами.

» » » с мухами.

» » » с дождевыми червями.

Начало вакуум 1 час. 55 мин. дня.

Конец вакуум 2 час. 15 мин. дня.

Сероуглерод не впускался и опыты произведены при условии воздействия на насекомых одного вакуума.

Вещей в аппарате не было.

14/IX — 1922 г.

РАЗГРУЗКА КАМЕРЫ.

Солнечный ясный день.

Темп. воздуха 17° Ц.

Темп. аппарата 15° Ц.

К моменту открытия камеры.

12 ч. дня — вакуум в аппарате 390 мм.

» в машинном 440 мм.

Все насекомые: мухи, клопы, вши, дождевые черви остались живыми, но брюшная часть у всех оказалась заметно раздутой.

Изменение прочности тканей видно из следующей таблицы:

Степень разрыва пор-
мальной ткани в кило-
граммах ¹⁾.

Степень разрыва ткани в килограммах ¹⁾
после обеззараживания сероуглеродом.
I-й раз. II-ой раз.

Шерстяной темнофиолетовый крепон фабрики Полякова,
изгот. 1912 г.

25,1 — 100⁰/₀

23,3 — 92,8⁰/₀

—

— 7,2⁰/₀

Синий сатин.

17 — 100⁰/₀

16,9 — 99,4⁰/₀

16 — 94,1⁰/₀

— 0,6⁰/₀

— 5,9⁰/₀

¹⁾ Среднее из 3-х — 5-ти определений.

Вязь голубая — Тверской мануфактуры Р. С. Ф. С. Р.

24 — 100 ⁰ / ₀	23 — 95,8 ⁰ / ₀	20 — 83,3 ⁰ / ₀
	— 4,2 ⁰ / ₀	— 16,7 ⁰ / ₀

Красная бумазая братьев Леонтьевых, изготовл. 1917 г.

17 — 100 ⁰ / ₀	16 — 94,1 ⁰ / ₀	15 — 88,2 ⁰ / ₀
	— 5,9 ⁰ / ₀	— 11,8 ⁰ / ₀

Крашенный равентух изготовления до-военного времени.

$\frac{62 - 72}{\text{ср. } 69}$ 100 ⁰ / ₀	69 — 100 ⁰ / ₀	69 — 100 ⁰ / ₀
--	--------------------------------------	--------------------------------------

Сукно светло-серое тонкое.

12,5 — 100 ⁰ / ₀	12,5 — 100 ⁰ / ₀	—
--	--	---

Сукно серое более толстое.

14,5 — 100 ⁰ / ₀	13 — 89,6 ⁰ / ₀	—
	— 10,4 ⁰ / ₀	

Бюруль (Vigoul) для детских платьев — синий.

16 — 100 ⁰ / ₀	16,5 — 103 ⁰ / ₀	—
	+ 3,0 ⁰ / ₀	

Результаты наших наблюдений можно свести к следующему:

- 1) Как музейные объекты, так и наши ткани несколько не изменили своего цвета, блеска и окраски.
- 2) Прочность тканей или совершенно не изменилась или изменилась незначительно, давая цифры понижения прочности в пределах колебания прочности нормальной ткани.
- 3) Металлические предметы не потемнели и не изменили заметно своего блеска.
- 4) Все инсекты погибли, какой бы толщины слоем ваты они ни были изолированы.
- 5) Вакуум в 570—600 мм. — сам по себе не губит насекомых, но несомненно наносит им видимые серьезные повреждения — деформирует их тела (вздутие брюшка).

6) Нестойкие виды бактерий парами сероуглерода в дозе 3 граммов на литр воздуха и при вакууме не убиваются (за исключением паратифа N, какое явление подлежит проверке).

7) Запах сероуглерода в порозных предметах сохраняется относительно долго (особенно сильно он чувствуется в рыхлых тканях — ковры).

Нельзя обойти молчанием некоторые конструктивные недочеты станции, состоящие в том, что под станцию отведена слишком скупо площадь помещения.

Крупным недочетом надо считать отсутствие разделения станции на грязную и чистую половину, что обусловлено главным образом конструкцией аппарата, имеющего одну дверь; но и при этом, устройством дополнительного помещения для хранения зараженных вещей можно было бы предотвратить (неисключающуюся) возможность реинсекции дезинсецированных предметов.

Нельзя не отметить также нерациональность конструкции зажимов у двери аппарата, не дающих свободного и легкого достижения герметичности прибора.

Заканчивая сообщения наших предварительных наблюдений, мы позволяем себе сделать следующие выводы:

1) В виду крайней ограниченности имеющихся в санитарной практике вполне надежных химических дезинфекционных средств, сернистый углерод должен быть подвергнут дальнейшему всестороннему научно-практическому обследованию с целью возможного его введения в дезинфекционную практику.

2) Бактерицидные свойства сероуглерода в условиях произведенных нами наблюдений (концентрации вещества, температуры и степени разряжения) должны быть признаны крайне незначительными.

3) На основании наших наблюдений сернистый углерод можно рекомендовать, как паразитоубивающее средство в санитарной, музейной, библиотечной и сельско-хозяйственной практике, особенно подкупающим свойством которого является его большая проникаемость.

4) Сернистый углерод в виду свойственных ему качеств должен пока применяться главным образом при производстве стационарной городской и железнодорожной дезинфекции.

5) Весьма ценным в практическом отношении свойством сероуглерода является его полная безвредность в отношении изменения физических свойств тканей — их окраски, блеска, сседания, прочности и проч., и в отношении металлических предметов.

6) Взрывчатость и легкая воспламеняемость паров сероуглерода и прочие неблагоприятные в профессиональном отношении свойства едва-ли должны служить препятствием к введению его в санитарную практику, при непременно, конечно, условии — тщательной подготовки и тренировки соответствующего персонала.

7) Простота применения сероуглерода, в связи с большой его проникаемостью и мощным инсектицидным действием, могут оказаться весьма полезным и в военной, походной жизни.

В заключение считаем своим долгом принести искреннюю благодарность Заведующему Этнографическим Отделом Русского Музея, проф. Сергею Ивановичу Руденко за разрешение ознакомиться с постановкой дела обеззараживания сернистым углеродом на Станции Отдела и произвести контрольные наблюдения, а также сотруднику Губернского Земотдела А. Штакельбергу за содействие в получении сведений о станции Этнографического Отдела.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ.

- 1) Rendu, V. Les insectes nuisibles a l'agriculture. Paris, 1876, стр. 90.
- 2) И. А. Порчинский. Земледельческая газета 1884 г., № 23 и 1886 г., № 30 стр. 824 — 825.
- 3) Newell, W. The control of weevils in corn and grain, Press. Bull. of the Texas Agric. Exp. Station. 1910, p. 4.
- 4) Prof. Harcourt. Thirty-Sixth Ann. Report. of the Ontario Agrig. College and Exper. Farm 1910 (Toronto) 1911, p. 87 — 92.
- 5) Г. С. Судейкин. — Вредители Сельско-Хозяйственных растений Воронежской губ., по наблюдениям. 1912 г., стр. 21.
- 6) В. П. Поспелов. Хозяйство. 1907 г. № 1.
- 7) А. А. Щербачев. — Записки Имп. Общ. Сел. Хоз. Южной России. 1866 г., стр. 588.
- 8) Douère, Louis. Journal d'Agriculture pratique. 1857, Seconde partie, p. 30.
- 9) Отчет о деятельности по уничтожению филлоксеры в Крыму 1882 г., стр. 100 и 128.
- 10) Ф. М. Ржонковский. Записки Имп. Общ. Сел. Хоз. Южной России. 1887 г. № 2 и 3, стр. 108.
- 11) Земледелие 1890 г. № 21, стр. 165 и 166.

- 12) И. А. Порчинский. Сернистый углерод в борьбе с вредными животными. Часть I, изд. 3-е доп. 1910 г. Труды Бюро по Энтомологии. Т. V. № 6.
- 13) И. А. Порчинский. Большой желудочный овод лошади. Изд. 2-е доп. 1911 г. Труды Бюро по Энтомологии. Т. VII, № 1.
- 14) И. А. Порчинский. Насекомые, вредящие хлебному зерну в амбарах и складах. Труды Бюро по Энтомологии. Т. X. № 5. Петроград, 1913 г.
- 15) И. В. Емельянов. Сельскохозяйственная энтомология в Соединенных Штатах Северной Америки. Петроград, 1914 г., стр. 90.
- 16) Robert Koch. Ueber Desinfection. Mitt. K. G. A. Bd. I, 1881, S. 248—249.
- 17) H. Buchner. — Ueber die Einwirkung der Jodoform — Dämpfe auf den Cholera vibrio. Münch. Med. Woch. 1887, № 25, Juni, S. 467.
- 18) R. O. Herzog und Franz Hörth. — Ueber die Einwirkung einiger Dämpfe auf Presshefe. Zeitschrift für Physiologische Chemie. 1907, Bd. 52, S. 432.
- 19) D-r Th. Bokorny. — Nochmals über Trennung von Leben und Gärkraft. Pflüger's Arch. Bd. 152—1913, S. 413.
- 20) Проф. Г. В. Хлопин. Химическая промышленность и народное здоровье. Очерк II, 1921 г., стр. 86.
- 21) Проф. др. Леман. — Краткий учебник рабочей и профессиональной гигиены. 1923 г. Гос. Издат.

С. И. мес. 6-20-80.
 Дед. 6.20.80.

1970 H.

-250